

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»
Юридический факультет

Всероссийская научно-теоретическая конференция

**«Права человека в условиях цифровой
трансформации общества и государства»**

Сборник статей

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2021

УДК [340+32]:[330.1+004.9](063)

ББК 67+66+65.051 я431

П68

*Издано при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а)
«Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы
в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада:
концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации
права и правового регулирования»*

Составители:

Овчинников Алексей Игоревич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ;

Кравченко Артур Георгиевич – кандидат юридических наук, доцент, Заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета;

Полубат Станислав Сергеевич – специалист по УМР кафедры теории и истории государства и права

П68 Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства : сборник статей / сост. А. И. Овчинников, А. Г. Кравченко, С. С. Полубат ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. – 156 с.

ISBN 978-5-9275-4032-7

Основой сборника являются доклады, прозвучавшие на Всероссийской научно-теоретической конференции «Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства», который состоится в 10:00 10 декабря 2021 г. на базе Южного федерального университета проводимой при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

УДК [340+32]:[330.1+004.9](063)

ББК 67+66+65.051 я431

ISBN 978-5-9275-4032-7

© Южный федеральный университет, 2021

Оглавление:

СПИСОК АВТОРОВ:	6
(Алимов Д.А.) Трансформация идеи субъективных прав и свобод в условиях цифровой реальности.....	9
(Беляев В.П.; Беляева Г.С.) Процессуально – правовой режим: становление понятия	12
(Воевода И. В.) Право человека на бесцифровую среду	16
(Захарова В.Ю) Субъект ответственности в цифровой среде.....	20
(Волкова А.В.) Цифровые технологии в судебной деятельности: возможность ознакомления с материалами дела в удаленном доступе в арбитражном процессе.....	25
(Казачанская Е.А.) Цифровизация государства и права человека в контексте европейского консерватизма ..	29
(Касачева Т.В.) Владельцы агрегаторов информации как новые субъекты права в эпоху цифровизации..	34
(Кизогян А.А.) Цифровая безопасность личности, общества и государства	41
(Кондратенко С.В.) Внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность РФ.....	43
(Конопий А.С.) Права человека в цифровую эпоху в КНР	48
(Кравченко А.Г.) Цифровые ограничения конституционных прав как фактор сдерживания экономического развития	52
(Ларионов А.Н.) Проблема индивидуализации юридической ответственности субъектов оказания цифровых государственных услуг	60

(Мамычев А.Ю.; Ким А.А.) Информационная эпоха vs цифровая реальность: две логики трансформации экономики, политики, прав	65
(Минина М.А.) Права человека в цифровом обществе	71
(Небратенко Г.Г.) Трансформация правовой системы в условиях цифровизации, экономики, государства и права	76
(Никитин А.А.) Правовое усмотрение в условиях цифровизации юридической деятельности	78
(Нинцева Т.М.) К вопросу о понятии и сущности процессуальной формы	83
(Овчинников А.И.) Цифровизация государства и права человека	87
(Осинюк В.А.) Оценка проблематики цифровой безопасности личности: политологический аспект	93
(Папкина А.С.) Цифровизация правотворческой деятельности	97
(Петренко Е.В.) К вопросу об особенностях и перспективах создания «цифрового правительства»	101
(Саликов А.А.) Роль цифровизации в пропаганде деструктивной субкультуры, запрещенной на территории РФ организации "колумбайн"	107
(Сафонова А.В.) Искусственный интеллект в юриспруденции	114
(Стребков Н.В.) Проблемы контроля и надзора в сфере защиты результатов интеллектуальной деятельности	118
(Фальшина Н.А.) Правовая культура и развитие цифровых технологий в современном обществе	122

(Хабиева З.Д.) К вопросу о понимании правоприменительного юридического процесса	125
(Чабаненко Л.В.) Актуальные вопросы цифровизации процесса предоставления государственных и муниципальных услуг	129
(Шарипов М.С.) Право человека на бесцифровую среду	133
(Шатковская Т.В.) Дихотомия «человекоцентричности» и «цифровизации» в современном праве	139
(Шипетина А.В.) Цифровые технологии в судебной деятельности	147
(Юрасов Ю.И.) Цифровое видео- или фотофиксация: признавать их в качестве доказательства без экспертизы или нет?	151

СПИСОК АВТОРОВ:

1. **Алимов Дмитрий Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ЮФУ; доцент кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета
2. **Беляев Валерий Петрович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юго-западный государственный интернет
3. **Беляева Галина Серафимовна**, доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры административного права и процесса Белгородский государственный национальный исследовательский университет
4. **Воевода Игорь Викторович**, магистрант 2 курса кафедры государственно – конфессиональных отношений Донской духовной семинарии. Иерей храма Преображения Господня г. Ростова-на-Дону
5. **Захарова Виолетта Юрьевна**, магистрант 1 курса южного федерального университета
6. **Волкова Анна Викторовна**, магистрант 1 курса южного федерального университета
7. **Казачанская Елена Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ЮФУ
8. **Касачева Татьяна Васильевна**, Бакалавр 2-го курса Санкт-петербургский государственный университет
9. **Кизогян Анжелика Аргамовна**, магистрант 1 курса южного федерального университета
10. **Ким Александр Алексеевич**, кандидат исторических наук, доцент, Доцент кафедры кафедры международных отношений и прав Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
11. **Кондратенко Сергей Викторович**, магистрант 1 курса кафедры государственно-конфессиональных отношений Донской духовной семинарии, диакон Свято-Казанского храма г. Краснодар
12. **Конопий Анна Сергеевна**, преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета
13. **Кравченко Артур Георгиевич**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

14. **Ларионов Алексей Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета
15. **Мамычев Алексей Юрьевич**, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры российской политики Факультета политологии Московский государственный университет
16. **Минина Мария Андреевна**, студент 2 курса Южно – Российского института-управления РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации
17. **Небратенко Геннадий Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ЮФУ
18. **Никитин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
19. **Нинцева Тамила Магомедовна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Чеченского государственного университета
20. **Овчинников Алексей Игоревич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ, профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления РАНХиГС при Президенте РФ
21. **Осинюк Варвара Александровна**, Аспирант факультета политологии Московский государственный университет
22. **Папкина Анастасия Сергеевна**, студент 2 курса Южно–Российского института-управления РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации
23. **Петренко Елизавета Владимировна**, студент 2 курса Южно–Российского института-управления РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации
24. **Саликов Александр Александрович**, помощник руководителя медиа центра Донской духовной семинарии, магистрант 2-го курса кафедры «Государственно-конфессиональные отношения» Донской духовной семинарии
25. **Сафонова Александра Владимировна**, магистрант 1 курса направления «Правозащитная деятельность и юридическое консультирование»

26. **Стребков Никита Валерьевич**, аспирант кафедры административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
27. **Фальшина Нелли Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ЮФУ
28. **Хабиева Заира Докуневна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Чеченского государственного университета
29. **Чабаненко Лариса Владимировна**, аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
30. **Шарипов Михаил Спиридонович**, Штатный священник прихода храма в честь свт. Николая Чудотворца ст. Марьянской Краснодарского края
31. **Шатковская Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ЮФУ
32. **Шипетина Ангелина Владимировна**, студент бакалавриата Южно-Российского института-управления РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации
33. **Юрасов Юрий Игоревич**, доктор технических наук, магистрант 1 года обучения «Правозащитная деятельность и юридическое консультирование»

Алимов Дмитрий Александрович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры Теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И СВОБОД В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Идея прав и свобод человека номинально остается основной базовой идеей, лежащей в основе существования современного государства. Осознание и принятие того факта, что права и свободы человека не могут существовать в современном мире, без сложной системы их ограничений (порой приводящих к практическому содержательному выхолащиванию того или иного права), одновременно соседствует в правовой доктрине разных государств с идеей прав и свобод человека как высшей ценности. Можно даже говорить о том, в политической риторике идея прав человека как высшей ценности нередко подменяется или смешивается с идеей социальной справедливости или идеей всеобщего блага. Что же касается юриспруденции, то нельзя не заметить, что проблема соотношения частных и публичных прочно вошла в юридическую науку в качестве центральной, получив концептуальное осмысление на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ. Несмотря на то, что права человека как высшая ценность формально закреплены в тексте российской Конституции, как минимум, на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ не меньшую конституционную ценность представляют собой интересы государства, как выразителя воли многонационально народа Российской Федерации, а точнее большинства населения. Несмотря на то, что формально идеалы демократии предполагают обязательный учет мнения меньшинства, на деле государства при решении вопросов общенационального характера, за редким исключением, исходит из мнения большинства, нередко выдавая его за консолидированную позицию.

Одновременно возрастает и роль государства во всех без исключения областях человеческой жизни. Объективное увеличение роли институтов гражданского общества в отдельных странах никак не отражается на главенствующей роли государства как главного защитника человеческой личности и ее субъективных прав и свобод. Чем «цивилизованней» становится государство, чем большее внимание уделяется проблеме полноценного обеспечения прав личности и ее интересов – тем больше возрастает ее патерналистская функция. Когда-то традиционное понимание прав первого поколения, как прав,

имеющих «негативный» характер и характеризующих негативный аспект свободы, все чаще заменяется пониманием главенствующей роли государства в обеспечении всего комплекса личных (гражданских) прав и свобод. Гражданское общество, которое призвано олицетворять альтернативную систему власти, в некоторых государствах вообще не создано, а в других, пусть и создано, может только без конца апеллировать и «взывать» к государству и его властным структурам.

Стремительное вмешательство в этот устоявшийся уравнивание идей и механизмов нового цифрового мира должно было привести к каким-либо видимым трансформациям сложившейся общественно-политической ситуации. Не заметить того, что мир действительно изменился нельзя. Изменились формы человеческого общения и взаимодействия, способы и возможности получения товаров и услуг, упростился доступ к культурным ценностям, появилось значительное количество относительно новых сфер общественных отношений и др. Одновременно упростился доступ к механизмам реализации и самозащиты субъективных прав и свобод. Идея «цифровой демократии» и «цифрового народовластия» – это улучшенные и упрощенные в реализации идеи участия населения в непосредственном управлении делами общества и государства. Подобных примеров можно привести бесконечно много. Появляется и значительное количество новых рисков, несущих безусловную угрозу как безопасности личности, так и безопасности государства. С появлением информационных цифровых технологий совершение традиционных видов преступлений и правонарушений значительным образом «упростились». Появляются новые сферы правового регулирования и законодатель, как правило, не успевая играть на опережение, вынужден вносить в уже сложившиеся и относительно устоявшиеся общественные отношения правовые коррективы.

Однако, необходимо признать, что сущность и содержание базовых проблем, лежащих в основе функционирования современного государств, не изменились. Как и прежде в качестве таковых выступают – обеспечение полноценного существования личности, обеспечение безопасности государства и соотношение частных и публичных интересов в процессе реализации государством своих публично-властных функций.

Некоторое время в конституционно-правовой науке активно обсуждалась тема, появления нового поколения прав – цифровых. Однако, как показала жизнь, цифровые права не являются самодостаточными и выступают как продолжение классического набора прав и свобод человека и гражданина. Не случайно председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин характеризовал цифровые права, как права человека, которые рождаются в процессе

конкретизации универсальных прав человека на уровне цифрового и виртуального пространства¹. В конечном итоге юридическая наука даже не смогла определиться с наименованием соответствующей группы права, а сам термин «цифровые» права был достаточно быстро «занят» представителями цивилистики. В частности, в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ дается оригинальное гражданско-правовое понимание цифровых прав², что, по сути, делает нелегитимным использование данного термина в иных смыслах. Отдельные авторы используют категорию «информационные права»³, также формально не легитимизованную на уровне Конституции РФ и законодательства, пусть и используемую на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ⁴, однако ее использование достаточно далеко от соответствующего понимания идеи цифровых прав.

Таким образом, цифровая эпоха, по сути, не поставила новых глобальных общетеоретических проблем в сфере реализации и обеспечения субъективных прав и свобод личности. Можно сказать, что традиционные проблемы обросли новым дополнительным содержанием. Однако то, каким образом государство будет справляться с относительно новыми вызовами и угрозами цифровой эпохи, также вызывает несомненный интерес. На наш взгляд, особого внимания требуют следующие вопросы:

– что государство может противопоставить правонарушителям, владеющим новыми технологиями, и как глубоко в этой связи государство готово вторгнуться в сферу личной жизни граждан;

– как видоизменятся институты прямой непосредственной демократии и какие усилия необходимо приложить для обеспечения равного доступа к новым возможностям различных групп населения;

– насколько глубоко государство планирует проникнуть в сферу виртуально жизни (жизнь, работа, недвижимость, виртуальные деньги и культурные блага непосредственно в виртуальном пространстве приобретают все большую популярность);

– как государство собирается использовать «искусственный интеллект» в правотворчестве и правоприменении.

¹ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 30 мая.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

³ Колесников Е.В. Развитие информационных прав граждан в Российской Федерации и Республике Казахстан: конституционный аспект // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 13–16.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 N 849-О // СПС КонсультантПлюс.

Беляев Валерий Петрович

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
(Юго-западный государственный университет)

Беляева Галина Серафимовна

доктор юридических наук,
профессор кафедры административного права и процесса
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Своеобразным стартом в исследовании процессуально-правовых режимов можно признать монографический труд «Теория юридического процесса», изданный коллективом авторов под редакцией В.М. Горшенева в начале 80-х гг. XX века, где, в частности, отмечалось, что проблема процессуального режима оказалась в поле зрения юридической науки сравнительно недавно и далее: «... как элемент процессуальной формы она не только недостаточно разработана, но и не обрела еще своей понятийной определенности» [1]. Выраженная авторами данной монографии мысль подтверждает, что ранее процессуально-правовой режим не являлся предметом самостоятельного научного исследования, да и в анализируемом труде он рассматривается как элемент процессуальной формы, то есть не самостоятельно.

Вместе с тем, уже в 80-е годы прошлого века было признано существование процессуально-правового режима отдельно от материально-правовой его разновидности, а, следовательно, под сомнение не ставились ни его самостоятельная (не вспомогательная, не обслуживающая) аутентичная юридическая сущность и содержание.

В более поздней работе В.М. Горшенева дается определение процессуального режима, как «атмосферы четко налаженного порядка рассмотрения юридического дела и наиболее эффективного его результата, запрограммированного определенным нормативным предписанием» [2]. Из данного понятия процессуально-правового режима обоснованным следует признать такой сущностный признак, как определение последнего в качестве именно «порядка» рассмотрения юридического дела, а также указание на эффективность

результата как основополагающей цели процессуально-правового режимного регулирования.

В свою очередь, Н.Н. Вопленко в понятие процессуального режима включает «качественно однородную совокупность процессуальных требований, обуславливающих своеобразие правоприменительной деятельности по рассмотрению и разрешению однородных юридических дел»; включая «нормы этики, эстетики, обычаи, т.е. всю сумму социальных факторов, определяющих «атмосферу» правоприменительного производства» [3]. Такой достаточно распространительный подход к анализируемой категории имеет право на существование, однако, главным для нас в этом определении является указание ученого на процессуальные требования как основной составляющей данного вида правового режима.

Процессуальный режим в качестве «формальной категории юридического процесса» упоминается А.А. Павлушиной, однако достаточно фундаментальное исследование данного автора не содержит определения анализируемого понятия и ограничивается лишь указанием на то, что «понятие правового режима нечасто и неохотно употребляется применительно к характеристике процесса» [4].

Применительно к характеристике комплексных процессуально-правовых средств С.К. Струнков определяет процессуально-правовой режим, как «особый порядок регулирования с помощью специально-правовых средств» [5]. В предпринятой попытке определения процессуально-правового режима содержатся такие (уже известные юридической науке) признаки, как «порядок правового регулирования» и правовые средства его обеспечения. В то же время нельзя говорить и о завершенности предложенного С.К. Струнковым определения процессуально-правового режима, поскольку автор не объясняет, в чем состоит данный особый порядок, какие специально-правовые средства имеются в виду, да и краткость определения не дает раскрыть ни сущности, ни содержания рассматриваемого понятия.

Попытка более детального определения процессуально-правового режима содержится в работе А.В. Рыбина: «нормативно оформленная обстановка, ситуация (в рамках которой протекает юридический процесс), обеспечивающая оптимальные условия для деятельности всех субъектов процесса, а также способы ее осуществления и реально сложившиеся гарантии обеспечения процессуальной деятельности [6]. Полагаем, ученый правильно называет такие элементы процессуального режима, как «способы осуществления» и

«гарантии обеспечения процессуальной деятельности». Однако, полагаем, использовать для определения юридического понятия термины, не имеющие юридического содержания («обстановка», «ситуация») не представляется оправданным, ибо последние не только не добавляют определенности в дефинируемое понятие, но и затрудняют восприятие его сущности и содержания.

Достаточно часто понятие «процессуальный режим» встречается и в отраслевой юридической литературе, однако, как правило, подобные исследования не содержат его дефиниции, более того, достаточно часто он отождествляется со смежными, но далеко не идентичными, понятиями – такими, как «процессуальная форма», «процессуальное производство», «процессуальный механизм» и т.д. Мы не будем останавливаться подробно на данном аспекте, это тема для самостоятельного научного исследования, вместе с тем, заметим, что отраслевые юридические исследования также не дают однозначного ответа на вопрос, в чем состоит сущность (признаки) процессуально-правового режима, каковы его содержание и юридическая природа.

Интересен и тот факт, что термин «процессуальный режим» можно встретить и в зарубежной юридической науке, где под ним понимается «своеобразная организационная среда конкретного юридического дела, а именно конкретные судебные органы, определенные процессуальные правоотношения, формы участия в процессе» [7].

Суммируя вышесказанное, попытаемся сформулировать систему существенных признаков процессуально-правового режима с тем, чтобы выработать его авторское определение: направленность на правовое регулирование процессуальной деятельности субъектов и участников юридического процесса; особый состав его субъектов; специфическая цель; особый порядок регулирования общественных отношений; создает благоприятные (неблагоприятные) условия для удовлетворения прав и законных интересов субъектов права.

Наиболее дискуссионным признаком процессуально-правового режима является наличие у него особой структуры. И если системность и комплексность рассматриваемого объекта под сомнение не ставится, то определение набора составляющих его компонентов вызывает в юридической науке вопросы.

Первые попытки определения структуры процессуально-правового режима, как и его понятия, приходятся на 80-е годы XX века. Процессуально-правовой режим воспринимается, как «многозвенная структура, состоящая из принципов, действующих в сфере процессуальной деятельности, совокупно-

сти способов и средств реализации указанных принципов, а также как системы гарантий обеспечения процессуальной деятельности, правового статуса субъектов процесса» [8].

В современный период процессуальный режим определяется, как «комплексное понятие, структурно включающее в себя систему принципов, регулирующих ту или иную процессуальную деятельность, четко регламентированные способы осуществления процессуальных действий, а также совокупность гарантий обеспечения процессуальной деятельности» [9]. Некоторые ученые добавляют в структуру рассматриваемого понятия, помимо принципов, и «задачи юрисдикционной деятельности, а также условия реализации прав и обязанностей соответствующих субъектов» [10].

Полагаем, что при всей справедливости высказанных точек зрения, они нуждаются в некотором уточнении. Центральным элементом процессуально-правового режима мы считаем процессуально-правовые средства – процессуальные нормы, отношения, гарантии, процессуальную ответственность и т.д., без которых невозможно регламентировать процессуальную деятельность. Только путем правильного определения, сочетания и применения процессуально-правовых инструментов может быть реализовано главное назначение процессуально-правового режима – законное и обоснованное рассмотрение и разрешению юридических дел. Все остальные элементы (принципы процессуального права, задачи юрисдикционной деятельности, способы процессуально-правового регулирования, выделяемые вышеназванными авторами), безусловно, создают особую атмосферу (настрой) процессуально-правового регулирования, но не являются при этом основными, режимобразующими.

Суммируя выделенные нами признаки процессуально-правового режима, можно предложить следующее аутентичное его понятие. С нашей точки зрения, процессуально-правовой режим есть основанный на определенном сочетании процессуально-правовых средств и принципов особый порядок процессуально-правового регулирования деятельности субъектов и участников юридического процесса, направленный на законное и обоснованное рассмотрение и разрешение юридических дел.

Список литературы:

1. Теория юридического процесса / Под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985.
2. Горшенев В.М. Фундаментальные проблемы концепции формирования советского правового государства. Харьков, 1990.
3. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.

4. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005.
5. Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики. Саратов, 2005.
6. Рыбин А.В. Процессуальный режим: понятие и структура // Вопросы экономики и права. 2011. № 9.
7. Scheffer T. File work, legal care, and professional habitus - an ethnographic reflection on different styles of advocacy // International J. of the Legal Profession. Vol. 14, № 1, March 2007.
8. Гальперин М.Л. Ответственность в современном гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009.

Воевода Игорь Викторович
иерей храма Преображения Господня

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА БЕСЦИФРОВУЮ СРЕДУ

Проблемно-дискуссионное поле данного доклада определено следующим образом: «Право человека на бесцифровую среду».

Пункт 2, статьи 6. Основного закона нашей страны гарантирует каждому гражданину все права и свободы, и все граждане имеют равные обязанности, которые предусмотрены Основным законом страны [1]. Именно граждане Российской Федерации обладают на территории Российской Федерации всей полнотой прав и свобод, которые предусматриваются Конституцией.

Целью доклада является теоретико-правовое исследование прав человека на бесцифровую среду в современной России.

Задачи – провести анализ научной литературы по теме работы.

Методология. Работа написана исключительно на основании актуальных материалов, размещенных на интернет ресурсах, в научных статьях, в научно-методической литературе, включающих исследования по теме работы российских экспертов.

Ожидаемые результаты (совокупность целей и задач) прикладного исследования детерминированы потенциальной возможностью расширения знаний в рассматриваемом вопросе в контексте сложившегося положения современного российского общества.

Методы исследования: Методами являются: научно-теоретический, научно-практический, а также обзорные методы изучения.

В современном обществе актуализируется проблема цифровизации. Данную систему следует рассматривать гораздо шире, чем современные технологии. Цифровизация затрагивает все аспекты современного общества.

Рассматривая субъектов права, можно прийти к выводу о том, что в традиционных правовых отношениях ими являются физические, юридические лица, а также государство, а Интернет позволяет создавать правовые отношения, в которых не всегда существуют правовые последствия в связи с отсутствием идентификации личностей.

Особенно такая возможность анонимности усугубляет проблемы, связанные с регулированием коммерческих отношений в сети Интернет [5].

Так в эпоху цифрового общества расширяется смысл, который заложен в дефиниции «права» как совокупности норм, регулирующих отношения, складывающиеся между субъектами по поводу определенного объекта. Изменения характера правоотношений приводят к формированию новых правоотношений, в которых уже не так важна личность субъекта, как это было ранее (например, в древности люди в лицо знали человека, с которым у них заключена договоренность).

Вопрос проблемы обеспеченности защиты прав граждан сложен, комплексный и динамичный. Права человека развиваются, обогащаются, их состав и содержание расширяются под воздействием различных факторов. Причем если некоторые факторы действуют эволюционно, то Интернет способствует гораздо более ощутимым изменениям права в целом и прав человека в частности [6].

Стратегия формирования электронной России до 2025 г. Фиксирует следующий подход: цель представляется в единстве индивида и цифровой реальности: «Внедрения новых технологий могут значительно расширить их проникновение в каждодневную жизнедеятельность современного социума.

Необходимо обеспечить постоянную взаимосвязь всех граждан с глобальным информационно-управляющим Internet.

Следует отметить, что с другой стороны, в современном глобализирующемся мире актуализируется проблема цифровизации. С внедрением цифровизации появляется и социальное неравенство на основании различий в знаниях пользователей новыми технологиями и как следствие неравенство в социальных и эмоционально-психологических умениях.

На сегодняшний день происходит трансформация классических прав человека в иную правовую форму. Это объясняется воздействием информационных и технологических процессов на национальном и глобальном

уровне выше в силу исторического опыта и привычного пренебрежения правами человека [3].

Так, патриарх Кирилл считает, что имеется опасность развития цифровых технологий и это опасность может быть заключена в ограничительных рамках свободы личности.

Патриархом было подчеркнута, что возможность утраты личностной свободы индивида, которые слепо полагаются на достижение технологий, может возникнуть для индивида совершенно незаметно. Патриарх говорит: "Не только средства связи, но и вообще вся цифровая цивилизация, которая уже начинает становиться нашим достоянием, способны максимально ограничивать человеческую свободу без создания какого-либо дискомфорта [4].

В то же время, следует отметить, что цель христианской жизни – достижение полноты богообщения, при которой мы самым тесным образом приобщаемся Божеству, становимся «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1:4), подобными Ему (1 Ин. 3:2).

Эта возможность обожения человека открывается воплощением Сына Божьего и осуществляется именно в Его Церкви.

Когда в данном докладе будем говорить о цифровизации, давайте вспомним апостола Павла, который говорил: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6: 12).

Тот безграничный набор технических инструментов, которым обладает человек, дает нам огромный потенциал для жизни духовной.

Невозможно в данном докладе не затронуть следующие моменты. Изменения, которые произошли во всех сферах жизни российского общества, из-за вируса Ковид-19 коснулись абсолютно всех людей. Многие ушли на самоизоляцию. И в современном глобализирующемся мире появилась возможность молиться с единомышленниками в любой точке мира, пусть и без непосредственного единства; возможность приобщиться к опыту Церковного Предания и изучать его; находить редкие памятники церковной литературы и гимнографии; ознакомиться с значительным огромным пластом христианской и мировой культуры, который обогащает личность и позволяет ей вырасти в полной мере; общаться с людьми, которые приоткрывают завесу Православия и рассказывают о неизвестных или забытых событиях и персоналиях.

Можно сделать соответствующий вывод, мир не будет знать о торжестве Православия таким массовым образом.

Ведь сущность всего христианства: «Христианство есть общая жизнь, в которой отдельные личности настолько объединяются между собой, что их единение можно уподобить единству Лиц Святой Троицы». [2]

Современный век новых информационно-цифровых технологий принципиальным образом меняет конституционно-правовую жизнь личности, общества и государства, порождает не только новые возможности, но и угрозы для демократии и прав человека, затрагивает сами основы человеческого бытия в обществе.

При правовой регламентации цифровых прав необходимо обусловить их содержательное наполнение и определить место в всеобщей системе прав личности.

Определяющий принцип при всем при этом должны стать, с одной стороны, возможность недопустимости вмешательства в рамках автономии человека, а с другой – создания необходимых условий свободного личностного определения с личностного самовыражения индивида, причем эти конституционные установления применимы к любой информации, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Здесь следует отметить, что в России к особой защите находятся конституционные права, к примеру, тайна телефонных переговоров (ч.2. ст. 23. Основного закона) [1], в частности, данные, которые передаются по телефонной связи при помощи телеаппаратуры, включая сведения о входящих и исходящих вызовах, доступ к которой обеспечивается судебным решением.

Отметим передачи информации конфиденциального характера (когда трудовой договор обязывает работника не разглашать ее) с рабочего компьютера (с адреса электронной почты владельца и держателя информации) на свой личный адрес электронной почты, что является нарушением запрета, установленного нормативными правовыми актами, локальными актами и (или) договорами, и влечет наступление правовых последствий.

Подводя итоги, отметим, что на массовом уровне защита частной жизни ослабляется в пользу общественной безопасности в связи с развитием цифровых технологий. Но на индивидуальном уровне защите персональных данных уделяется все большее внимание. Сфера действия ранее существовавших прав расширяется, появляются новые права (право на доступ в Интернет).

Процесс цифровизации необратим, и на данный момент Эпоха информационных технологий диктует необходимость ревизии универсальных прав человека и их расширения. Сегодня одной из основных задач государства является признание и защита цифровых прав граждан от возможных нарушений

с одновременным обеспечением конституционно-правовой безопасности личности, общества и государства на основе Конституции и с учетом необходимых международных документов.

В новых технологиях христианство обретает новые возможности. Вопрос лишь в том, как человечество их может употреблять.

Список литературы:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Иустин (Попович), прп. Православная Церковь и экуменизм. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2012. С. 105. загл. с экрана.

3. Овчинников, А.И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект /А.И. Овчинников //Журнал российского права.2020. № 6. С.5–21.

4. Патриарх Кирилл рассказал о главной опасности развития цифровых технологий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruskline.ru/news> (Дата обращения:03.12.2021).

5. Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 5. С. 117–149.

6. Чернышева Ю.А. Права человека в условиях цифровизации общества. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019 (9). № 4. С. 90–102.

Захарова Виолетта Юрьевна
магистрант 1-го курса
(Южный федеральный университет)

СУБЪЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Высокие темпы развития информационных технологий, повсеместное внедрение разрабатываемых информационно-коммуникационных систем и технических средств во все сферы жизнедеятельности, растущее доверие со стороны населения, а также современное состояние систем защиты информации создало объективные предпосылки возникновения новой разновидности преступлений в цифровой сфере, что обуславливает необходимость усовершенствования отечественным законодателем выработанных методов выявления и пресечения правонарушений и преступлений в данной области. Кроме

того, в научной литературе широко обсуждается тема, касающаяся субъектов ответственности за нарушения информационной безопасности, в частности кто должен нести ответственность и в каком объеме возлагать на нарушителя меры принудительного воздействия.

Ключевые слова: субъект ответственности, информационная безопасность, цифровая среда, виды ответственности.

Вопрос ответственности в логической связке с указанной проблематикой является одним из проблемных аспектов в юридическом сообществе.

Э.В. Талапина указывает, что в современном технологически развитом информационном обществе нам приходится иметь дело с новыми субъектами права, роботами, «цифровой личностью» [1], что требует проведения модернизации действующего законодательства, исключения пробелов в праве.

Ю. А. Тихомиров предлагает разделенную форму ответственности, «когда за ошибки робота или даже ущерб, причиненный им, ответственность несут: программист, разрабатывающий программы деятельности устройства, оператор, обеспечивающий его использование и эксплуатацию, и наконец, то должностное лицо, служащий, работник, отвечающий за этот участок работы. Это своеобразный юридический феномен, где каждый несет долю бремени» [2]. Это мнение имеет право на жизнь, поскольку в условиях современной реальности разновидности информационных преступлений и правонарушений совершенствуются и требуют создания обновленного подхода к урегулированию вопросов, связанных с информационной безопасностью.

Рассмотрим некоторые аспекты действующего законодательства Российской Федерации, предусматривающие различные виды ответственности за нарушения в информационной среде.

Начнем с административной ответственности, часть составов которой сосредоточена в гл. 13, 5, 7, 14, 15 КоАП РФ и др. Н.Н. Ковалева отмечает, что нормы, предусматривающие административную ответственность в сфере информации не содержат положений о незаконной систематизации, актуализации, деидентификации, явно нарушающих права граждан, что говорит о существующем пробеле в праве [3].

Так, И.Л. Бачило говорит о том, что некоторые составы можно охарактеризовать как пограничные и касающиеся не только информации, но и той области отношений, где информация работает и является предметом отношений, из-за чего существует сложность их отнесения к составам в области информационных правонарушений [4].

Как правило к субъектам административной ответственности законодатель относит вменяемых граждан, достигших 16 лет, должностных лиц, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, иностранных граждан и лиц без гражданства.

К примеру, в соответствии со ст. 5.13 КоАП РФ обязанность предоставления возможности обнародовать опровержение или иное разъяснение в защиту чести, достоинства или деловой репутации лежит не только на государственных и муниципальных СМИ, но и на частных СМИ.

Информационная безопасность является в том числе и объектом уголовно-правовой охраны. Так, гл. 28 УК РФ содержит составы преступлений в сфере компьютерной информации, но к преступлениям, касающимся информационной безопасности следует отнести и иные преступные деяния, совершенные с использованием сети Интернет, средств мобильной связи, расчетных пластиковых карт, компьютерной техники, программных средств, фиктивных электронных платежей.

Повышенная опасность хищений с использованием компьютерных и иных высоких технологий обусловлена возможностью действовать в киберпространстве анонимно, оставаясь неустановленным, длительное время заниматься преступной деятельностью и, как следствие, причинять значительный имущественный вред большому числу потерпевших.

Изучение уголовных дел и анализ обстоятельств хищения мошенническим путем денежных средств граждан показал, что наиболее распространенными способами хищения являются сообщение злоумышленниками заведомо ложных сведений о блокировке банковской карты, совершении сомнительных операций, получение данных для доступа к банковским счетам [5] и т.п.

С 1 января 2018 г. введена ст. 274.1 УК РФ. В то же время кодификатор Интерпола, который был положен в основу автоматизированной информационно-поисковой системы, созданной еще в начале 1990-х гг., включает в себя более 30 преступных деяний, разделенных на пять видов [6].

Субъект преступлений в сфере компьютерной информации – это вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста, т.е. общий. Однако в тех составах, где указано использование служебного положения, и в ст. 274 УК РФ, он является специальным.

Гражданско-правовые деликты в информационной сфере могут возникать из закона, договора, вследствие неосновательного обогащения информационными объектами, из причинения вреда и т.д.

Для рассмотрения указанного вида ответственности необходимо указать, что ст. 17 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регламентирует условия привлечения лица к ответственности за правонарушения в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, в частности лица, виновные в нарушении требований указанного закона в части обработки, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, несут административную, гражданскую и уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Кроме того, в указанной статье предусмотрено, что в случае, если распространение определенной информации ограничивается или запрещается федеральными законами, гражданско-правовую ответственность за распространение такой информации не несет лицо, оказывающее услуги по передаче информации, предоставленной другим лицом, без изменений и исправлений, а также по хранению информации и обеспечению доступа к ней при условии, что это лицо не могло знать о незаконности распространения информации.

Вместе с тем к лицам, не несущим ответственность перед правообладателем и перед пользователем за ограничение доступа к информации и (или) ограничение ее распространения относятся провайдер хостинга, оператор связи и владелец сайта в сети «Интернет».

Интересным моментом является то, что в ст. 1253.1 ГК РФ закрепляется такой субъект гражданско-правовой ответственности как информационный посредник, который несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети на общих основаниях.

Однако если при передаче им материала в информационно-телекоммуникационной сети он не является инициатором этой передачи и не определяет получателя указанного материала, не изменяет указанный материал при оказании услуг связи, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала, не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результатов интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, является неправомерным, ответственность не наступит.

Дисциплинарная ответственность наступает за противоправные действия, совершаемые субъектами информационного права в связи с исполнением своих прав и обязанностей. К примеру, на госслужащего возлагается

дисциплинарное взыскание в виде выговора за ненадлежащее хранение или передачу служебной информации, содержащей сведения, относящиеся к государственной тайне или относящейся к сведениям «для служебного пользования», т.е. нарушение конфиденциальности. Как правило, в каждой организации действуют локальные акты, регламентирующие порядок передачи, хранения, учета, использования информации.

Таким образом, можно сделать вывод, что сфера ответственности в области информационной безопасности требует повышенного внимания со стороны законодателя, а также урегулирования проблемных вопросов, связанных с практической стороной применения существующих правовых норм в условиях стремительного развития информационного пространства, рассмотрения возможности увеличения количества составов преступлений и правонарушений в указанной области, и вместе с тем числа субъектов, деяния которых подпадают под действие уголовного, административного, гражданского, трудового законодательства.

Список литературы:

1. <https://sudact.ru/>
2. Бачило И.Л. Административно-правовая ответственность в информационной сфере // Административная ответственность: вопросы теории и практики: сб. ст. М.: Изд-во ИГиП РАН, 2005. С. 98–109.
3. Ковалева Н.Н. Информационное право: уч. для вузов / под редакцией Н.Н. Ковалевой. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. 353 с.
4. Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учеб. Пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018.
5. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 9.
6. Тихомирова Ю.А. Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.

Волкова Анна Викторовна
магистрант 1-го курса
(Южный федеральный университет)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА В УДАЛЕННОМ ДОСТУПЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Век информационных технологий с каждым днем приносит все больше удобства в нашу жизнь, не оставляя без внимания и профессию юриста. Не так давно, в связи с приходом пандемии коронавируса, арбитражные суды опробовали и уже прочно оставили способ ознакомления с материалами дел в электронном виде. В настоящее время в России действуют 85 арбитражных судов субъектов РФ [1], 21 арбитражный апелляционный суд [2] и 10 арбитражных судов кассационной инстанции [2]. Из 116 существующих в стране арбитражных судов, это новшество к сегодняшнему дню поддержали уже 112 [3]. Впервые данный проект был запущен в январе 2020 г. в Арбитражном суде Ямало-Ненецкого автономного округа [4], а последним к нему присоединился Арбитражный суд Республики Коми в марте 2021. Ознакомиться со списком судов, в которых доступна возможность ознакомления с аудиопротоколами судебных заседаний и другими документами по судебным делам можно по ссылке: <https://my.arbitr.ru/#help/4/57>.

Ученые юриспруденции в своих трудах обращают внимание на то, что предоставление сторонам равных возможностей в исследовании доказательств и сообщении суду сторонами своих позиций относительно приобщенного служит гарантией справедливости судебного разбирательства [5]. Право на ознакомление с материалами дела возникает с момента вынесения и размещения на сайте суда определения о принятии искового заявления к производству. При этом немаловажным фактором реализации данных прав является возможность заблаговременного ознакомления с имеющимися в материалах дела доказательствами с целью формирования позиции по спору.

Идея предоставления участникам процесса доступа к электронным материалам дела обсуждалась очень давно и как отмечают многие практикующие юристы, имеет большой успех [6]. Исполняющая обязанности председателя Арбитражного суда Ростовской области в 2020 году, Ширинская И.Б., сообщила, что только в первом полугодии 2020 года арбитражным судом

субъекта было удовлетворено 2200 заявлений на ознакомление с материалами дела в электронном виде [7].

Безусловно, ознакомление с материалами дел в удаленном формате как нельзя лучше помогает реализовывать цель законодателя процессуальной экономики посредством сбережения времени, как на подготовку дела к ознакомлению аппаратом суда, так и на само ознакомление, а также снижает финансовые затраты сторон и риски заражения. Ознакомиться с судебным делом теперь можно с рабочего места или не выходя из дома. Порядок получения доступа к ознакомлению с материалами судебного дела в электронном виде в каждом суде урегулирован частными инструкциями каждого суда в отдельности и включает следующие этапы:

1. Посредством сервиса "Мой арбитр" участник дела подает "Ходатайство об ознакомлении с материалами дела", установив при этом в форме ходатайства отметку "Предоставить доступ к материалам дела в режиме ограниченного доступа". В случае упущения этого момента, ознакомиться удаленное ознакомление будет недоступно.

2. После согласования ходатайства судьей, лицу участвующему в деле на электронную почту приходит код доступа, ведение которого, дает возможность скачать документы, а также аудиопротоколы судебных заседаний по делу. Следует обратить внимание, что для получения уведомлений адрес электронной почты, указанный в личном кабинете сервиса "Мой арбитр", должен быть активирован [8].

Анализ судебной практики позволил сделать вывод, что благодаря новой функции снижается и число споров, по которым вовремя не предоставлены возражения из-за несвоевременного получения документов от второй стороны разбирательства. Кроме того, суды даже прямо указывают на возможность удаленного ознакомления с материалами дела посредством удаленного доступа в текстах судебных актов. Так, в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2021 N 11АП-2611/2021 по делу N А65-27298/2020 указано, что непредставление ответчику противной стороной копий отдельных письменных доказательств не свидетельствует о нарушении судом первой инстанции норм процессуального права, и могло быть восполнено в порядке ст. 41 АПК РФ путем ознакомления с материалами дела, в том числе посредством предоставления ограниченного доступа к материалам электронного дела [9]. Постановлением Первого арбитражного апелляционного суда от 28.06.2021 N 01АП-3650/2021 по делу N А43-42144/2020 суд подчеркнул, что отсутствие у стороны возможности ознакомления с отзывом

на иск, в связи с удаленностью не лишает ее права на судебную защиту в полной мере посредством формирования позиции по спору, поскольку ознакомление с имеющимися доказательствами становится возможно с момента опубликования их в материалах электронного дела, сведения о чем отражаются в картотеке [10].

Однако, нами были выявлены и некоторые проблемные вопросы, возникшие в связи с возникновением новых возможностей. Все хоть раз сталкивались с проблемой «потери» поданных документов, посредством электронных сервисов. Например, в рамках рассмотрения дела N А43-9230/2018, Даниловым А.О. 22.07.2020 было заявлено ходатайство об ознакомлении с материалами дела в электронном виде и зарегистрировано судом. Суд первой инстанции не рассмотрел данное ходатайство и не предоставил возможность ознакомиться с делом Данилову А.О. до вынесения судебного постановления. Апелляционная инстанция же не нашла нарушения прав стороны, предусмотренных статьей 41 АПК РФ, указав на существование общего порядка ознакомления [11].

Таким образом, лицам участвующим в деле необходимо ответственно относиться к вопросу заблаговременного ознакомления с материалами дела, что также является новым для процесса.

Александр Сарапин, эксперт по юридическим технологиям и исполнительный директор сервиса «Право.ру» отмечает, что чаще всего новой функцией ознакомления в удаленном режиме стали пользоваться участники банкротных дел.

При этом, на практике часто возникают ситуации, когда удовлетворяются ходатайства об ознакомлении с материалами дела, поданные кредиторами, чьи требования еще не установлены судом, предоставляя тем самым им доступ к документам, право на ознакомление с которыми имеют строго определенные законом лица в соответствии со ст. 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Здесь стоит вспомнить особенности процессуального статуса заявителей ко включению в реестр требований кредиторов, которые хотя и являются стороной обособленного спора, однако не имеют статуса участвующих в деле лиц и могут пользоваться ограниченным объемом прав [12].

Решением сложившейся ситуации, по нашему мнению, будет являться совершенствование сервиса путем предоставления доступа к материалам обособленных споров, как это и должно быть согласно закону.

Стоит обратить внимание, что способ ознакомления с материалами дел в удаленной форме ранее уже был известен арбитражному процессу в делах, рассматриваемых в порядке упрощенного производства. И хотя, ранее стороны общеискового производства подавали многие документы посредством сервиса мойарбитр.ру, однако, ознакомиться с делом могли только нарочно.

При этом, если в «упрощенке» лица участвующие в деле не ограничены временными рамками при ознакомлении с материалами дела, то новые возможности искового производства становятся доступны лишь на 24 часа с момента предоставления доступа судьей. Следует учитывать, что в случае согласования ходатайства в пятницу, доступ предоставляется именно с момента согласования и закончится он в выходной день – субботу. Никакого нормативного обоснования данного решения в настоящее время нет, как нет и какого-либо закрепления возможности ознакомления с материалами дела в электронном виде в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации.

В заключение стоит отметить, что появления функции ознакомления с материалами дела в удаленном доступе в рамках рассмотрения дел в других видах судопроизводства также значительно улучшит качество судопроизводства и требует реализации в ближайшее время. Правительство РФ уже объявило о планах запуска суперсервиса «Правосудие онлайн», который должен будет разместиться на портале «Госуслуги». Функционал суперсервиса поможет определить подсудность дела, получить документы и уведомления в электронном виде, а также предоставит доступ к материалам дела для ознакомления [13].

Список литературы:

1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudyrf.info/arbitrazhnye-sudy-subektov-rf?page=7> (дата обращения 07.12.2021).
2. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) "Об арбитражных судах в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 07.12.2021).
3. «Перечень судов, для которых доступна возможность знакомиться с аудиопротколами судебных заседаний и другими документами по судебным делам» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://my.arbitr.ru/#help/4/57> (дата обращения 07.12.2021).
4. «Электронное правосудие в арбитражном процессе: новые вызовы и адаптация судопроизводства» // Канцер Ю.А. // Журнал "Арбитражный и гражданский процесс", 2021, N 2.
5. «Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство» (2-е издание, переработанное и дополненное) // под ред. М.А. Фокиной // «Статут», 2019.

6. «Арбитражные суды становятся технологичнее» - режим доступа: <https://pravo.ru/news/218621/> (дата обращения 07.12.2021).

7. «Об итогах работы Арбитражного суда Ростовской области в первом полугодии 2020 года» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rostov.arbitr.ru/node/19481> (дата обращения 07.12.2021).

8. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rostov.arbitr.ru/process/el_oznakomlen_del (дата обращения 07.12.2021).

9. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2021 N 11АП-2611/2021 по делу N А65-27298/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/633c4524-8ef0-486f-91e5-3bd638eb2279/f6709b81-c210-4993-924b-4eeaedcdff8c/A65-27298-2020_20210316_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 07.12.2021).

10. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 28.06.2021 N 01АП-3650/2021 по делу N А43-42144/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1400d1f2-8ba2-410a-8aa7-4473387faa99/8fd8a8bd-32b1-4553-b674-8c618f2d9bfe/A43-42144-2020_20210628_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 07.12.2021).

11. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2021 N 01АП-5945/2018 по делу N А43-9230/2018 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 07.12.2021).

12. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 N 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 N 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)»».

13. «Электронные платформы правосудия по гражданским делам: состояние, риски, перспективы» // Борисова В.Ф. // «Арбитражный и гражданский процесс», 2021, N 4;

Казачанская Елена Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
Теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА⁵

Понятие «консерватизм» в настоящее время стал весьма широким и содержательно размытым. Данным термином обозначают целый спектр явлений

⁵ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

и процессов, которые иногда противоречат друг другу, не образуя никакого общего смыслового единства, не имеющих общих признаков и характеристик. Особенно последнее характерно для различных производных «консерватизма», например, консервативная идеология, консервативная политика, консервативная партия, консерватизм в отношениях, консервативный принцип и проч. Мы под европейским консерватизмом имеем ввиду общественно-политическую идеологию, носителями которой являются сторонники католической церкви, представители аристократических кругов и общественные деятели, выступающие против миграционной политики Евросоюза, против легализации однополых браков и глобализации.

Их деятельность особенно четко проявляется на фоне модернистского проекта: в ценности и значимости инноваций как двигателя/драйвера прогресса. Если для модернистской ориентации важнее всего – утилитарное и иное совершенствование индивидуума, то для консервативного мышления в этом вопросе главной ценностью выступает сохранение социокультурной целостности и принципов солидаристского правового развития. Поэтому в первом случае обосновывается жёсткая взаимосвязь между правовыми инновациями и правокультурными доминантами развития государственно-правовой организации общества [1], а во втором – неразрывная связь между индивидуальными свободами, законными интересами и потребностями, с одной стороны, и программами совершенствования социально-экономической и политико-правовой сфер, с целью наиболее полного воплощения последних.

Однако следует отметить, что в правовой политике современного государства и первые, и вторые аксиологические ориентации, как правило, уравновешивают друг друга, обеспечивая стабильное государственно-правовое развитие. Речь скорее всего сегодня может идти о доминировании какой-либо из них на повестке политико-правовой трансформаций. Справедливо в этом плане, отмечает С. Эйзенштадт, что инновации и традиции не противостоят друг другу, а, напротив, в правильном сочетании приводят к стабильному и органичному развитию общества: «реальные и символические события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности, определением меры и природы его социальных и культурных изменений. Традиция в таком обществе служит не только символом непрерывности, но и определением пределов инноваций и главным критерием их законности, а также критерием социальной активности» [2, р.51].

В этом плане укоренение нового институционально-правового опыта и формирование инновационных общественно-политических институтов, появляющихся всегда в процессе эволюции государственно-правовой организации, происходит сквозь доминирующую в обществе ценностно-нормативную матрицу, через «национальную призму» преемственно-воспроизводимых когнитивных установок и эмоционально-психологических готовностей. Именно последние позволяют с наименьшими «социальными издержками» адаптировать институциональные, инструментальные или технологические новации к сложившейся политико-правовой мыследеятельности и ценностно-нормативному укладу конкретного общества.

С позиции консервативного правового мышления действующие правовые институты и функционирование «юридические комплексы» (термин Г. Дж. Бермана) кроме позитивистского (формально-юридического) измерения имеют также конкретно-историческое и социокультурное измерения. С этой точки зрения, понять специфику их функционирования, а тем более осуществить оптимизацию или внедрить инновационные элементы в функционирование правовых институтов и учреждений не возможно, без учёта как собственно юридических, так и метаюридических (правовые традиции и обычаи, исторический контекст формирования и развития институтов, этнокультурные доминанты и предправовые кодексы взаимодействия и т.д.) основ государственно-правовой организации конкретного общества.

Например, евразийский политико-правовой проект обосновывал в середине XX века, что легитимность и, соответственно, прочность государственно-правовой жизни основываются на гармонии между существующими традиционными институтами и верованиями, с одной стороны, и публично-властными институтами – с другой. Отечественный политико-правовой мир должен, по мнению авторов этого подхода, иметь собственную стратегию функционирования и обновления политической системы и правовой материи, которая, в свою очередь, должна воплощаться на этнополитическом и правокультурном синтезе, сочетающем национальные традиции, обычаи, религиозные верования и общемировые достижения [3].

Последние особенно важно в эпоху цифровой трансформации властно-управленческой деятельности, юридической практики, качественного изменения общеправовых и отраслевых правовых принципов, нормативных моделей поведения и приоритетов правового развития. Консервативно-правовое мышление в этом аспекте не отрицает объективность, значимость и ценность внедрения и использования цифровых технологий и иных новаций индустрии 4.0,

тем не менее, отстаивает позицию гармоничного согласования правовых традиции и инноваций, их последующей конвергенции («втягивания инноваций» в правокультурную традицию общества). Именно последнее обеспечивает преемственное и устойчивое правовое развитие общества, поэтапное качественное обновление национальной правовой системы, сохранение суверенных и национально-культурных характеристик последней.

Например, при всей критике системы социального рейтинга в Китайской Народной Республике, следует признать, что это один из успешных экспериментов интеграции традиционных культурных, правовых и политических институтов с современными цифровыми технологиями [4]. Так, основой для социального рейтинга китайского гражданина, а именно критериев повышения или понижения последнего выступают этические стандарты (нормы конфуцианской этики), нормы обычного права, правовые установления государства [5]. Другими словами, весь традиционный социально-нормативный комплекс выступил в качестве цифровых кодов и параметров функционирования систем искусственного интеллекта, обеспечивающего политический и правовой порядок. Кроме того, настройка, обучение и экспериментальное функционирование системы социального рейтинга осуществлялось на традиционном «китайском национально-культурном материале», что в целом соответствует стратегии правовой политики китайского государства, согласно которой развитие всех систем и институтов реализуется с «китайской спецификой» и ориентировано на сохранение данной специфики «в новом тысячелетии» [6].

Более того, следует отметить, что именно конспиративно-правовая позиция в современную является наиболее адекватной в плане формирования комплексного социально-нормативного регулирования сложных и неоднозначных процессов разработки и внедрения сквозных цифровых технологий, а также отношений, связанных с эксплуатацией данных технологий. Таковая позиция сегодня отражается и во многих доктринально-правовых документах и нормативно-правовых актах. Например, в рамках работы Комитета по правовым вопросам Европейского парламента отмечается необходимость «принять комбинированное регулирование, в котором на законодательные положения об ответственности (в сфере регулирования робототехники и систем искусственного интеллекта – *Е.К.*) сочетаются с неправовыми нормами в виде руководства и кодексов поведения» [7].

В отечественной теории права также обосновывалась необходимость гармоничного сочетания потенциала всех социально-нормативных систем

(право, обычаи, традиции, мораль, религия и др.) в нормативно-правовом регулировании неоднозначных и быстро меняющихся отношений [8]. В действующих документах стратегического характера, формирующих правовые принципы и ориентиры развития систем искусственного интеллекта, также фиксируются данные консервативно-правовые приоритеты [9; 10]. Такой подход, очевидно, обеспечивает стабильность эволюции общественной системы, целостность и суверенность национально-культурной пространства российского общества. Неслучайно, такой «консервативно-правовой поворот» в государственно-правовом развитии обозначен недавними изменениями, внесёнными в Основной закон российской Федерации [11].

Полагаем, что такой поворот обеспечивает гармоничное сочетание как традиционной (национальной и этнокультурной) основы общественной системы, так необходимых новаций, связанных с формированием новых социальных потребностей и интересов. Причем тесное взаимодействие традиционных ценностно-нормативной иерархии и социально-нормативных регуляторов становятся консервативными национальными элементами, которые обеспечивают сохранность культурной уникальности, целостности стабильности российского общества в цифровую эпоху. В целом ориентированность на обеспечение устойчивости, преемственности и целостности национально-культурного пространства является типформирующими для консервативного мышления. Последнее ориентировано и на духовно-нравственное кодирование публичных институтов власти, именно в рамках последнего обеспечивается связь государственно-правовой деятельности не только с изменчивыми общественными интересами и потребностями, но и ответственность в деятельности последних, с одной стороны, за следования устойчивым национальным нравственным стандартам и моральным императивам, а, с другой – за сохранение последних в ходе объективных процессов обновления в институционально-нормативной организации.

Список литературы:

1. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009. 150 с.
2. Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. N.Y., Sydney, Toronto, 1973.
3. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики [Текст] : монография / А. Ю. Мамычев, А. Ю. Мордовцев, А. И. Овчинников ; М-во образования и науки Российской Федерации, Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. - Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2015. 210 с.

4. State Council Notice concerning Issuance of the Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014-2020). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (Дата обращения: 11.11.2021 г.).
5. Чжао Хунжуй. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности. М. ; СПб.: Нестор-История, 2020. 304 с.
6. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 11.11.2021 г.).
7. Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах. Отчет по результатам исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://old.sk.ru/cfs-file.ashx/_key/telligent-evolution-components-attachments/13-643-00-00-02-19-94/01.02.001.004_2D001A04240421042D001E044204470435044204_-_3E043104_-_3804410441043B04350434043E04320430043D04380435047E00_.pdf (Дата обращения: 10.11.2021 г.).
8. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма : Инфра-М, 2011. 799 с.
9. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (Вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (Дата обращения: 10.11.2021 г.);
10. В России подписан «Кодекс этики искусственного интеллекта // Российская газета. Федеральный выпуск №245(8596). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html> (Дата обращения: 10.11.2021 г.).
11. Основной закон России: величие страны и достоинства граждан / Под ред. Ф.З. Алиева, Б.В. Межуева, А.Б. Рудакова. Рыбинск: Медиарост, 2021. 256 с.

Касачева Татьяна Васильевна

бакалавр 2-го курса

(Санкт-петербургский государственный университет)

ВЛАДЕЛЬЦЫ АГРЕГАТОРОВ ИНФОРМАЦИИ КАК НОВЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Системный и последовательный перевод в цифровой вид традиционных форм деловых и производственных отношений заставляет законодателя оперативно отвечать на вызовы времени и корректировать привычные подходы под влиянием современных тенденций. Цифровизация экономики затрагивает

все сферы экономической жизни, в том числе и сферу электронной коммерции. По мере развития данного сегмента потребительского рынка и вовлечения в него всё большего числа активных пользователей Интернетом стали заметнее проявляться не урегулированные законодательством отношения [1], например, отсутствие законодательно определённого статуса хозяйствующих субъектов, не идентифицируемых как классические продавцы (исполнители). Попыткой восполнить отмеченный пробел стал Федеральный закон от 29 июля 2018 года № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [1]. Этот закон ввёл понятие «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)» (далее – владелец агрегатора) как «организации независимо от организационно-правовой формы либо индивидуального предпринимателя, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность *одновременно* (курсив здесь и далее автора) ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путём наличных расчётов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчётов в соответствии с пунктом 3 статьи 16.1 данного Закона и Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе».

Необходимость наличия всех трёх признаков владельца агрегатора, выводимых из вышеизложенного функционального определения, используется судами при рассмотрении как административных дел, так и гражданско-правовых потребительских споров. Так в делах № А55-36002/2020 [2] и № А55-35962/2020, рассмотренных арбитражным судом Самарской области, судом установлено, что ООО «Лидер» не является владельцем агрегатора, а значит, не является субъектом административного правонарушения, предусмотренного ч.2 ст. 14.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (далее- КоАП РФ, КоАП). Такой вывод сделан судом на основе установленного факта об отсутствии в компьютерной программе, используемой обществом для осуществления своей деятельности, возможности ознакомления потребителя с предложе-

нием о заключении договора возмездного оказания услуг, возможности заключения договора между потребителем и исполнителем, возможности потребителя произвести предварительную оплату услуги путём наличных или безналичных расчётов владельцу агрегатора.

Такой же подход реализован и в деле № 2-1639/2019, где Ленинский районный суд г. Челябинска указал, что если денежные средства не перечисляются владельцу сайта, то это исключает признание такого сайта агрегатором информации о товарах и услугах, подтвердив, что для признания владельцем агрегатора необходима совокупность трёх условий. Аналогичный вывод содержится в решении Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-96668/2019 и других.

Однако необходимо проанализировать, действительно ли каждый из трёх признаков владельца агрегатора, выделенных законодателем, является необходимым для потребностей оборота.

1. Обеспечение агрегатором возможности ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг). Если бы законодатель определил фигуру владельца агрегатора, используя только этот признак, то, на наш взгляд, это привело бы к дублированию правового регулирования, содержащегося в Федеральном законе «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (далее – Закон о рекламе). В таком случае фигура владельца агрегатора сущностно бы совпадала с фигурой рекламодателя, то есть лица, осуществляющего распространение рекламы любым способом, в любой форме и с использованием любых средств. Информационную обязанность рекламодателя регулирует ст. 8 Закона о рекламе, в которой указано, что в рекламе товаров при дистанционном способе их продажи должны быть указаны сведения о продавце таких товаров: наименование, место нахождения и государственный регистрационный номер записи о создании юридического лица; фамилия, имя, отчество, основной государственный регистрационный номер записи о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя. За нарушение указанной обязанности рекламодатель несёт ответственность (ч.7 ст.38 Закона о рекламе), например, административную, предусмотренную ст.14.13 КоАП РФ. Потребители, права которых нарушены предоставлением недостоверной рекламы непредоставлением исчерпывающей информации о продавце товара [3] вправе обращаться в установленном порядке в суд или арбитражный суд, в том числе с исками о воз-

мещении убытков, включая упущенную выгоду, о возмещении вреда, причинённого здоровью физических лиц и (или) имуществу физических или юридических лиц, о компенсации морального вреда, о публичном опровержении недостоверной рекламы (контррекламе). Стоит отметить, что в ст. 12 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 11.06.2021) (далее – Закон о защите прав потребителей) установлена ответственность владельца агрегатора, предоставившего потребителю недостоверную или неполную информацию о товаре (услуге) или продавце (исполнителе) только в виде убытков, причинённых потребителю вследствие предоставления ему такой информации. Таким образом, на наш взгляд, если бы законодатель остановился в определении владельца агрегатора только на признаке ознакомления с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), то это привело бы к тому, что понятие владельца агрегатора, по сути, сводилось бы к понятию рекламодателя, и норма об ответственности владельца агрегатора была бы избыточной.

2. Обеспечение агрегатором возможности заключить потребителю с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг). На важность такого признака для определения статуса агрегатора обращается не только в российской научной доктрине и законодательстве, но и, например, в Проекте Директивы Европейского Союза об онлайн-посреднических платформах (Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms) [2], известном в литературе как Академический проект. В соответствии со ст. 2 Проекта Директивы онлайн-посредническая платформа представляет собой информационную услугу, которая доступна через Интернет или аналогичные цифровые средства, позволяющие клиентам *заключать договоры с поставщиками товаров, услуг или цифрового контента*. Под это определение не подпадают те платформы, которые только идентифицируют и направляют клиентов к этим поставщикам, предоставляя их сайты или контактные данные, то есть речь идёт о сайтах, предоставляющих справочную информацию.

3. Обеспечение агрегатором возможности произвести предварительную оплату товара (услуги) путём наличных расчётов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора. Указанный признак, на наш взгляд, является спорным. Так, формулировка Закона о защите прав потребителя позволяет крупным товарным площадкам избежать ответственности, если на их онлайн-

площадке будет отсутствовать возможность предоплаты товаров и услуг и перевода денежных средств владельцу агрегатора. Например, в конце мая 2018 года «Яндекс.Маркет» отключил возможность оплаты товаров, не покидая сайта [3]. С этой точки зрения, AliExpress также не является владельцем агрегатора, поскольку у AliExpress оплата идёт через AliPay (вместе с AliExpress входит в Alibaba Group). Следует согласиться с мнением Р.М. Янковского, что такая формулировка закона не слишком удачная, потому что нередко площадки используют разные платёжные шлюзы, проводят плату через разные юридические лица [4]. Однако стоит отметить, что в ходе изучения судебной практики были проанализированы дела, касающиеся требований потребителей к онлайн-площадке Алиэкспресс (AliExpress). Суды в мотивировочной части решения не анализировали, кому именно произведена оплата: владельцу агрегатора или иному лицу, и признавали ООО «АЛИБАБА.КОМ (РУ)» владельцем агрегатора. Стоит отметить, что многие онлайн-площадки используют схему оплаты SafeCrow, при которой денежные средства пользователя поступают на специальный транзитный счёт кредитной организации и остаются на этом счёте до тех пор, пока в кредитную организацию через владельца онлайн-площадки не поступит распоряжение о переводе денежных средств продавцу. В связи с этим также было бы логично не использовать настолько категоричную формулировку в определении понятия «владелец агрегатора».

Вызывает вопрос и законодательное определение вида информации, которую аккумулирует агрегатор, поскольку закон ограничивает её только информацией о товарах и об услугах. На наш взгляд, этот перечень информации необходимо дополнить также информацией о работах, поскольку в сети «Интернет» существуют использующие электронную площадку организации и индивидуальные предприниматели, предлагающие выбор специалистов в сфере строительства и ремонта. Например, онлайн-площадка PROFI.RU предоставляет возможность заключения договора не только об оказании услуг, но и о выполнении работ. Так Одинцовский городской суд Московской области в мотивировочной части решения № 2-3976/2018 2-3976/2018~М-2804/2018 М-2804/2018 от 3 июля 2018 г. по делу № 2-3976/2018 указал на ООО «ПРОФИ.РУ» как на владельца агрегатора PROFI.RU. В связи с этим деятельность подобных площадок должна также регулироваться правовым положением агрегаторов и соответствовать правовым требованиям в сфере защиты прав потребителей. Примечательно, что в Пояснительной записке к проекту Федерального закона № 126869-7 «О внесении изменений в Закон Рос-

сийской Федерации «О защите прав потребителей» [5] отмечалась необходимость распространения деятельности агрегаторов на «работы», но указанная инициатива не нашла своего отражения в Федеральном законе от 29 июля 2018 года № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей».

Также следует согласиться с позицией тех учёных, которые считают, что агрегатор должен также информировать о цифровом контенте, приобретаемом потребителем, поскольку объекты, входящие в состав цифрового контента, уже давно приобретаются в сети «Интернет» российскими потребителями [6]. Одним из многочисленных примеров размещения цифрового контента на сайтах, платформах информационного посредника может являться размещение разработчиками мобильных приложений собственных мобильных приложений на различных мобильных платформах (IOS, Android, Windows Phone).

Стоит также отметить, что в настоящий момент законодательство содержит несколько различных упоминаний о субъектах права, которые также связаны с агрегированием информации или расчётов. Например, Федеральным законом от 23.06.2016 № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях» используется понятие новостного агрегатора; Федеральным законом от 03.07.2019 № 173-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платёжной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплено понятие платёжного агрегатора.

Подводя итог, можно отметить, что попытку законодателя урегулировать пробел, связанный с активным развитием электронной коммерции и необходимостью определения статуса хозяйствующих субъектов, не идентифицируемых как классические продавцы (исполнители) в эпоху цифровизации, нельзя признать полностью удачной. Существует ряд недостатков в законодательном определении владельца агрегатора, в частности включение в качестве обязательного признака возможности произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путём наличных расчётов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора. Обязательное наличие указанного признака неоправданно сужает сферу применения положений об агрегаторах, поскольку исключает из орбиты правового регулирования те онлайн-площадки, которые позволяют знакомиться с предложением продавца (исполнителя) и заключать с ним договоры. Необходимо заметить, что в рекомендации

Евразийской экономической коллегии №1 от 12 января 2021 года «О принципах и критериях добросовестной деловой практики в отношении потребителей в сфере розничной торговли товарами»[7] для признания владельцем агрегатора информации о товарах денежные средства могут переводиться не только владельцу сайта, страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», но и в кредитную организацию, либо платёжному агенту, осуществляющему деятельность по приёму платежей физических лиц, либо банковскому платёжному агенту (субагенту), осуществляющему деятельность в соответствии с законодательством о банках и банковской деятельности, либо организации, осуществляющей доставку товара.

Также неоправданным выглядит ограничение вида информации, которую может агрегировать онлайн-площадка, только информацией о товарах и услугах. Представляется необходимым дополнить этот перечень информацией о работах и цифровом контенте.

Список литературы:

1. Макарова О.А., Ковалевская Ю.И. Законодательство о защите прав потребителей в государствах – участниках СНГ в контексте сближения правового регулирования //Третьи цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной : сборник статей / Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь ; под ред. Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск : Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. С. 137–140.
2. Busch, Christoph and Dannemann, Gerhard and Schulte-Nolke, Hans and Wiewiorowska-Domagalska, Aneta and Zoll, Fryderyk. Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms (August 11, 2016). Research Group on the Law of Digital Services, Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms, 5 (2016) Journal of European Consumer and Market Law 164 – 169 (Publishers: C.H. Beck, Nomos and Wolters Kluwer). Available at SSRN. – Режим доступа:<https://ssrn.com/abstract=2821590> – Дата доступа: 20.11.2021).
3. Яндекс.Маркет» удалил корзину [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3690385> – Дата доступа: 21.11.2021.
4. Закон о товарных агрегаторах: всё, что надо знать и уметь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gaec.ru/live/branch/10808>. – Дата доступа: 21.11.2021.
5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона N 126869-7 "О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126869-7>. – Дата доступа: 22.11.2021.
6. Кузнецова Н.Г. – Правовое положение агрегатора информации о товарах (услугах, работах, цифровом контенте) и его преддоговорные обязанности // Юридические исследования. – 2018. – № 3. – С. 1 –15. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.3.25508. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25508. – Дата доступа: 27.11.2021.

7. Рекомендация №1 Евразийской экономической коллегии «О принципах и критериях добросовестной деловой практики в отношении потребителей в сфере розничной торговли товарами» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://eec.eaeunion.org/ru/act/techreg/depstanmer/regulation/Documents>. – Дата доступа: 27.11.2021.

Кизогян Анжелика Аргамовна
магистрант 1 курса
(Южный федеральный университет)

ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: кибербезопасность, кибератаки, киберугроза, информация, Российская Федерация.

На сегодняшний день человечество сталкивается с проблемами общемировой безопасности: например, с природными и техногенными катастрофами, эпидемиями и вооруженными конфликтами. В связи с нарастающим темпом развития цифрового общества перед человечеством предстала ещё одна проблема – кибербезопасность. Термин «кибербезопасность» представляет собой меры по защите персональных данных от несанкционированного доступа, копирования, изменения, воровства информации как отдельных граждан, так и частных компаний и даже государства.

В нашем мире практически каждая организация сталкивается с проблемой кибератаки, что наносит предельный ущерб государству, компаниям и, непосредственно, сотрудникам. То есть, вся информация о персональных данных пользователей, клиентов и работников аккумулируется у мошенников, что может привести к непоправимым последствиям для вышеперечисленных. Следовательно, перед пользователями стоит задача качественного и количественного повышения мер по контролю защиты информации. Такие действия приведут к снижению рисков возникновения потенциальных кибератак.

Также важно упомянуть о трёх важных элементах кибербезопасности: конфиденциальности, целостности и доступности данных, обеспечивающих информационную безопасность. В случае с конфиденциальностью данных, только пользователь с разрешённым доступом имеет возможность вносить какие-либо изменения. Изменения данных пользователями, наделёнными этими

правами, обуславливает целостность данных. А доступность, в свою очередь, означает, что данные всегда доступны для авторизованных пользователей.

Проблема состоит в том, что при условии развития защиты от кибератак, сами методы и технологии кибератак так же непрерывно улучшаются. И нельзя сказать, что меры, предпринятые вчера по защите данных от кражи, сработают и сегодня. Кибератаки и киберугрозы стали частыми явлениями и принимают различные формы, например, вредоносные программы, социальная инженерия, фишинг, вирусы-вымогатели и многое другое.

Рассмотрим некоторые данные по кибератакам. «Судя по данным официальных докладов, только за 2014 год против федеральных структур в США было совершено более 60 тысяч кибератак» [1]. Теракты во многих европейских странах и другие криминальные проявления – кибершпионаж, хищение финансовой и интеллектуальной собственности, прослушивание телефонных разговоров государственных деятелей – лишь показывают, насколько благоприятна оказывается информационная среда для различных преступных подразделений.

«Однако в Российской Федерации существует уголовная ответственность за изготовление и распространение вирусного ПО, взлом компьютера и других действий, которые порой переходят в мошенничество.

Статьи, предусмотренные законом РФ за эти действия:

1) Статья 272 УК РФ – «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (наказание в виде штрафа в размере от 200 до 500 минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от 2-х до 5-ти месяцев, либо исправительные работы на срок от 6-ти месяцев до 1-го года, либо лишением свободы на срок до 2-х лет);

2) Статья 274 УК РФ – «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации» (наказание в виде штрафа в размере до 500 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до 18-ти месяцев, либо исправительными работами на срок от 6-ти месяцев до 1-го года, либо ограничением свободы на срок до 2-х лет, либо принудительными работами на срок до 2-х лет, либо лишением свободы на тот же срок)» [2].

Таким образом, весь информационный поток в Интернете полностью никак не застрахован от кибератак.

Список литературы:

1. М. И. Фалеев, С. Ю. Сардановский. Кибербезопасность-неотъемлемый элемент современной государственной политики в области национальной безопасности. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25990036_14304940.pdf
2. Д. О. Крузе, З. М. Альбекова. Кибербезопасность в России. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36274429_50662820.pdf

Кондратенко Сергей Викторович

диакон, магистрант 1 курса
(Донская духовная семинария)

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РФ

Аннотация:

Данная статья посвящена теме внедрения искусственного интеллекта в судебную деятельность Российской Федерации. Освещаются перспективы данной системы в работе и при вынесении приговоров, а также уже действующие нововведения в области информационных технологий.

Ключевые слова:

Судебная деятельность, искусственный интеллект, информационное общество, цифровые технологии, государство, общество, право.

Annotation:

This article is devoted to the topic of introducing artificial intelligence into the judicial activity of the Russian Federation. The perspectives of this system in operation and during sentencing, as well as existing innovations in the field of information technology are discussed.

Keywords:

Judicial activity, artificial intelligence, information society, digital technologies, state, society, law.

Мы живем в эпоху информационного общества. Между тем, развитие цифровых технологий привнесли перспективу внедрения искусственного интеллекта в различные сферы жизнедеятельности. Очевидно, что искусственный интеллект – это наше настоящее, а не будущее, как совсем недавно утверждали. Но для этого предстоит долгая работа инженеров-программистов для построения искусственной когнитивной системы, приближенной по своему

строению и способностям к мозгу человека, который в свою очередь до конца не изучен наукой.

Понятие «слабый искусственный интеллект» впервые упоминается в Плане мероприятий ("дорожная карта") Национальной технологической инициативы «Автонет», а впоследствии – в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (п. 9). Ему противопоставляется универсальный (сильный) искусственный интеллект (ИИ), приближенный к когнитивным способностям человеческого мозга. Небеспочвенно высказываются опасения о непрогнозируемой работе искусственного интеллекта. Эта основная проблема ИИ, которую необходимо устранять на технологическом уровне при программировании искусственного интеллекта и возможных его алгоритмических решений. Потребуется кропотливая работа инженеров-программистов на пути создания многослойных нейронных сетей на различных языках программирования.

Отсюда возникает вопрос: а может ли искусственный интеллект вообще быть приближенным к мозгу человека? Ведь мы еще сами до конца не познали человеческий мозг, строение и принцип работы его нейронных сетей.

Исходя из понятия искусственного интеллекта как моделируемой (искусственно воспроизводимой) интеллектуальной деятельности мышления человека (п. 3.17 ГОСТ Р 43.0.5-2009), можно предположить несколько этапов внедрения в систему судов:

- краткосрочная перспектива: ИИ как ассистент судьи-человека по ряду вопросов делопроизводства и при рассмотрении дела по существу;
- среднесрочная перспектива (5–10 лет): ИИ как судья-компаньон судьи-человека, в том числе по вопросу оценки ряда доказательств;
- долгосрочная перспектива: возможная замена судьи-человека ИИ по отдельным функциям судьи-человека при осуществлении правосудия. Но здесь нужно понимать, что сознание судьи-человека при рассмотрении дела по существу спора позволяет учитывать не только положения законодательства, но и давать оценку различным философско-правовым категориям: от справедливости и гуманности до добросовестности.

Стало известно, что впервые в 2021 году в месяце мае на территории Российской Федерации для вынесения судебных решений взяли на вооружение и стали использовать искусственный интеллект. Данная технология используется для автоматического изъятия штрафов и налогов. Данный проект начал свою работу на территории Белгородской области.

Вот некоторые функции ИИ в судебной системе по словам члена Президиума Верховного Суда Российской Федерации Виктора Момотова: вынесение судебных решений при взыскании имущественного, транспортного и земельного налогов, вынесение самого судебного приказа, а также подготовка документов и проверка реквизитов.

Также при вынесении судебных приказов информация часто не доходит вовремя до должника. Как следствие, он узнает о приказе уже после того, как деньги списаны. Этим часто пользуются мошенники, подавая заявления по поддельным документам. В судебной системе надеются, что данную проблему можно решить с помощью тех же информационных технологий.

Вынесение судебного приказа больше техническая задача. Что не скажешь о проведении судебного разбирательства по гражданскому или уголовному делу. Здесь от судьи требуются четкие знания законов и умения вникать и понимать.

«Принятие решения в электронном виде с помощью слабого искусственного интеллекта позволит оперативно направлять приказ гражданину, в том числе через портал государственных и муниципальных услуг» [1], – сообщил Виктор Момотов.

Часто граждане сталкиваются с проблемой уведомлений. По словам Виктора Момотова, «уведомления должника также можно решить через сервис госуслуг, предусмотрев возможность в личном кабинете не только ознакомиться с содержанием судебного приказа, но и направить несогласие с взысканием».[2]

Для создания объективной и эрудированной судебной нейросети должно пройти немало времени. Вот некоторые функции, которые видятся в ближайшем будущем:

- распознавать и переводить на русский язык в читаемый цифровой формат любые документы;
- вести цифровое протоколирование хода судебных заседаний;
- автоматически определять специализацию судей по категориям дел и распределять дела между судьями соответствующих судебных составов;
- администрировать выдачу цифровых исполнительных листов и последующее отслеживание их юридической судьбы.

Отдельные функции могут выполняться в режиме голосового помощника (по аналогии с Siri, Алисой или Сбербанк Онлайн).

В апреле 2021 года рабочая группа «Нормативное регулирование» при АНО «Цифровая экономика» одобрила концепцию машиночитаемого права. Эта инициатива внедрения искусственного интеллекта в суды поможет сократить расходы россиян на юристов, а также преобразовать сферу контрольно-надзорной деятельности государства.

Сергей Израйлит вице-президент по развитию и планированию фонда «Сколково» считает, что с помощью ИИ у россиян появится возможность разбираться с различными правовыми документами, а также упростит подписание договоров, предоставление согласий на обработку персональных данных и выполнение требований административных процедур.

«Повысится качество защиты интересов гражданина на таких платформах, в том числе при возникновении споров, судебных разбирательств и связанных с ними последствий... Машиночитаемое право позволяет объединять, систематизировать информацию. Например, о том, какие у вас обязательства сейчас действуют, какие сроки исполнения этих обязательств, поданы ли против вас иски, какие они, как подготовить линию защиты» [3], – пояснил он.

Он также признал, что процесс внедрения машиночитаемого права будет, «безусловно, сложный», поскольку «напрямую упирается в такие системные понятия, как справедливость, оценочные категории – надлежащее исполнение, мнение судьи в отношении обстоятельств дела – какие обстоятельства принимаются, какие нет».

1 апреля 2021 года стало известно о предложении Правительства РФ разрешить участие в заседаниях судов с помощью смартфонов и планшетных компьютеров. Об этом премьер-министр РФ Михаил Мишустин рассказал на заседании кабмина.

«Правительство вносит корректировки в процедуры арбитражного, гражданского и административного судопроизводства, это значительный объем дел, которые затрагивают споры о собственности и целый ряд других важных юридических вопросов, – говорит Мишустин (цитата по ТАСС Информационное агентство России). – Их можно будет урегулировать, используя собственное мобильное устройство, в том числе смартфон или планшет, для участия в процессе в режиме веб-конференции» [4].

Это значит, что вынесенный на рассмотрение кабмина законопроект закрепляет в законодательстве возможность контактировать с судебными органами в удаленном режиме.

В октябре 2020 года был опубликован доклад Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы (СЕРЕЈ), где эксперты

оценивали технологичность судов. Уровень внедрения цифровых технологий в судах России при взаимодействии с участниками уголовного судопроизводства оценена в 8,6 балла, тогда как средний показатель по Европе равен 4,1.

В части электронного взаимодействия с участниками судопроизводства РФ получила оценку в 9,09 балла (среднеевропейский показатель – 5,04 балла), в части использования цифровых технологий в распределении дел и организации работы судов – также 9,09 балла (среднеевропейский показатель – 7,11 балла), а в части применения современных технологий при подготовке судебных актов – 8,24 балла (среднеевропейский показатель – 6,15 баллов).

Общая оценка применения цифровых технологий в российских судах – 8,81 балла. В Германии этот показатель равен 8,3 балла, во Франции – 5,19 баллов, в Италии – 6,42 балла.

Технологичность российской судебной системы была подтверждена в период самоизоляции, когда с 19 марта по 11 мая 2020 года «российские суды рассмотрели почти 3,5 млн дел и материалов, в электронном виде в суды поступило 360 тысяч процессуальных документов, более 13 тысяч дел рассмотрены судами с использованием системы видеоконференцсвязи. Благодаря этому в России не был нарушен нормальный режим работы судов и за время изоляции не скопились огромные запасы нерассмотренных дел, как это произошло во многих европейских странах» [5].

В заключение можно сделать вывод, что работа судебного искусственного интеллекта должна быть открыта, достоверна и прозрачна для всех граждан, хозяйствующих субъектов и общества в целом. Это обеспечит доверие общества к суду и внедряемым в его работу современным информационным технологиям. Также должны учитываться религиозные и этнические традиции народов России при разработке и внедрении ИИ.

Список литературы:

1. Искусственный интеллект задействуют при вынесении судебных решений <https://www.rspectr.com/novosti/62088/iskusstvennyj-intellekt-zadejstvuyut-pri-vyenesenii-sudebnyh-reshenij>

2. Выступление председателя Совета судей РФ Момотова В.В. на пленарном заседании Совета судей РФ 25 мая 2021 года. <http://www.ssrp.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/42229>.

3. Власти подготовили план привлечения искусственного интеллекта в суды. https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/04/2021/60690bed9a7947e1fb2426eb.

4. Кабмин предлагает разрешить участие в заседаниях судов с помощью телефонов и планшетов. <https://tass.ru/obschestvo/11047719>.

5. Судебная система России признана наиболее эффективной и экономной в Европе http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20201103/306468156.html?fbclid=IwAR1QprmJlrYdLBqo4Nb3T-UZlvD5MIP_jY1RgfY5qDUT6iMtgYppsZ0BgCM.

Конопий Анна Сергеевна
старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ В КНР

С быстрым развитием информационных технологий человечество вступило в новую цифровую эпоху. Наравне с материальным миром уже с 1994 года в Китайской Народной Республике действует цифровое пространство. Научно-технические достижения наряду с улучшением качества человеческой жизни и повышением благосостояния людей, создают множество проблем, в том числе, в области защиты прав человека. Постепенно все сферы общественной жизни проходят процесс «оцифровки» с целью создания новой реальности, управляемой искусственным интеллектом. Такая тенденция неизбежно вызовет соответствующие правовые изменения и поднимет новые проблемы в области прав человека. Такая проблема, как нарушение конфиденциальности становится все более заметной, а международная защита прав человека становится все более сложной.

С быстрым развитием сетей, искусственного интеллекта, больших данных, Интернет вещей, облачных хранилищ социальное поведение и повседневное взаимодействие людей постоянно оцифровываются. В цифровое пространство поступают все идентификационные данные личности, позволяющие при помощи интеллектуального анализа сформировать «цифровые портреты», которые представляют собой цифровое выражение образа жизни индивидуума. Таким образом, биосоциальный человек приобретает свою цифровую личность в новую эпоху. «Цифровые портреты» формируются как посредством переноса личной информации в Интернет самим обладателем, так и государственными органами, и прочими организациями. Однако не только государственные органы собирают, обрабатывают и хранят персональные данные граждан в государственных цифровых пространствах, но и различные технологические компании, коммерческие онлайн платформы и операторы

связи также постоянно собирают, анализируют и используют персональные данные потребителей. В результате проблема правовой защиты данных и информации становится все более и более заметной.

Несмотря на длительное существование новой цифровой реальности, вызывающей необходимость правового регулирования с целью защиты прав человека, первым документом, определившим основные принципы взаимодействия с Интернетом, является Белая книга «Интернет в Китае», опубликованная в 2010 году. Однако данный акт не решил проблему информационной безопасности, уже возникшей в указанный период времени, лишь раскрыв основополагающие принципы.

Наиболее значимым и первым цифровым законом является нормативно-правовой акт, принятый в 2016 году – закон «О кибербезопасности», принятый в дополнение к проекту системы безопасности страны «Великий китайский файрвол». Закон охватывает аспекты защиты персональной информации, а также устанавливает общие обязательства сетевых операторов по защите сети, регулирует вопрос безопасности для трансграничной передачи персональной информации и важных данных. Государству предоставляется неограниченный контроль за всеми данными, поступающими в сеть, физических и юридических лиц. Согласно нормативно-правовому акту все цифровые ресурсы, к которым Министерство общественной безопасности КНР не сможет получить доступ, будут объявлены вне закона, а их использование больше не будет допускаться на территории Китая.

10 июня 2021 года Всекитайское собрание народных представителей приняло закон «О защите данных Китайской Народной Республики», который вступил в силу 1 сентября 2021 года. В отличие от закона «О кибербезопасности», которым на организации возлагаются обязательства по кибербезопасности и защите персональных данных, закон 2021 года фокусируется, в первую очередь, на защите общей национальной безопасности данных и устанавливает высокоуровневые методологии и правила управления данными для государственных учреждений, предприятий и других организаций. Закон устанавливает систему, согласно которой все данные будут распределяться в зависимости от степени государственной важности. Такая система направлена на построение единого национального стандарта защиты данных разного уровня важности. Законом устанавливаются общие обязательства по обеспечению безопасности данных в процессе их обработки, определяются меры реагирования, в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, а также разъясняются

обязательства соответствующих органов по обеспечению безопасности данных. Нормативно-правовой акт расширяет полномочия правительства КНР, предоставляя контроль не только над цифровыми данными физических и юридических лиц КНР, но и над информацией, принадлежащей иностранным лицам, при условии, что данные лица осуществляют взаимодействие с лицами КНР. В случае нанесения ущерба безопасности страны, общественным интересам и законным правам граждан и организаций, субъект, нарушивший законодательство о кибербезопасности КНР, привлекается к ответственности в соответствии с Китайским законодательством.

20 августа 2021 года Китай обнародовал закон «О защите персональных данных», вступивший в силу 1 ноября 2021 года, с целью обеспечения большей защиты личной информации. Это первый национальный закон, который конкретно предусматривает защиту персональных данных. Такие данные определяются как все типы данных, записанные в электронном виде. Закон применяется к иностранным организациям, которые обрабатывают персональные данные за рубежом с целью предоставления продуктов и услуг китайским потребителям, а также анализа поведения китайских потребителей. Такие организации обязаны создавать агентства или назначать представителей, базирующихся в Китае, для принятия на себя ответственности по вопросам, связанным с защитой персональных данных граждан КНР. Новое законодательство включает главу, применяемую к трансграничной передаче данных, согласно которой компании, которым необходимо вывезти личную информацию из Китая, должны сначала провести «оценку защиты персональных данных».

Таким образом, законы «О кибербезопасности», «О защите данных Китайской Народной Республики», «О защите персональных данных» являются тремя краеугольными камнями общего правового кибербезопасности в Китае.

С быстрым развитием цифровых технологий и сетевых услуг электронная цифровая память стала нормой. Если законодательство в области защиты персональных данных личности поэтапно формируется, то в этом контексте «право быть забытым» постепенно становится центром общественного внимания. Некоторые ученые считают, что право забвения заключается в праве требования правообладателей удалять данные, которые были размещены в Интернете о них самих, если такая информация является неприемлемой, устаревшей и приведет к снижению их социальной оценки в случае сохранения. Соответственно, только в тех случаях, когда «несоответствующая, не относящаяся к делу и устаревшая» информация о субъекте информации, появившаяся в Интернете, может оказать негативное влияние на честь и достоинство

субъекта информации, от субъекта, разместившего такие данные, может потребоваться удаление соответствующей информации. Основная функция права забвения состоит в предотвращении того, чтобы такие электронные данные продолжали оказывать влияние на текущее состояние жизни субъекта информации. Такое право может принадлежать только физическому лицу. Несоответствующая действительности информация о юридическом лице, размещенная в сети Интернет, регулируется в соответствии с законом «О борьбе с недобросовестной конкуренцией».

Однако процедура осуществления незакрепленного в законе права забвения остается неразъясненной. Основная сложность заключается в проблеме установления лица, ответственного за размещение такой информации. В контексте эпохи больших данных продолжают появляться различные операторы поисковых систем и средств массовой информации, которые обеспечивают среду для постоянной памяти личной информации, оставляя опасения в том, что персональные данные «не будут забыты». Поэтому следует предусмотреть такую процедуру реализации права на забвение, согласно которой будет обеспечена возможность полного удаления информации во всем цифровом пространстве.

С целью недопущения опубликования личной информации, которая в последствие может оказаться «несоответствующей, не относящейся к делу и устаревшей», в законную силу вступили законы «О защите персональных данных» и «О безопасности данных», которые регулируют механизм сбора, использования, сохранения и удаления данных, тем самым обеспечивая хорошую правовую среду для защиты персональных данных.

Китай выражает серьезную озабоченность по поводу крупномасштабной электронной слежки и сбора персональных данных в глобальном масштабе, а также нарушений национального суверенитета и прав человека, особенно права на неприкосновенность частной жизни, в связи с чем согласно новому 14-му пятилетнему Плану до 2025 года и Плану долгосрочных целей до 2035 года КНР будет выстраиваться в форме цифрового государства, центральное место в котором принадлежит Закону.

Список литературы:

1. Закон КНР «О безопасности данных» от 10.06.2021 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://xueqiu.com/8224721398/182556198> [Дата обращения – 06.12.2021].
2. Закон КНР «О защите персональных данных» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://xw.qq.com/amhtml/20211005A017ZI00> [Дата обращения – 05.12.2021].

3. Закон КНР «О кибербезопасности» от 07.10.2016 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/中华人民共和国网络安全法/16843044?fr=aladdin> [Дата обращения – 05.12.2021].

Кравченко Артур Георгиевич
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
(Дальневосточный федеральный университет)

ЦИФРОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ КАК ФАКТОР СДЕРЖИВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ⁶

В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий вопросы цифровых ограничений конституционных прав человека и гражданина приобретает все более принципиальное значение. Так, вопросы ограничения доступа к оцифрованным коммуникациям, низкий уровень цифровой грамотности населения и как следствие ограничения коммуникации с органами государственной власти, участия в гражданско-правовом обороте электронной коммерции, технологий удаленной медицины, образования все больше сужают спектр доступа к реализации базовых конституционных прав по отношению к расширяющимся возможностям цифровых технологий. В то же время пандемия Covid-19, ограничительные меры принимаемые в связи с этим, усиливают эффект цифрового неравенства, исключая фактическую возможность в реализации конституционных прав граждан.

Оценивая масштабы технических ограничений прав человека, следует обратиться к статистике Ростата и аналитики его цифр. Так, имеют доступ в сеть «Интернет», как отмечается в исследовании Высшей школы экономики на 2019 год, имели всего 76,9 % домохозяйств. При этом уровень цифрового неравенства по доступу к цифровым коммуникациям между городским (77,7 %) и сельским населением (60,9 %) составил порядка 17 % [1]. Из лиц, не имеющих доступ к сети, 32,9% указывают на цифровую неграмотность, т.е. отсутствие базовых навыков владения информационно-коммуникационными

⁶ Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

технологиями. В то же время в секторе имеющих доступ к сети интернет 38,4 % респондентов имеют начальный уровень цифровой грамотности [2], то есть не способны к работе со сложными элементами интерфейсами государственных и муниципальных коммуникаций. При этом, проблему цифрового неравенства решается комплексными мерами, от принципа альтернативности цифровым форматам, например, введение МФЦ центров для госуслуг, до бесплатного доступа к сети «Интернет» [3].

Тем не менее, в этом ключе, цифровые ограничения конституционных прав человека и гражданина, связанные с санитарно-эпидемиологической обстановкой по распространению коронавирусной инфекции Covid-19, создали новый перекос в обеспечении права между «цифровизированной» и остальной частью населения, порой устрояя механизмы альтернативности цифре. Так, в субъектах РФ практикуется ограничения доступа населения к МФЦ.

Отмечая неизбежную необходимость таких ограничений, вызванных обязанностью государства по обеспечению санитарно-эпидемиологической безопасности населения, отметим, что не всегда эти ограничения конституционно обоснованы и продуманны. Между тем, иррациональные элементы ограничения прав и свобод человека приводят к необоснованным экономическим издержкам бизнеса, усугубляют положение национальной экономики.

В частности, ограничение на реализацию права на свободу передвижения вызывает значительный негативный экономический эффект, на фоне частичной сегрегации прав человека по признаку цифровой грамотности и цифровой доступности.

Цифровизация создает значительные преимущества в обеспечении эффективного государственного контроля, в том числе за санитарно-эпидемиологической обстановкой, что отражается в законодательной политике России. Так, приняты изменения в Федеральный закон от 30.03.1999 N 52-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения" где введена ст. 44.1 регламентирующая порядок использования федеральной государственной информационной системы сведений санитарно-эпидемиологического характера [4]. Постановление предписывает, что «сведения о лабораторном исследовании на Covid-19 методом ПЦР, перенесенном заболевании или вакцинации в обязательном порядке размещаются на Едином портале государственных услуг путем заполнения формы "Предоставление сведений о результатах теста, перенесенном заболевании или вакцинации от новой коронавирусной инфекции для прибывающих на территорию Российской Федера-

ции" (<https://www.gosuslugi.ru/400705/1>)» [5]. Однако, действующим законодательством обязанности граждан по открытию личного кабинета на госуслугах не предусмотрено. Более того, вопрос прямого цифрового доступа к Интернет-ресурсам органов государственной власти является открытым и входит в проблему «цифрового неравенства». Таким образом, исходя из содержания упомянутого Постановления, в контексте безальтернативности выполнения предписания, фактически осуществлено ограничение конституционных прав граждан вне пределов положений федерального законодательства, что прямо запрещено ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [6]. Между тем, проблему цифрового неравенства развивает и Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2020 N 635-р (ред. от 23.10.2021) «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений» которым указано на обязанность граждан, осуществляющих воздушные перелеты вносить данные по ПЦР тестированию через мобильное приложение «Путешествую без Covid-19» [7]. При этом, очевидно, что данные требования становятся не выполнимы для лиц, не обладающих экономической возможностью приобретения электронных устройств, а также в отношении лиц, не обладающих цифровой грамотностью. Очевидно, что Роспотребнадзор отдает себе отчет в наличии цифрового неравенства, но дает пояснения исключительно в рамках указанных подзаконных актов [8]. Из контекста приведенного разъяснения следует, что режим наилучшего благоприятствования создан для лиц, имеющих в наличии актуальный сертификат о вакцинации против Covid-19 (в течение последних 12 месяцев) или медицинскую справку о перенесенном в последние 6 месяцев заболевании Covid-19. Между тем, и из данной альтернативы исключены лица имеющие медицинские противопоказания к применению вакцины (временные или постоянные).

При обсуждении вопросов ограничения на допуск к общественному транспорту по законопроектам федерального закона "О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации" также было обращено внимание на правовые пробелы потенциально способные создать необоснованное ограничение прав человека на передвижение (ст. 27 Конституции Российской Федерации). Так, для лиц, заключивших договоры перевозки до вступления в силу данного законопроекта, должны быть предусмотрены альтернативы допуска к перевозке. При этом, особому сомнению следует подвергнуть неясность отсылочной нормы п.7. ст. 107 Воздушного

кодекса Российской Федерации о документе дающим права на заключения договора перевозки или допуска к перевозке пассажира. Очевидно, что перечень документов, дающих такое право, должен быть определен только законом, так как именно он определяет границы ограничения конституционных прав и предусматривать все жизненные ситуации. Например, наряду с QR-кодом должны действовать иные документы удостоверяющие права пассажира на перевозку включая медицинский отвод от вакцинации, медицинская справка о перенесенном заболевании Covid-19, ПЦР текст. При этом необходимо понимать, что необоснованному ограничению прав могут быть подвергнуты граждане, по разным причинам, хотя и прошедшим вакцинацию, но не получившим QR-код. Такими причинами может быть не только цифровое неравенство (цифровая неграмотность, отсутствие доступа к сети Интернет), но и технические сбои цифровой сертификации, т.е. сбой на уровне межведомственного электронного взаимодействия (что по оценкам пользователей госуслуг наблюдается крайне часто, поликлиники просто не предоставляют сведения о вакцинации). Делегировать данный перечень на уровень субъектов РФ представляется крайне рискованным с точки зрения потенциального необоснованного ограничения прав человека на передвижения.

Между тем, логика цифровых ограничений прав человека, в режиме повышенной готовности, в более усеченном виде все же получила распространения в законотворческой политике регионов, при одновременном развитии электронных средств контроля за санитарно-эпидемиологической обстановкой по распространению коронавирусной инфекции Covid-19. Так, например. Согласно п. 8 Постановлению Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 22.11.2021 № 155 "О дополнительных мерах по предотвращению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре" [9] и Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 29.04.2020 № 168-п "О государственной информационной системе самоконтроля передвижения граждан в период действия режима повышенной готовности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре "Цифровое уведомление" граждане находящиеся на самоизоляции осуществляют передвижение по территории округа только с оформлением электронного уведомления [10]. Исключения составляют экстраординарные случаи (угроза жизни и здоровью и т.п.). В то же время, согласно п 5.1. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 29.04.2020 № 168-п, если граж-

дане по техническим причинам не могут осуществить оформление такого уведомления, его оформления происходит по телефону горячей линии. При этом остается открытым вопрос по организации режима перемещения граждан, не располагающих соответствующими средствами связи. В то же время, в отношении привитых и переболевших граждан соблюден стандарт цифрового равенства, реализуемый посредством предъявления в качестве документов не только QR-кодов, но и документов на бумажном носителе (п. 5 Постановлению Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22.11.2021 № 155).

При этом следует учитывать, что существующие ограничительные меры носят избирательный характер и для лиц, не имеющих объективную возможность получения QR-кодов, создает дискриминацию по целому спектру возможностей между экономически защищенными и незащищенными слоями населения. Так, лица с высоким уровнем дохода вакцинация действительно не является обязательной так как они могут реализовать свои бытовые и финансовые потребности удаленно отказываясь от вакцинации (личная няня для ребенка или репетитор, передвижение в собственном автомобиле, удаленные потребительские сделки, удаленное управление бизнесом и т.п.). В то время как часть населения с низким уровнем дохода терпит поражения в базовых конституционных правах, если не получает технической возможности на получения разрешительного документа. Так, недопуск ковидных диссидентов в общественный транспорт препятствует осуществлению трудовой деятельности, являющейся экономическим основанием реализации базовых потребностей и как следствие ограничивает право на жизнь.

Очевидно понимание экономического неравенства как фактора ограничения базовых конституционных прав граждан в условиях эпидемиологических ограничительных мер принятие Постановления Правительства РФ от 19.11.2021 N 1979 "О внесении изменений в Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов", которой было установлены основания бесплатного проведение ПЦР тестирования населения [11].

Между тем, разделения режимов для лиц с иммунитетом и без, скорее вызвано экономическим эффектом, нежели эпидемиологическим. Так, согласно медицинским данным, лица, прошедшие вакцинацию от Covid-19, при определенных условиях могут быть его носителями и распространителями [12]. Этот факт делает бессмысленным изъятия из общего правила ограниче-

ний на передвижения при пандемии с точки зрения распространения заболевания. С другой стороны, рост заболеваемости при вакцинации снижается, сокращая издержки участников экономической деятельности. В то же время встречный вектор необоснованного ограничения на передвижение имеет отрицательный эффект, выступая фактором угнетения национальной экономики в чувствительной части экономических секторов. При этом необходимо понимать, что даже феномен «цифровой экономики» – это не чистая форма дистанционной сделки и доставки товара. В бытовом секторе потребления цифровая экономика основана также на информировании о реализации товара или услуги в конкретном месте и в конкретное время, удаленной сделки, но ее фактическом исполнении в местах массовых посещений и т.п.

Отметим, что поскольку вакцинация не является принудительной вне рамок чрезвычайной ситуации, оснований к ограничению прав граждан отсутствует. В то же время ограничительные меры в рамках режимов повышенной готовности направлены на создание условий биологической безопасности и правовых стимулов к достижению коллективного иммунитета накладывают на граждан дополнительные обязанности по обращению в медицинские учреждения, получению разрешительной документации на основе своего фактического статуса. Однако, нарушения принципа всеобъемлемости федерального регулирования, отсутствие механизмов, компенсирующих цифровое неравенство в вопросах получения разрешительных документов, могут и создают фактическую сегрегацию прав между различными группами населения. В частности, в регионах в разное время граждане оставались без цифровой поддержки МФЦ, что фактически в условиях пандемии означало умаление конституционных прав на получение государственных услуг [13], в то время как роль МФЦ только расширяется [14].

Аналогичная проблема возникает и с оказанием медицинской помощи населению в условиях ограничительных мер [15], где перевод врачебно-консультационной работы в цифровой формат можно рассматривать только как вспомогательную, но не безальтернативную технологию [16], а не оказания медицинской помощи по какому-либо признаку как безусловное ограничение конституционного права, предусмотренного ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации. Одновременно с этим отметим, что формирования условий фактической латентности заболеваний, в том числе не связанных с Covid-19, имеет критически негативный экономический эффект, «выключающий» работников предприятий и организаций из производственного цикла.

В этом смысле лоскутная не продуманная правовая политика по ограничительным мерам создает фактическое ограничение не только самих прав человека, но и неразрывно с ними связанных экономических отношений, негативно влияя в том числе и на федеральный и региональные бюджеты. Поэтому, требование к разрешительным документам (их перечню, основаниям получения) должен носить исчерпывающий характер, охватывающий все жизненные ситуации, учитывать в том числе цифровое неравенство, необходимость инфраструктурной обеспеченности (пунктов экспресс ПЦР тестирования) исключительно на уровне федеральных законов, что, собственно, определено и положением ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Цифровые ограничения прав человека являются существенным элементом, угнетающим как «аналоговую», так и цифровую экономику государства, а качество цифрового контроля за ограничениями исключает компенсационные социальные механизмы, к которым привыкло общество на протяжении тысячелетней истории, формирует объективную потребность в обеспечении качества юридической техники при издании правовых норм, накладывающих такие цифровые ограничения и средства цифрового контроля за их исполнением. Необходимо понимать, что цифровой контроль многократно усиливает негативный эффект законодательных ошибок, ошибок оценок регулирующего воздействия принимаемых законов и может приводить к реальным социальным и экономическим кризисам, как в региональных масштабах, так и на уровне всей страны.

Список литературы:

1. Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник И74 [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст дан. (33,6 Мб). – М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 62.
2. Оценка цифровой готовности населения России [Текст] : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Н. Е. Дмитриева (рук. авт. кол.), А. Б. Жулин, Р. Е. Артамонов, Э. А. Титов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 86 с. С. 42
3. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 31 марта 2020 г. N 148 “О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации

для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73755606/#review>.

4. Федеральный закон от 30.03.1999 N 52-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения" (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.10.2021) // Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=389875&dst=150%2C1&date=28.11.2021>.

5. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 02.07.2021 N 17 "О внесении изменений в постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18.03.2020 N 7 "Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019" (Зарегистрировано в Минюсте России 06.07.2021 N 64123) // Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=389751&dst=100000001&date=28.11.2021>.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=2875&dst=100206&date=28.11.2021>.

7. Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2020 N 635-р (ред. от 23.10.2021) <О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений> // Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=399257&dst=100285&date=28.11.2021>.

8. О предоставлении результатов исследований с использованием мобильного приложения «Путешествую без COVID-19» // Режим доступа: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=18479.

9. Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 22.11.2021 № 155 "О дополнительных мерах по предотвращению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре" // Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8600202111230009?index=3&rangeSize=1>.

10. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 29.04.2020 № 168-п "О государственной информационной системе самоконтроля передвижения граждан в период действия режима повышенной готовности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре "Цифровое уведомление" // Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8600202004300006?index=1&rangeSize=1>.

11. Постановление Правительства РФ от 19.11.2021 N 1979 "О внесении изменений в Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов" // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=400993#thRoLrS1Imt18HW6>.

12. Гинцбург оценил возможность вакцинированных от COVID-19 переносить вирус // Режим доступа: <https://ria.ru/20210316/vaktsina-1601476017.html>.

13. МФЦ во Владивостоке закрылись на неопределённый срок // Режим доступа: <https://www.newsvl.ru/covid19/2020/04/01/188967/>.

14. Сервисный МФЦентр: россияне перестанут принимать в госорганах // Режим доступа: <https://iz.ru/944495/ekaterina-vinogradova/servisnyi-mftcentr-rossii-an-perestanut-prinimat-v-gosorganakh>.

15. Письмо Министерства здравоохранения РФ от 27 октября 2021 г. N 10-0/И/2-17691 О необходимости обеспечения в период с 30 октября 2021 г. по 7 ноября 2021 г. исполнение решений, принятых на заседании Правительства РФ 22 октября 2021 г. // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402888190/>.

16. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 марта 2020 г. № 198н "О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19" // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73669697/>.

Ларионов Алексей Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ОКАЗАНИЯ ЦИФРОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

В настоящее время процесс цифровизации все больше проникает во все сферы государственной деятельности, не оставляя в стороне и контрольно-надзорные органы и организации, выполняющие некоторые государственные функции. При этом некоторые органы и организации осуществляют свои взаимоотношения с гражданами и юридическими лицами преимущественно в виртуальной среде, практически отказавшись от бумажного документооборота. Замена привычных нам способов коммуникаций (непосредственное либо опосредованное устное общение или обмен документами) заменяется цифровыми технологиями, напрямую зависящими от закодированных программными продуктами информационных потоков, формирующихся, зачастую, без непосредственного человеческого участия. И если устранение простых технических ошибок вполне возможно через взаимодействие со службой технической поддержки, работники которой, как правило, не обладают власт-

ными полномочиями, то в случае, если в результате подобных сбоев нарушаются права граждан и юридических лиц – устранение подобных нарушений становится огромной проблемой в результате того, что должностное лицо, принявшее соответствующее решение, как правило неизвестно и не может быть установлено через соответствующий информационный продукт. И здесь практически невозможно установить, является ли данное нарушение программным сбоем или превышением должностных полномочий либо халатностью. Наиболее ярким примером может служить организация взаимодействия между застройщиками, участниками долевого строительства, контролирующими органами и Публично-правовой компанией «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства» через Единую информационную систему жилищного строительства.

В соответствии с ч. 1 ст. 23.2. Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» «Единая информационная система жилищного строительства - система, функционирующая на основе программных, технических средств и информационных технологий, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, предоставление, размещение и использование информации о жилищном строительстве, а также иной информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации» [1]. При этом, согласно ч. 3.1. ст. 23.1. Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «субъектами информации являются застройщики, контролирующие органы, уполномоченный орган, орган регистрации прав, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере строительства, архитектуры, градостроительства, или определенное таким федеральным органом исполнительной власти подведомственное ему государственное (бюджетное или автономное) учреждение, осуществляющее ведение единого государственного реестра заключений экспертизы проектной документации объектов капитального строительства в соответствии со статьей 50.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – оператор единого государственного реестра заключений), субъект Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные на осуществление государственного строительного надзора, органы местного самоуправления, Фонд, Фонд субъекта Российской Федерации, конкурсный управляющий, жи-

лично-строительные кооперативы и иные лица, которые в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации обязаны размещать информацию в системе. Субъекты информации, имеющие доступ к информации, размещенной в закрытой части системы, обеспечивают конфиденциальность информации, доступ к которой ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации» [1].

Таким образом, Единая информационная система жилищного строительства наполняется из многих источников, в том числе и в основном органами и организациями, имеющими властные полномочия, и является, в свою очередь, источником информации для принятия такими органами властных решений. При этом в самой структуре органов и организаций – субъектов информации ЕИСЖС полномочия по размещению подобной информации также не всегда прозрачны и, как правило, возлагаются на технический или даже вспомогательный персонал, фактически властными полномочиями в силу иерархичной структуры таких органов и организаций не обладающий. Такими решениями являются установление Фондом фактов соответствия или несоответствия застройщиков требованиям, предъявляемым к ним действующим законодательством, внесение и исключение объектов в Единый реестр проблемных объектов и следующие за этим обмен информацией с органами государственной регистрации прав по вопросу государственной регистрации договоров участия в долевом строительстве. При этом со стороны Фонда возможна как прямая дезинформация, так и бездействие в виде, например, неперечисления денежных средств в компенсационный фонд, что автоматически блокирует регистрационные действия.

Так, согласно ч. 5.1. ст. 11 Федерального закона от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» «Публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства» на постоянной основе осуществляет мониторинг соответствия застройщиков требованиям, установленным частями 1.1, 1.2, пунктами 1.1 – 8 части 2 статьи 3, статьей 3.1 Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ, на основании информации, сведений и документов, размещенных в единой информационной системе жилищного строительства в соответствии с требованиями Федерального закона от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ» [3]. При этом в соответствии с п. 2 ч. 5.1. статьи 10 указанного

Федерального закона «денежные средства с номинального счета перечисляются застройщику незамедлительно в случае выявления Фондом факта неисполнения застройщиком обязанности по передаче участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве в течение шести месяцев со дня наступления такой обязанности в соответствии с указанным договором объекта долевого строительства, который входит в состав многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и в отношении которого застройщиком внесены денежные средства на номинальный счет для заключения (регистрации) иных договоров участия в долевом строительстве. В этом случае Фонд направляет уведомление о выявлении указанного в настоящем пункте факта в орган регистрации прав» [3]. В свою очередь, согласно ч. 3 ст. 48 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» «при государственной регистрации каждого договора участия в долевом строительстве, предусматривающего передачу жилого помещения, машино-места, нежилого помещения, определенного подпунктом 3.1 пункта 1 статьи 201.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», осуществляется проверка факта уплаты застройщиком обязательных отчислений (взносов) в компенсационный фонд в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», по представленному на государственную регистрацию договору участия в долевом строительстве. Указанная проверка осуществляется органом регистрации прав посредством направления запроса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства», которая обязана предоставить запрашиваемые сведения в срок не позднее одного рабочего дня, следующего за днем получения запроса органа регистрации прав» [2].

Таким образом, неверно внесенная в Единую информационную систему жилищного строительства информация позволяет фактически полностью заблокировать финансово-хозяйственную деятельность застройщика по заключению договоров участия в долевом строительстве и, как следствие, финансирование самого строительства жилого дома. При этом застройщик, не обладая сведениями об источнике недостоверной информации, не имеет возможности предпринять предусмотренные действующим законодательством меры по

внесудебной и судебной защите своих прав, а также по привлечению виновных лиц к юридической ответственности. Да и сама квалификация соответствующих действий (бездействия) как виновного противоправного (при этом вопрос формы вины особенно актуален) либо случайного деяния является наиболее проблемной, так как требует специальных познаний и допусков к соответствующим программным продуктам, чего достичь с помощью наших судебных и иных специализированных правозащитных органов является практически нереальным.

Таким образом, виртуальное взаимодействие различных государственных органов и организаций, наделенных властными полномочиями, опосредованная, с одной стороны, программным обеспечением, подверженным техническим сбоям, а, с другой стороны, техническим персоналом, выполняющим непосредственный ввод информации в систему и также склонным к допущению технических ошибок, создает своеобразную непроницаемую для подвластных субъектов завесу, которая прекрасно маскирует умышленные злоупотребления собственно властных субъектов и позволяет им избежать юридической ответственности за свои деяния.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» [Дата обращения – 05.12.2021].

2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «Консультант плюс» [Дата обращения – 05.12.2021].

3. Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» [Дата обращения – 05.12.2021].

Мамычев Алексей Юрьевич

доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры российской политики Факультета политологии
(Московский государственный университет)

Ким Александр Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент
Доцент кафедры
кафедры международных отношений и прав
(Владивостокский государственный университет экономики и сервиса)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭПОХА VS ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ДВЕ ЛОГИКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ, ПРАВА⁷

В настоящее время проблематика цифровизации государственно-правовой и социально-экономической жизнедеятельности общества является центральной для социально-гуманитарного поля научной рефлексии. Очевидно, последнее является не столько феноменом «интеллектуальной моды», сколько вызвано объективным положением дел. Можно сказать, образно: «интеллектуальная мода» была жестко отброшена суровой прагматической необходимостью.

Довольно продолжительное время исследователи, аналитики и всевозможные эксперты были увлечены разворачивающимися процессами информатизации, их влиянии на властно-управленческую деятельность, публичную коммуникацию, прослеживали социально-экономические и культурные изменения в обществе, связанные с крупномасштабными процессами развития информационных технологий [1]. Существенно корректировались доминирующие экономические, политические, правовые теории и доктрины, возникали новые формы и практики (электронное правительство, электронное государство, электронная бюрократия, интерактивные публично-властные отношения, электронные публичные сервисы и т.д.).

Сама информационная повестка выступала новой теорией транзитивности, поэтапного, но достаточно активного (можно читать революционного)

⁷ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

перехода от одного состояния общества (индустриальное общество) к новой эпохе политико-правового, экономического и социально-культурного развития (информационное общество). Тем не менее, последнее все же имело инструментальный характер, поскольку описывало как изменится (порой весьма кардинально) традиционные экономические, политические, правовые институты, формы и практики социального взаимодействия. Данный инструментальный по сути дискурс ориентировал на то, как информационные цифровые технологии изменят общественную организацию, жизнь, интересы и потребности людей [2].

По большому счету принципиально нового или скорее радикального в социально-гуманитарной рефлексии не происходило, поскольку на каждом этапе технологического развития появлялись новые, инновационные инструменты, качественно улучшающие жизнедеятельность человека, отбрасывая старые устаревшие технологии, заменяя их новыми более совершенными. Например, большинство аналоговых форм хранения и передачи данных, заменялись на новый формат информационно-цифровой. Аналоговые формы и процедуры взаимодействия общества и государства сменялись интерактивными практиками и цифровыми формами.

Однако активное внедрение информационных технологий и развития интерактивных форм коммуникации не привел к логичному формированию информационного общества. За этими общими информационными процессами скрыто зарождались принципиально новые и беспрецедентные процессы, а именно процессы цифровой трансформации человека и человеческой организации. Эволюционное развитие и движение к информационному обществу было замещено радикальной траекторией цифровизации, беспрецедентными качественными изменениями во всех сферах жизнедеятельности.

Беспрецедентными, как справедливо отмечает в своей нашумевшей книге Шошана Зубофф [3], потому, что, с одной стороны, разворачивающиеся процессы не имеют прецедентов в жизненном опыте; а, с другой – ведут к принципиально новой общественной организации (будет ли она токовой, это еще большой вопрос), ни опирающейся и, что самое загадочное не отменяющий ни прошлый опыт, ни традиционные институты⁸. Традиционно в мо-

⁸ В современном обществе уже наблюдается процессы конвергенции (смешение, сплавление) социально-культурных, технологических и цифровых форм организации и практик взаимодействия. При этом сквозные цифровые технологии (интернет вещей, модели машинного обучения,

менты кризиса, замечает Шошана Зубофф, мы пытаемся «осмыслить происходящие изменения через призму прошлого опыта, воображая болезненное, но в итоге преодолимое отклонение от нормального течения жизни, вслед за которым все вернется на свои места» [3, с. 23]. В свою очередь, беспрецедентное – это то, чего мы не можем долгое время видеть, поскольку оно не связывается и не может опираться на предыдущий жизненный опыт, поскольку «старые линзы не способны объяснить или оправдать формирующуюся новую реальность» [3, с. 24].

В этом аспекте теория информатизации и доктрина формирования информационного общества – это стройная транзитивная теория переходы к новому позитивному вектору развития, а также доктринально-программное оформление нового проектируемого будущего. Болезненный, но не обходимый переход к новой позитивной программе развития. В свою очередь, современная цифровизация – это беспрецедентный разрыв, радикальный уход от прошлого опыта социального, институционального, культурного. Цифровизация, это принципиально иное проектируемое будущее, не предполагающее позитивного сценария для социально-культурной организации [4].

Что же здесь принципиально беспрецедентного?

Во-первых, новое «проективное будущее» становится главным маркером в интерпретации прошлого, ключевым ориентиром в эволюции функционирующих сегодня социальных (правовой, политической, экономической, культурной и т.д.) систем. Это движение к будущему не прогрессивно, поскольку не наполнено позитивными коннотациями, а, напротив, содержит целый спектр опасений, рисков, угроз. От прогресса осталось лишь общая логика линейного движения вперед, только в отличие от прогресса, это движение не к более совершенному, а к рикогенному. Само будущее в разнообразных моделях и проектах связано с негативными ожиданиями и всевозможными кризисами. Одна из ключевых проблем «проективного будущего» заключается в том, что рискогенность и негативность, которые присутствуют в нём «вкладываются» в систему принятия сегодняшних решений, в проектирование различных социальных институтов, нормативных комплексов.

виртуальная и дополненная реальность) не «вытесняют» и не «замещают» социокультурные образы, представления, символы, устойчивые формы и практики, а, напротив, переплетаются с ними, в результате и первые, и вторые адаптируются и используют ресурсы друг друга. В качестве яркого примера последнего может служить китайская система социального рейтинга, которая «сплавляет» как прорывные сквозные цифровые технологии, так и традиционные культурные основания общества.

Во-вторых, «проективное будущее», а не прошлый опыт, культурные доминанты, традиционные ценности выступает сегодня «*драйвером*» эволюционных изменений и качественных трансформаций в общественной системе. Постгуманитарные тенденции (нивелирование культурных ценностей и нравственных стандартов; смена гуманистического измерения на приоритет устойчивости и стабильности развития сложных социально-технических и цифровых систем) в трансформации современных обществ привело и к интенсивному развитию универсальных и абстрактных ценностно-нормативных систем, «очищенных» от этнокультурного и духовно-нравственного содержания. Пустые и универсальные формы *более пригодны* для «проективного будущего», не нужно переживать о сопротивляемости социокультурного материала.

В-третьих, цифровизация порождает новую цифровую реальность, которая вводит как новые траектории развития, так и кардинально изменяет соотношение между традиционными для человеческой жизнедеятельности реальностями – социокультурной, биологической, физической: «Цифровая сфера захватывает и переопределяет все, что нам хорошо знакомо, еще до того, как мы успеваем задуматься и принять решение» [3, с. 12].

Все это формирует новые симбиотические (например, «сплав» биологических и технологических новаций и развития человека и общества, культурных и цифровых доминант функционирования систем) и виталистские (например, доминирование значимости ценностей материальных, природных, технологических объектов над ценностями и интересами человека, выраженных в зеленой, экологической и инновационно-технологической повестках) режимы трансформации общественной организации и отношений.

В этом плане цифровизация – это более широкое понятие, оно не сводится к совокупности процессов, связанных с разработкой, внедрением и эксплуатацией цифровых технологий и инструментов. Данное понятие отражает последние, плюс формирование новых идей, ценностей, установок, форм и моделей отношений, институтов и проч. Кроме того, цифровизация – это также и процесс конструирования цифровых проектов будущего⁹, и активная

⁹ Здесь еще раз можно сослаться на фундаментальный труд Шошаны Зубофф. С точки зрения исследования современная цифровая реальность (или в её концептуализации – надзорный капитализм) проектирует «выгодный образ будущего», обосновывая его неминуемый характер наступления, обусловленный развитием технологий: «Цифровая реальность может принимать различные формы в зависимости от социальной и экономической логики, которая даёт ей жизнь... Надзорный капитализм, а не технология устанавливает цену подчинения и беспомощности... Капитализм – это логика действий, а не технология, – момент жизненно важный, потому что надзорные капиталисты

конкуренция между последними. Еще раз подчеркнем, цифровизация – это не поэтапный эволюционный процесс развития информационного общества или расширению роли и значения интернет-пространства, последняя, напротив, выводит в качестве базового, фундаментального цифровые формы и принципы, которые доминируют и начинают подминать/подчинять принципы социокультурной, биологической и физической природы человека.

В-четвертых, сегодня процессы прогнозирования и моделирования развития общественных отношений, институциональных трансформаций и социальных порядков (политических, юридических, экономических и т.д.) не закладывает только "социальное" и "гуманитарное" в качестве основополагающего элемента и доминирующего тренда властно-управленческой деятельности. Сегодня традиционные социально-культурные формы и характеристики общественно-политической организации, технологий публичного управления не являются основополагающими как в динамики современных общественных систем, так и в доктринальных и программных приоритетах эволюции последних. Технологические требования и инновационные перспективы переструктурирования современных обществ становятся более привлекательными и значимыми. В настоящее время лавина научных публикаций, обосновывающих необходимость разработки «альтернативных способов концептуализации человеческого субъекта» [5, с. 74].

Кроме того, в настоящее время проблематизируется и статус новых драйверов политического противоборства, экономической конкуренции, социально-культурного взаимодействия: это автоматизированные цифровые сущности, которые пока сложно обозначить традиционным понятием «субъект» (цифровые личности, цифровые платформы, цифровые алгоритмы и другие действующие цифровые актанты), которые существенно влияют на социальную итерацию и динамику разнообразных общественных процессов [6].

В новой цифровой реальности и разрабатываются принципиально иное определение самого традиционного субъекта, которые переформируют последнего в новое существо – социальные киборги. Так по мнению современных транс- и пост- теорий именно «киборги являются *господствующей социокультурной формой*, целиком включенной в социальное производство... ки-

хотят, чтобы мы думали, что их практики являются неизбежным выражением технологий, которые они используют» [3, с. 26]. В целом сегодня каждая глобальная корпорация продвигает своё проектируемое будущее, соответствующую этому будущему мировоззренческую картину и ценностно-нормативную структуру.

борги – не только гламурные тела пилотов высокотехнологичных истребителей, атлетов или кинозвезд, но также и анонимные массы низкооплачиваемого цифрового пролетариата, подпитывающего высокотехнологичную глобальную экономику, никогда при этом не получая к ней доступ» [5, с. 174]. Социальные киборги – это новый план слияния человеческого сознания с электронной сетью: «Современные информационные и коммуникативные технологии экстериоризируют и в форме электроцепей удваивают человеческую нервную систему. Это вызвало сдвиг в поле нашего восприятия: визуальные режимы репрезентации сменились сенсорно-нейронными режимами симуляции, наши тела стали “биоопосредованными”» [7, с. 3]

В-пятых, следует сказать и об институциональных трансформациях, которые характеризуются как кардинальным изменением действующих политических, юридических, экономических и других институтов; так и формируют принципиально новые институциональные основания новой цифровой реальности. С одной стороны, переструктурируются ключевые центры мобильности, формы и технологии социально-властной коммуникации, изменяются и ключевые ресурсы общественно-политической организации, важнейшим становятся данные, которые генерируют население, организации, механизмы, алгоритмы. Именно данные становятся основой для постоянной циркуляции информации, контентов, базисом современной «цифровой формации».

С другой, цифровые платформы становятся новым "ценностно-нормативным" и "институциональным каркасом", который интегрирует различные среды общественного взаимодействия (экономическая, политическая, правовая, культурная и т.д.), а также формирует новые баланс и приоритеты взаимодействия реальностей (цифровой, социокультурный, биологической, физической).

Очевидно, что формат и ограничения статьи не позволяет перечислить и другие кардинальные отличия информационной эпохи развития государства, права, общества *от* нового проекта трансформации государственно-правовой и социально-экономической организации общества – цифровой реальности. Тем не менее, надеемся, что выделенные различия между информационным и цифровым векторами развития общественных систем, более четко и содержательно позволяют: провести разграничение между двумя логиками развития, а также охарактеризовать разворачивающиеся масштабные и беспрецедентные процессы изменений в экономике, политике, обществе.

Список литературы:

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 795 с.
2. Кастельс М. «Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
3. Зубоф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
4. Мамычев А.Ю., Ким А.А., Фролова Е.Е. «Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов // *Advances in Law studies*. 2020. Vol. 8. S.5. p. 3–17.
5. Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
6. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов : коллективная монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. Москва : РИОР, 2020. 349 с.
7. Clough P. The affective turn: Political economy, biomedica and bodies // *Theory, Culture and Society*. 2008. № 25. Pp. 1–22.

Минина Мария Андреевна

бакалавр 2-го курса
(ФГБОУ ВО РАНХиГС)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Период 21 века можно назвать веком возможностей, веком научного прогресса, в ходе которого происходит внедрение компьютерных инноваций в деятельность людей. Мы можем наблюдать изменения во всех сферах своей жизнедеятельности. Данный процесс, как и любой другой, сопровождается положительными и отрицательными аспектами. Цифровизация открывает людям множество возможностей, которые, как следствие, повышают уровень жизни населения каждого государства. Но не стоит, забывая, что данный процесс также нуждается в тщательном контроле. Изучение прав и свобод человека, а также осуществление контроля над их обеспечением является актуальным в современный период.

Правовой базой при изучении данного вопроса послужат такие нормативно-правовые акты, как Основной закон государства и нормы международного права и международные договоры. В Российской Федерации национальная Конституция является законом, обладающим высшей юридической силой, в ней заложены принципы основ конституционного строя, права и свободы

гражданина, а также его обязанности. В статье первой вышеупомянутого нормативно-правового акта указано, что Россия является федеративным демократическим правовым государством с республиканской формой правления [1]. Вследствие этого, высшей ценностью является человек, его права и свободы. В процессе цифровизации сфера прав человека увеличивается, это способствует увеличению правонарушений по отношению к другим гражданам, права которых в данных правоотношениях были нарушены. Поскольку защита прав и свобод человека является обязанностью государства, происходит изменения законодательства путём внесения определенных поправок для устранения ситуаций, в которых могут быть данные права нарушены. Цифровая реальность не освобождает от этих обязанностей, и не прекращает действие прав граждан.

Права граждан можно распределить на различные виды по основанию их возникновения и сферы их действия. В теории права человека делятся на личные (субъект обладает ими независимо от религиозных убеждений, национальному происхождению и другим различным факторам), политические, социально-экономические, а также культурные. Ввиду развития общества, право развивается вместе с ним, в связи с этим у граждан появляются цифровые права.

Первой категорией, которую мы рассмотрим в аспекте нашего вопроса, являются личные права человек. Обладателем данных прав является любой человек вне зависимости от его социального положения, национальности, пола, расы, происхождения и других признаков. Данная категория прав включает множество различных свобод и прав. Большинство людей стали намного чаще реализовывать своё право на свободу слову. Каждый вправе поделиться информацией на просторах интернета, а также найти соотечественников со схожим мировоззрением на определенные ситуации, сферы жизни, ценности. К сожалению, при реализации такого права в цифровом обществе, порой можно столкнуться с такими проблемами, как распространение ложной информации широкому кругу лиц в сжатые сроки [2], дискриминация граждан, а также иные аспекты, страдающие от их применения. Определенные высказывания в сторону гражданина могут послужить способом его дискриминации по различным признакам, и, как следствие, происходит нарушение положений Конституции Российской Федерации, поскольку все люди равны.

Во-вторых, важным видом является социально-экономические возможности гражданина, проявляющееся в правах на получение образование, право

на труд, отдых, частную собственность, свободу предпринимательства. Развитие цифрового общества способствует расширению данных прав: появляются различные интернет-магазины, предприниматели которых реализуют своё право на свободу предпринимательства; образуются образовательные платформы, на которых дети, а также взрослые люди получают полезную информацию для повышения уровня образования и развития своего мировоззрения. Дети являются очень уязвимыми и восприимчивы к любой информации, в связи с этим необходим тщательный контроль образовательных сайтов на предмет информации, которая может разрушать детскую психику (различные выплывающие рекламы на тему алкоголя, отношений между взрослыми), следует установить возрастной ценз, который не позволит ребёнку зайти на сайт, содержащий непристойную информацию.

Культурные права граждан являются неотъемлемой частью правового статуса гражданина. Положения о данных правах также заключены в Основном законе государства, частью из них является право на пользование предметом культурного наследования (статья 44), право на творчество (статья 44). Теперь мы можем смотреть спектакли, не выходя из дома, на специализированных сайтах театров. Но все же виртуальная реальность никогда не заменит просмотр деятельности искусства своими глазами. Государство нам предоставляет эти возможности. У граждан в возрасте 14–24 лет появилась возможность получить «Пушкинскую карту» с определенным номиналом для посещения выставок, музеев, театров. Таким образом происходит реализация культурных прав человека, а также расширение его кругозора, которое положительно рассматривается на построении взаимоотношений с гражданами и государством.

Политические права являются важнейшими в жизни каждого. С их помощью граждане могут участвовать в политической жизни страны, а также определять вектор направления ее развития. Право на объединение (каждый вправе создавать какую-либо организацию по своей воле); права на манифестацию (каждый вправе организовывать мероприятия политического характера без оружия); право на участие в управлении делами государства и на осуществление местного самоуправления; избирательное право; право на обращение – все это является публично-политическими правами человека. Теперь данные права мы можем осуществлять посредством сети Интернет. Например, в 2021 году произошло дистанционное электронное голосование по выбору депутатов в Государственную Думу. Данный проект был пилотным, про-

водился среди граждан Московской, Ярославской, Ростовской, Курской, Мурманской, Нижегородских областях и городе Севастополь. Необходимо обратить внимание на то, что более 90 % из всех участников дистанционного электронного голосования приняли участие в нем. По словам председателя ЦИК Эллы Памфиловой, к 2024 году электронное голосование на выборах будет реализовано по всей стране [3]. Но возникли определенные трудности с конфиденциальностью данных избирателей: компания Ростелеком, разрабатывающая данную систему, может отследить выбор определенного избирателя в порядке голосования. Данный вопрос решается, поскольку граждане обладают правом на защиту неприкосновенности частной жизни.

Мы можем наблюдать, как положительно сказывается процесс цифровизации на жизнедеятельности граждан. Органы государственной власти прилагают все условия для улучшения качества жизни населения. Создаются специальные платформы, например, сайт государственных услуг через который граждане могут подать заявку на осуществление каких-либо услуг во всех сферах жизнедеятельности (получить необходимые документы, записаться к врачу, подать заявку в детский сад и образовательные организации). Но не стоит забывать, что данный процесс влечёт и негативные последствия, которые необходимо устранять и совершенствовать законодательство. Государства, международные организации, правозащитники, группы гражданского общества в сотрудничестве и с чувством общей ответственности и сопричастности несут ответственность. Необходим универсальный ответ человечества для защиты универсальных прав человека. [4]

В заключении хотелось бы сказать, что процесс оцифровизации является довольно сложным, и требует должного развития государства со стороны органов государственной власти. Необходимо уполномочить определенный орган, осуществляющий контроль за сферой сети интернет. Поскольку информация появляется в сети с молниеносной скоростью, необходим отдельный орган, занимающийся только данным вопросом. Одной из мер осуществления контроля над этой сферой может стать создание программного обеспечения, устраняющего вредоносные сайты по специально-заложенным кодовым словам в данной программе, что значительно оптимизирует процесс надзора на информационной площадке. Цифровизация общества происходит относительно недавно, именно поэтому государства стараются разрабатывать и предпринимать меры в данной сфере в наши дни, поскольку их прямой обязанностью является защита прав и свобод граждан.

Список литературы:

1. Карцхия А. А. Цифровая трансформация и права человека / А. А. Карцхия // Русская политология. 2018. N 9. С. 33–38.
2. Guidelines to respect, protect and fulfil the rights of the child in the digital environment [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/guidelines-to-respect-protect-and-fulfil-the-rights-of-the-child-in-th/16808d881a> (дата обращения 29.11.2021).
3. Мильке В. Э., Незнамов А. В., Сучкова М. А. Права человека и цифровые технологии [Электронный ресурс] / В. Э. Мильке, А. В. Незнамов, М. А. Сучкова – Режим доступа: https://ethics.cdto.center/8_2 (дата обращения 29.11.2021).
4. Основное выступление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25158&LangID=R> (дата обращения 01.12.2021).
5. Обеспечение защиты прав человека в цифровую эпоху [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/techenvoy/ru/content/digital-human-rights> (дата обращения 01.12.2021).
6. Guidelines on the protection of individuals with regard to the processing of personal data in a world of Big Dat [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/16806ebe7a> (дата обращения 29.11.2021).
7. Declaration by the Committee of Ministers on the manipulative capabilities of algorithmic processes [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?ObjectId=090000168092dd4b (дата обращения 29.11.2021).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] – Правовая система Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 29.11.2021).
9. Как устроено дистанционное электронное голосование в России, и какие у него перспективы [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Как_устроено_дистанционное_электронное_голосование_в_России,_и_какие_у_него_перспективы (дата обращения 01.12.2021).
10. Малиненко Э. В., Шогенова Э. Р. К вопросу о судебной власти и прокуратуре в современном государстве / Э. В. Малиненко, Э. Р. Шогенова // Право и государство: теория и практика. 2021. N 7. С. 89–91.
11. Малиненко Э. В., Тягун Ю. П. К вопросу о конституционных основах системы здравоохранения в Российской Федерации / Э. В. Малиненко, Ю. П. Тягун // Право и государство: теория и практика. 2021. N 7. С. 79–80.
12. Малиненко Э. В., Новоселов В. А. Конституционная ответственность в современных реалиях / Э. В. Малиненко, В. А. Новоселов // Право и государство: теория и практика. 2021. N 7. С. 67–68.
13. Малиненко Э. В. Конституции и уставы субъектов РФ как акты улучшения качества жизни и демографической ситуации / Э. В. Малиненко // Демографическое развитие России: проблемы и пути решения. 2021. С. 217–220.

14. Малиненко Э. В. «Цифровая» форма Конституций и уставов субъектов Российской Федерации и способы корреляции и адаптации / Э. В. Малиненко // Государственное управление и развитие России : глобальные угрозы и структурные изменения. 2020. С. 938–940.

15. Малиненко Э. В., Малиненко Л. К. К вопросу унификации конституций (уставов) субъектов РФ и конституций штатов США в части местного самоуправления / Э. В. Малиненко, Л. К. Малиненко // Образование и право. 2020. N 8. С. 410–415.

16. Малиненко Э. В. К вопросу о тенденциях совершенствования конституций и уставов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии / Э. В. Малиненко // Образование и право. 2020. N 7. С. 21–25.

17. Малиненко Э. В. Экономическая безопасность как условие реализации основ конституционного строя в субъектах РФ / Э. В. Малиненко // Трансформация закупочной системы и современное публичное управление. 2015. С. 304–307.

Небрятенко Геннадий Геннадьевич

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ, ЭКОНОМИКИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВО

Прикладным выражением концепции правовой системы общества является определение национальной правовой системы. Последняя представляет собой конкретно-историческую совокупность права, правосознания и юридической практики, обеспечивающие правовое регулирование общественных отношений, характеризуя уровень развития национальной правовой культуры. Цифровизация оказывает влияние на национальное право, массовое правосознание и на юридическую практику, ибо она представляет собой другую нематериальную реальность, отличную от аналоговой. В современном обществе цифровизация превратилась в инструмент создания для человечества агрессивной среды, уничтожающей реальность материального мира, аналоговую. Цифровизация позиционировалась прежде как благо и являлась им, но оказалось, что она филигранно лишает человека воли, свободы выбора, ибо он стал предсказуем и предопределен искусственным интеллектом, а ведь человек богоподобен и его цифровизация – это попытка возвысить искусственный интеллект, а точнее его «администраторов».

Интересно, что от внезапно возникшей в 2019 г. эпидемии гриппа менее пострадали страны с многоукладной экономикой, причем, с явно выраженным планово-административным началом, и более – государства с классическим капиталистическим строем, а также неокapиталистические страны, открывшие свои кингстоны для «балласта глобализма». Последние остаются под жесточайшим ударом, ведь гибель миллионов – это очень серьезно. Эпидемия гриппа стала катализатором цифровизации, когда многие виды правоотношений принудительно вышли из сферы аналоговых. Это конечно удобно, но представляет угрозу для национального государства, права, общества, экономики и прежде всего человечества.

Цифровизация в период Ковида может серьезно модернизировать трудовые отношения, например, в педагогической среде, а persona аналогового преподавателя оказаться нон-грата. Известное изречение гласит: «Если хочешь победить врага, воспитай и вырасти его детей». Теперь с цифровизацией появляется возможность обучать всех сразу в глобальном масштабе, а вот чем учить будут, связано с интересами «администраторов» компьютерной сети. Интересно, что именно бывший руководитель флагмана мировой цифровизации – Майкрософта – Билл Гейтс стал рупором эпидемиологического и пост-эпидемиологического развития человечества. Свое бизнес-детище он уступил, который в условиях «ковидо-цифровизации» получил очень перспективный актив. Сам же Билл Гейтс стал «аналогом» Джорджа Сороса – рупора финансовых трагедий человечества, но вещающего о биолого-бактериальных угрозах.

Теперь о самой правовой системе, она, конечно, меняется в эпоху цифровизации: наиболее быстро правосознание людей, адаптирующихся к условиям новой реальности, так как человечество стремится выжить с момента своего появления на Земле. Юридическая практика и право – они также модернизируются, но в силу формальности своего бытия, конечно, медленней. Хотя этому имеется объяснение: цифровизация как принцип глобализма общественных отношений имеет вненациональный контекст, а российское право, правотворческий процесс, толкование и правоприменение представляют собой явления национального масштаба, которые могут противостоять глобализации.

Цифровизация в современном мире стала орудием, которое в национальном измерении может и должно стать трофейным, но в условиях рыночной потребительской экономики угрожает России, население которой тает от

безденежья и болезней. Низкий прожиточный минимум и повышенная смертность представляют собой реальную угрозу национальной безопасности, поскольку народ является единственным источником власти и носителем суверенитета.

Таким образом Россия в сложившихся условиях цифровизации общественных отношений стоит перед очередной угрозой. Подключившись к институтам глобализации таким как ФРС, Банк реконструкции и развития, МВФ наше государство, в первую очередь народ, больше потеряли, чем приобрели. Впрочем, зависимости от цифровизации как продолжения глобализации не стоит бояться, поскольку перед Российской Федерацией стоит более насущная угроза национальной безопасности – военная, связанная с расширением блока НАТО и приближением его границы к Отечеству.

Никитин Александр Александрович

кандидат юридических наук,

доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии

(Саратовская государственная юридическая академия)

ПРАВОВОЕ УСМОТРЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время можно наблюдать, как технологии все больше внедряются в ряд сфер государственно-правовой деятельности: оказание государственных и муниципальных услуг, контрольно-надзорная деятельность. Например, государственными органами контроля и надзора разрабатываются и используются государственные информационные системы, средства автоматизированной идентификации, автоматические устройства дистанционного контроля и «электронные инспектора» (в тестовом режиме), позволяющие проводить самопроверку соблюдения действующих обязательных требований [1]. При этом большинство из существующих средств автоматизации, заменяющих человека в рутинных областях юридической деятельности (правовые справочно-информационные системы, системы подготовки и тиражирования документов и др.), являются примером «слабого» искусственного интеллекта. Более современные разработки «сильного (универсального)» искусственного интеллекта будут внедряться уже в сущностные аспекты юриспруденции: для

поддержки принятия решений в правотворчестве, судебной и иной правоприменительной деятельности; для прогнозирования, мониторинга, анализа версий и т.п. [2]

Использование технологии искусственного интеллекта в юриспруденции не ограничивается сферой оказания государственных и муниципальных услуг, а также контрольно-надзорной деятельностью государственных и муниципальных органов. Данные технологии все больше проникают в сферу судопроизводства. По мнению исследователей, технологии (устройства), способные осуществлять имитационное моделирование (например, следственных версий), составлять проекты процессуальных документов, принимать и обрабатывать обращения, поступившие в электронном виде, будут востребованы у судей, прокуроров, следователей и адвокатов [3]. Результатом внедрения соответствующих технологий может стать «предсказанное правосудие» – появление информационно-аналитических систем (программ), способных просчитать исход наиболее типичных судебных дел, в том числе определить оптимальный способ защиты, подобрать наиболее подходящие аргументы, оценить размер возможной компенсации [4].

Положительные стороны внедрения современных технологий, как в судопроизводство, так и в сферу иного правоприменения нельзя не замечать. Во-первых, системы дистанционного взаимодействия (видеоконференц-связь, системы электронного документооборота) позволяют экономить средства бюджета и участников судопроизводства (иного правоприменительного процесса), устраняя необходимость участникам судопроизводства преодолевать большие расстояния (при обращении в межрегиональные органы или центральные аппараты федеральных органов). Во-вторых, справочно-информационные системы упрощают работу с нормативными и правоприменительными правовыми актами, количество которых постоянно возрастает. В-третьих, автоматизированные системы фиксации экономят человеческие ресурсы, которые необходимо было бы выделять для решения аналогичного объема задач. В-четвертых, минимизируют «человеческий фактор»: усталость, ослабление внимания или зрения и др. (например, автоматизированные системы распознавания лиц, совмещенные с видеонаблюдением).

Также активное внедрение соответствующих технологий позволит искоренить или существенно снизить бытовую и среднеуровневую коррупцию [5].

Наряду с позитивными результатами использования современных технологий в юриспруденции существуют и те, значение которых представляется

весьма спорным. Такие спорные результаты особенно заметны в контексте исследования проблемы правового усмотрения. Так сторонники более активного внедрения и всеобъемлющего использования современных технологий в юриспруденции в качестве положительных результатов реализации, предлагаемых мер отмечают минимизацию усмотрения (правоприменительного, судебного), устранение «человеческого фактора» из процесса принятия решения и обеспечение единообразия правоприменительной практики за счет машинной алгоритмизации выносимых решений. Полагаем, что перечисленные результаты внедрения современных технологий далеко не в полном объеме можно считать «достоинствами» данного решения и оценивать положительно.

Например, недопустимо ставить знак равенства между минимизацией усмотрения и уменьшением количества правоприменительных ошибок. Несмотря на бурное развитие, технологии искусственного интеллекта находятся еще на невысоком уровне. Это позволяет их использовать исключительно в качестве вспомогательного инструмента в применении юридических норм, а не заменять ими правоприменителя [6]. Следовательно, передача права на принятие решения от человека к таким несовершенным алгоритмам будет означать замену возможных человеческих ошибок на ошибки автомата. Последние, при определенном стечении обстоятельств, могут множиться за счет отсутствия критической оценки поступающей информации (несколько раз повторенная ошибка может восприниматься программой как истинный «опыт», на котором будет основываться последующее разрешение аналогичных дел). Следует согласиться с А. И. Овчинниковым, отмечающим: «Цифровизация и алгоритмизация правоприменительной деятельности повлечет не только исчезновение справедливости и правосудия в праве, но и к обилию абсурдных правоприменительных решений» [7].

При принятии решения правоприменитель, как правило, должен руководствоваться собственным внутренним убеждением (в процессуальном законодательстве напрямую закреплены соответствующие положения). А внутреннее убеждение явление значительно более сложное, чем программные алгоритмы. В связи с этим, невозможно «объяснить» машине, почему в зависимости от конкретных обстоятельств одни и те же доказательства в одном деле отвергаются, а в другом кладутся в основу решения [8]. В возможности выявлять и правильно оценивать такие «необъяснимые» нюансы дела и заключается ценность правоприменительного (судебного) усмотрения.

Кроме того, существуют целые пласты правового регулирования, в которых изначально отводится более важная роль правовому усмотрению (как

правотворческому, так и правоприменительному). К таковым, в частности, можно отнести использование специфических правовых средств – правовых льгот [9] и правовых преимуществ [10]. Во-первых, решение об установлении льгот, преимуществ в отношении того или иного субъекта; о нормативном закреплении содержания предоставляемых льгот, преимуществ – по своей сути является правотворческим усмотрением. Например, И. С. Морозова называет в числе субъектов, участвующих в механизме льготирования, Президента РФ, Федеральное Собрание, которые определяют приоритетные направления льготно-правового регулирования, осуществляют процесс законодательного оформления механизма льготирования, выполняют другие функции, обеспечивающие функционирование механизма льготирования [11]. Правотворческая дискреция названных субъектов едва ли может быть замещена цифровыми алгоритмами искусственного интеллекта.

Во-вторых, реализация закрепленных в нормах права льгот и преимуществ связана с правоприменительным и иным правореализационным усмотрением. В частности, А. Г. Репьев отмечает использование оценочных категорий в юридических нормах, устанавливающих правовые преимущества [12]. Хотя толкование соответствующих терминов может представлять определенные сложности для правоприменителя, законодатель сознательно идет на их включение в правовую норму, предполагая, что толковать и применять эту норму будет человек, а не машина.

В-третьих, правовые льготы и преимущества представляют собой обусловленные объективными обстоятельствами определенные отступления от единых типовых правил, установленных правовыми нормами, от требований принципа формального равенства [13, 14]. Следовательно, возможность их правильного применения искусственным интеллектом, ориентированным на единообразие и применение именно типовых правил и решений, вызывает сомнение. Отказ от использования названных правовых средств фактически невозможен, поскольку благодаря им обеспечивается наиболее полное удовлетворение интересов субъектов права. Даже коррупционные риски, связанные с установлением в законодательстве льгот и преимуществ, нивелируются тем положительным эффектом, которого можно достичь в результате их применения [15].

Названные обстоятельства подтверждают, что важным компонентом, без которого невозможно реализовать правовые льготы и правовые преимущества, а следовательно, и обеспечить законность в соответствующих сферах, является юридическое усмотрение. Единство законности не исключает возможности, а порой и необходимости учитывать в процессе правореализации

особенности регулируемых правом фактических отношений и использовать в решении проблемной ситуации индивидуальный подход, которому едва ли можно научить «машину».

Необходимо также отметить тот факт, что правовое регулирование отношений, связанных с использованием новейших технологий, серьезно отстает от уровня развития последних. И государству, нагоняя данное отставание, следует действовать крайне осторожно, избегая спешки и скоропалительных решений, поскольку цифровизация может привести не к развитию общества, а к его гибели [16].

Подводя итог анализу возможностей замены правоприменителя-человека на искусственный интеллект, следует согласиться с точкой зрения исследователей, отмечающих, что автоматизация правоприменения возможна только в пределах рутинных процедур оформления типовых документов и не более того. Иное приведет к тому, что искусственные правоприменители, лишенные гибкого, глубокого и точного человеческого мышления, окажутся еще более зависимы от предустановок, чем человек зависим от предрассудков, воздействия со стороны руководства и иных факторов [17].

Список литературы:

1. Мартынов А. В. Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 175–176.
2. Долматов А. В., Долматова Л. А. Возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1. С. 44–45.
3. Апостолова Н. Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135.
4. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 11. С. 80–81.
5. Овчинников А. И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 163.
6. Амиянц К. А., Чемеринский К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-3. С. 50.
7. Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 258.
8. Амиянц К. А., Чемеринский К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-3. С. 50–51.

9. Морозова И. С. Нормативные изъятия и дополнительные преимущества: общетеоретические проблемы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 3. С. 190.

10. Репьев А. Г. Категория «правовое преимущество»: к постановке научной проблемы исследования // Правовая культура. 2013. № 1. С. 51.

11. Морозова И. С. Механизм льготирования: постановка вопроса // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 77.

12. Репьев А. Г. Оценочные категории в нормах законодательства (на примере положений о правовых преимуществах) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 60–62.

13. Морозова И. С. Правовые льготы: проблемы формирования теории // Современное право. 2008. № 1. С. 54.

14. Репьев А. Г. Социальная функция института правовых преимуществ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 4. С. 107.

15. Репьев А. Г. Коррупционные риски при установлении в законодательстве правовых преимуществ // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 209–210.

16. Овчинников А. И. Тенденции развития права в условиях нового технологического уклада // Философия права. 2018. № 3. С. 30.

17. Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481.

Нинцева Тамила Магомедовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
(Чеченский государственный университет)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Первоначально в науке сложился подход, согласно которому процессуальная форма была присуща только судопроизводству. Так, М.С. Шакарян и А.К. Сергун под процессуальной формой понимали «совокупность установленных или санкционированных законом правил, регламентирующих порядок осуществления правосудия, порядок деятельности каждого участвующего в процессе» [1]; эти авторы (да и другие) усматривали процессуальную форму только в судебной деятельности, ограничивая сферу ее применения.

Полагаем целесообразным обратиться к позиции видного ученого-теоретика В.М. Горшенева, много внимания уделившего процессуологии и ставшего одним из основоположников широкого понимания юридического процесса: «В действительности же есть больше оснований для классификации разновидностей юридического процесса по функциональному признаку, причем в обобщенных комплексах, когда выделяются три разновидности процессов: учредительный, правотворческий и правоприменительный. Эти разновидности прежде всего отличаются по таким основным параметрам: а) по содержанию и функциям; б) по характеру побудительных обстоятельств или общих юридических фактов; в) по специфичности непосредственного юридического последствия» [2].

В такой позиции В.М. Горшенева явственно усматривается широкий подход к пониманию юридического процесса и его содержания, который, как уже отмечалось, получил распространение в науке и на практике.

В современном подходе отдельные ученые под юридической процессуальной формой понимают «внешнее оформление юридической деятельности (всех разновидностей юридического процесса), осуществляемое в соответствии с требованиями норм процессуального права, направленное на достижение позитивного материально-правового результата и решение социально значимых задач», как «юридическая конструкция», отражающая сложную систему, идеальная модель и т.д. [3].

Изложенное в полной мере подтверждает вывод о том, что процессуальная форма присуща любому виду юридического процесса, каждой разновидности юридической деятельности, и она - настолько обширная категория, что привести к единому знаменателю ее определение практически невозможно; но установить ее сущность и предназначение необходимо, как с теоретической, так и практической сторон.

Так в чем же проявляется сущность юридической процессуальной формы – представим свой вариант ответа на этот вопрос, в том числе используя и вышеуказанные мнения по этому вопросу.

Так, о сущности процессуальной формы В.И. Тертышников пишет: «Если считать процессуальную форму как порядок деятельности, определенный законом, то процессуальная форма выглядит только как возможность, установленная в законе, но еще не реализованная. Процессуальную форму следует понимать не только, как предусмотренный законом порядок деятельности, не только, как совокупность условий, либо процедурных требований,

но и как реализацию этого порядка, этих условий, этих требований в конкретной деятельности по применению норм права судом, арбитражем, товарищеским судом и т.д.». [4]

В этом подходе автор демонстрирует своеобразный характер процессуальной формы; действительно, ее сущность заключается как в формате, так и в деятельности уполномоченных субъектов. Вот только распространять ее и на деятельность товарищеских судов не следовало бы (таковых сегодня нет).

Со своей стороны, отметим, что сущность процессуальной формы как важнейшей юридической гарантии, заключается в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Она способствует соблюдению законности и укреплению правопорядка, а также, как и юридический процесс, является важным правовым средством и способом процессуально-правового регулирования.

Как подчеркнул Д.Н. Бахрах: «Процессуализация создает условия для повышения эффективности всей государственной и муниципальной работы» [5].

Со сказанным солидаризируется и В.И. Мельникова, считая, что для оптимизации деятельности и ограничения произвола механизм государственного управления, процесс его функционирования немислимы без процессуального урегулирования, своеобразного и специфического в каждой сфере жизни общества [6].

Если в качестве итога по рассматриваемой проблематике вести речь о роли и значимости процессуальной формы в процессуально-правовом регулировании, то уместно привести вот такое мнение: «В целях дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка вся деятельность государственных органов, связанная с положительным удовлетворением различных потребностей членов общества должна быть организована так, чтобы она протекала в определенных правовых формах, то есть по заранее установленным правилам, определяющим порядок деятельности этих органов. Давно известно, что процессуальная форма присуща всякой деятельности по применению правовых норм. Ее значение в области положительной (а не только правоохранительной) деятельности государства по применению диспозиций правовых норм не менее важно, чем в области юрисдикционной деятельности по применению санкций. Поэтому необходимо исследовать как особенности отдельных видов процессуальной деятельности различных органов государства, так и общее в их деятельности по применению норм материального права» [7].

Думается, что изложенное выше не потеряло своей актуальности и на сегодняшний день. Только, с нашей позиции, к сказанному следует добавить

и перспективность юридической процессуальной формы в качестве своеобразного, унифицированного средства междисциплинарного научного общения и познания в направлении дальнейшей процессуализации всех сфер жизнедеятельности социума, то есть – эффективного процессуально-правового регулирования.

В авторском варианте под сущностью процессуальной формы целесообразно понимать своеобразный регламент внешнего процессуального оформления действий участников всех видов юридического процесса, как и юридической деятельности с целью получения необходимого материально-правового результата в ходе и по итогам юридического процесса.

Список литературы:

1. Шакарян М.С., Сергун А.К. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980.
2. Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1979. Вып. 1.
3. Беляев В.П., Беляева Г.С., Ларина О.Г. Юридическая деятельность и ее процессуальное оформление: монография. Курск, 2015.
4. Тертышников В.И. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав // Актуальные проблемы юридического процесса. Ярославль, 1979.
5. Бахрах Д.Н. Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. 2000. № 9.
6. Мельникова В.И. Соотношение процессуальных норм Кодекса РФ об административных правонарушениях и Налогового кодекса РФ // Право и политика. 2003. № 10. С. 31–38.
7. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под общ. ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. М., 1976.

Овчинников Алексей Игоревич
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой
Теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА¹⁰

В современном мире процессы цифровизации не оставляют никого равнодушным и оценка новых технологических достижений человечества все чаще «звучит» из наиболее традиционных и консервативно-настроенных сообществ. Это вполне объяснимо: новый технологический уклад все сильнее влияет на жизнь всех людей на планете, не оставляя возможности выбрать «за» или «против» их внедрения. Наиболее консервативно настроенное сообщество – этнические и религиозные группы, этноконфессиональные организации, по-своему «реагируют» на нововведения: часть из новых цифровых технологий принимается безоговорочно, часть вызывает умеренное опасение, некоторые цифровые технологические идеи вызывают радикальное отторжение. При этом европейские религиозные организации апеллируют при анализе рисков к классической идее прав человека и традиционной западноевропейской философско-правовой аргументации.

Нельзя не замечать появление совершенно новых, ранее неизвестных рисков и вызовов правам человека, на что обращают внимание консерваторы, а также защитники коренных малочисленных народов, национальных меньшинств, этнических групп. Прежде всего, они отмечают риски изменения представлений о природе человеческого достоинства под влиянием успехов в разработке имитирующих творческие способности человека нейросетевых технологий искусственного интеллекта. Изменяются представления и о социальных связях человека, о необходимости поддерживать единство и целостность религиозных общин посредством встреч и собраний. Цифровые технологии усиливают индивидуализм и атомарность, что приводит к ослаблению религиозных ценностей.

¹⁰Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

Критика разрушительного влияния цифровых технологий на этнонациональную идентичность привела к появлению нового термина – «цифровые кочевники», к социальной группе которых носители идеи цивилизации «кочующих объектов» (термин Ж. Аттали), под которыми понимают «электронных кочевников», не помнящих или не имеющих Родины. «Мы полагаем, что именно сохранение национального своеобразия человеческих сообществ мешает установлению режима неограниченной «цифровой власти». Национальные особенности мировосприятия базируются на культурно-исторических традициях, языковых концептах, духовно-нравственных ценностях, основанных на верности духу предков, сохраненному в языке с помощью его кумулятивной функции. Лишаясь защиты Рода (от корня «род» в русском языке словообразование насчитывает около 100 лексем: народ, родина, родня, благородный, родиться, родители, родник, родинка, зародыш и т. д.), человек становится послушной игрушкой в руках «цифрового» манипулятора, который легко его может убедить в чем-либо (пожалуй, даже в чем угодно) на основе, например, одной из базовых идей глобализации, идеи толерантности» [1, с. 82]. В этих условиях особенно бережным должно быть отношение государства к культурно-исторической памяти народа, закрепленной языковыми концептами, являющимися продуктом культуры этноса, в отличие от инстинктов, имеющих универсальный характер [2]. Понимание данного обстоятельства мотивирует авторов признавать необходимость законодательного обеспечения этнокультурной идентичности в условиях цифровизации [3].

Цифровизация по-своему «заострила» давние споры о философско-правовой природе категорий «достоинство личности», «права человека», «уважение к человеку» и др. Как справедливо отмечает Специальный докладчик ООН по пыткам (автор доклада ООН 2020 о психологической пытке) Нилс Мелцер: «"Больше всего меня беспокоит эрозия прав человека. От Китая с Гонконгом и уйгурами до России и полицейского насилия в США и их нападок на Международный уголовный суд. От Сирии до Бразилии и всемирного миграционного кризиса. Права человека сворачиваются повсюду – пределов такому списку просто нет"» [4]. Можно предположить, что современный мир, прогнозируя разнообразные вызовы человеческому достоинству в связи с достижениями научно-технического прогресса, столкнется с проблемой выработки совершенно новых международно-правовых документов, направленных на защиту прав человека в цифровую эпоху. Следует вспомнить и о том, что цифровизация может усилить тренд технократизации государства и дегу-

манизации права, который возник еще в период расцвета юридического позитивизма и о котором писал еще П.И. Новгородцев в своем знаменитом философско-правовом трактате о кризисе современного правосознания [5], где мыслитель актуализировал поворот к естественному праву в силу нравственной необходимости возрождения правового идеализма.

Осознание рисков достоинству человека и правам, и свободам привели к появлению католической Резолюции об этике в области искусственного интеллекта, в которой говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны действовать по отношению друг к другу в духе товарищества. Это основополагающее условие свободы и достоинства также должно быть защищено и гарантировано при производстве и использовании систем искусственного интеллекта. Это должно быть сделано путем защиты прав и свободы индивидов с тем чтобы они не подвергались дискриминации алгоритмами по признаку их расы цвета кожи пола языка религии политических или иных убеждений национального или социального происхождения имущественного положения рождения или иного положения» [6].

Данный документ не предложил никаких специальных критериев, выделяющих опасные и рискованные зоны внедрения цифровых технологий в человеческую жизнь. Однако современные социально-экономические процессы актуализируют новые вызовы этноконфессиональной идентичности.

Тема достоинства человека в условиях цифровизации звучит актуально и следует обратить внимание на роль традиционных конфессий к ее опасностям и возможностям. Не стоит отказываться от консервативной религиозно-нравственной оценки рисков новых технологий. Это становится особенно явным, когда обезличенная и оцифрованная личность теряет традиционные характеристики человеческого достоинства. Доктрина трансгуманизма предполагает появление нового человека и человечества, связанного цифровой сетью, объединенного в коммуникативное целое.

Практически все христианские богословы едины во мнении относительно угроз богоподобию человека, исходящих от идей трансформации человеческой природы. Современный научно-технический прогресс позволяет нам видеть три основных направления реформирования человеческой природы: 1. Генетически модифицированный человек (HomoGenetically-Transformed). 2. Нано-киборгизированный человек (Nano-CyberneticHomo-Organism). 3. Виртуально-цифровой человек (HomoVirtualis) [7].

Трансгуманизм является новой квазирелигией или пострелигией, о чем свидетельствует появление идеи «новой Реформации», «демифологизации религии», «республиканской Церкви», «эмерджентной Церкви» и т. п. Все они объединены одной задачей: трансформировать историческое христианство в некий секулярно-религиозный гибрид, попутно создав нечто вроде рынка религиозных услуг [8].

Достаточно показательной является реакция европейских интеллектуалов на процессы трансформации цивилизационной идентичности народов Европы, которая базируется на христианских ценностях. Эти процессы вызывают протест, так как конфликт ценностей очень опасен и может привести к глубокому цивилизационному расколу. При этом, утрата религиозно-нравственных оснований правового сознания и правовой культуры жителей стран Евросоюза приводит к анархии и беспорядкам: оказывается, что рационализм и технократия современного технологического уклада вовсе не однозначно ведут к безоговорочному принятию представителями стран, создавших этот уклад.

Как это ни парадоксально звучит, но позволим себе высказать гипотезу, что в условиях постсекулярного мира цифровизация укрепляет религиозное правосознание и христианское учение о правах человека через актуализацию антропологического измерения права: искусственный интеллект «заостряет» вопрос о человеческом интеллекте, о юридической и моральной ответственности человека, о праве на выбор, на свободу человека; экзоскелеты и нанобиотехнологии привлекают внимание к теме соматических прав человека; перспективы высвобождения свободного времени в результате роботизации вновь обращают внимание к ответу на вопрос о целях человеческой жизни, о судьбе человечества, демографии и праве на жизнь, а также о социальном государстве и христианском социализме; наличие общего врага и апокалиптические настроения способствуют укреплению этноконфессиональной идентичности и политико-правовому консерватизму.

Примечательно, что ранее не используемая консервативно мыслящими христианскими богословами терминология правового гуманизма, считавшаяся свойственной секулярному правовому мышлению, стала активно использоваться в дискуссии о пределах допустимости новых технологий с морально-этической и философско-правовой точек зрения. Права человека, право на достоинство человеческой личности, свобода личности и соматические права в XXI веке становятся частью христианского теологического дискурса, уже не вызывая отторжения в силу своего якобы секулярно-атеистического происхождения. Представляется, что в этом процессе явно прослеживаются культурно-

исторические предпосылки концепции прав человека и его свобод, обоснование которых в качестве если не абсолютных, то важнейших ценностей подготовила многовековая христианская проповедь о достоинстве человека как «образе Божиим».

Подведем итог. Среди опасностей и рисков цифровизации следует выделить следующие: оборот персональных данных, их утечка и использование в преступных целях, а также в целях контроля над обществом со стороны элит; нарушение неприкосновенности частной жизни в результате внешнего наблюдения над человеком; «цифровой разрыв» между различными слоями населения и даже регионами в плане доступа к цифровым благам; неспособность большинства населения использовать цифровые технологии и низкий уровень цифровой грамотности населения; дополнительные финансовые расходы, связанные с приобретением новых устройств; замена правоприменителя роботом; манипулирование сознанием с помощью цифровых медиаресурсов и социальных сетей и др. [9].

Стоит обратить внимание на потребность в дополнительных мерах защиты традиционных и общечеловеческих ценностей. Согласно ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (в редакции от 18.03.2019) Роскомнадзор (федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, информационных материалов иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации, сведений, позволяющих получить доступ к указанной информации или материалам, включая случай поступления уведомления о распространяемой с нарушением закона информации от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций или граждан, вправе ограничить доступ к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию, то есть заблокировать ее.

Подобные ограничения, как показывают участвовавшие случаи «колумбайна», подросткового суицида, разного рода провокаций крайне важны. Между тем не все правоведы с этими ограничениями согласны. Например, по мнению Р.М. Дзидзоева, подобные ограничения, допускающие блокировку сетевого издания, явно противоречат ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, согласно которой цензура массовой информации запрещается [10].

Однако с ним нельзя согласиться, так как ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, представляет возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в конституционно значимых целях (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья и др.). Кроме того, следует обратить внимание на п. 2 ст. 29 Конституции РФ: «2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Так что блокировка информации, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения и другим объектам, и которая вполне может быть отнесена к информации, возбуждающей социальную вражду, вполне конституционна.

Список литературы:

1. Мельков С. А. Салтыкова М. В., Лябах А. Ю. «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1. С. 76–92.
2. Салтыкова М. В., Пителинский К. В. Безопасность личности как Приоритетная цель актуальной государственной стратегии РФ // Вестник Московской международной академии. М. : ММА, 2017. № 2. С. 107–117.
3. Дугужева М. Х., Симаева Е. П. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 190–208. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208.
4. Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
5. Васильева Т.А. Концепция достоинства личности в доктрине и практике органов конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 3–8.
6. Хоннет А. Право свободы: очерк демократической нравственности / пер. А.Ю. Шачиной, С. Шачина // Кантовский сборник. 2012. № 1. С. 39–41.

7. Эксперт ООН обеспокоен масштабом применения пыток в мире. URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 11.04.2021).

8. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Санкт-Петербург: Издательство «Лань», Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 352 с.

9. Ишков А. Выбраться из сетей. URL: <https://bogoslov.ru/article/6169894> (дата обращения: 11.04.2021).

10. Дзидзоев Р.М. Конституционное право в информационном и цифровом пространстве России // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 10. С. 21– 22.

Осинюк Варвара Александровна
аспирант факультета политологии
(Московский государственный университет)

ОЦЕНКА ПРОБЛЕМАТИКИ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На современном этапе технологического развития человечества стадия цифровой трансформации охватила практически все известные сферы жизнедеятельности человека. Распространение информации происходит с очень высокой скоростью, идёт непрерывный процесс более эффективного сбора и хранения важных данных, тотальный переход в онлайн всех возможных бизнес и не только бизнес-процессов. Но самой важной единицей, благодаря которой и для которой прогресс движется вперёд, является по-прежнему человек. И сегодня для того, чтобы полноценно, а главное, гармонично существовать в современных реалиях человек должен обладать совершенно иными навыками, даже в сравнении с несколькими годами ранее. Уметь обрабатывать огромное количество информации, пребывать в режиме многозадачности, принимать участие в новых формах отношений между субъектами различных сфер – всё это требует глобальной трансформации сознания.

На сегодняшний день практически невозможно однозначно сказать, насколько процессы цифровизации скажутся негативно или позитивно на развитии человечества в целом и отдельно взятой личности. Есть ряд положительных моментов:

– появление новых способов сбора, обработки и хранения больших данных, их быстрого анализа;

- повышение конкурентности в сфере общественно-политических отношений с приходом новых акторов;
- повышение уровня открытости, прозрачности отправления государственной политики;
- появление новых сервисов, платформ, где человек может оперативно решить свои проблемы (городская среда);
- возможность повлиять на процесс принятия общественно-политических решений путём голосования, обратной связи с различными государственными институтами посредством социальных сетей и других форм цифровой активности;
- повышение доступности большинства государственных услуг, благодаря их переводу в электронный вид;
- общее повышение уровня качества жизни человека, учитывая эффективность и скорость решения конкретных проблем с помощью инструментов цифровизации.

Это не полный перечень позитивных эффектов от обсуждаемого тренда, но, к сожалению, как в любом другом процессе всегда присутствуют и негативные последствия.

Цифровизация могла быть однозначно позитивным общемировым трендом, в случае, если бы она охватывала все сферы жизни населения, и доступ к ней имели бы все в равных пропорциях, а также если бы результаты её деятельности эффективности использовал каждый индивидуум. Сегодня можно выделить лишь некоторую проблематику в вопросе цифровой безопасности человеческой личности в рамках политологического аспекта.

Серьезным препятствием для развития концепции цифровой безопасности личности, а также общества и государства является отсутствие нормативной базы, специального законодательства, которые бы в правовом поле могли регулировать деятельность участников цифровой трансформации и все взаимоотношения в данной сфере. Человек должен быть защищён на государственном уровне. Необходимо закрепить законодательно согласие человека на обработку данных и отказ от неё. Также государство должно отрегулировать в каких объёмах и каким способом возможно использовать цифровые технологии в рекламе, и как данные могут храниться на цифровых платформах [3, с. 322].

Важным блоком по данной проблематике также является отсутствие какой-либо национальной Стратегии или Доктрины, которая могла бы зафиксировать конкретные концептуальные направления государственной политики

в условиях глобальной цифровизации процессов на всех уровнях власти [5, с. 21]. Очень актуальным представляется аспект разработки национальной модели управления с учётом социокультурных особенностей населения.

Можно выделить в отдельную проблематику вопрос о цифровом суверенитете страны. Государство должно быть очень надёжно защищено на мировой арене, поскольку от этого в том числе зависит безопасность каждого отдельно взятого гражданина.

Стоит задуматься о создании новых общественно-политических институтов для контроля со стороны общества процессов цифровизации на государственном уровне, а также процессов принятия решений, посредством цифровых технологий [1, с. 270]. Так как процессы становятся автоматизированными, то члены общества остаются в качестве потребителя услуг, но никак не полноценного актора общественно-политических отношений.

Также есть проблема смены в ближайшем будущем политической и экономической элиты. Необходимы высококвалифицированные специалисты именно в области цифровых технологий, а не только в области государственного управления.

Стоит отметить, что в процессе цифровизации в общественно-политической сфере появились новые акторы – глобальные технологические корпорации, которые сегодня составляют очень серьёзную конкуренцию традиционным участникам. Конкуренность в политической среде повысилась благодаря появлению новых участников с огромными ресурсами и возможностями воздействовать на общественное мнение, но как это скажется на цифровой безопасности человека – вопрос очень дискуссионный. Ряд учёных уже обеспокоены тем, насколько легитимно новые акторы будут использовать все цифровые данные каждого пользователя в сети [2, с. 41].

Нелегитимное использование результатов деятельности таких технологий как Big Data показали на примере некоторых политических кампаний, что риск манипуляции общественным мнением является очень высоким [7, с. 129]. Необходимо не допустить создания искусственных моделей поведения, манипулирования человеческим сознанием, посредством сбора данных о человеке в сети, его эмоциональном состоянии, привычках и др. [6, с. 174]. Любая цифровая технология может быть использована на усиление существующего политического режима, в зависимости от ценностных и моральных ориентиров субъекта, который использует данную технологию.

К важному блоку проблем относится социокультурный аспект цифровизации. Анализируя существующие тенденции, стоит предположить, что

неизбежны будут проблемы антропологического характера. Человек меняется, вместе с ним будут меняться и его ценностные воззрения. Регулярно погружение в цифровую реальность, повсеместное использование продуктов цифровой системы, ощущение успешности от обладания суперновых технологий - все это лишь вершина айсберга из перечня рисков для человека и его вовлеченности в политическую активность [4, с. 42] Социальные сети сегодня заменяют человеку живое общение. Можно предположить, что вскоре перед человечеством встанут вопросы социализации и гуманизации. Особую роль занимает реформирование системы образования.

В рамках анализа данной проблемы стоит отметить, что все технологии и конкретные результаты процесса цифровизации – это всего лишь инструменты для достижения благоприятной комфортной, а главное безопасной среды для человека. В основе национальной политики управления государством должен быть исключительно человекоориентированный подход. Поскольку все принятые решения должны быть понятными и социально приемлемы для граждан. Важно не допустить автоматизированного лишения индивидуальности общества под контролем определенного субъекта. Для этого необходимо развивать в том числе институты гражданского контроля в обществе, высокий уровня вовлеченности человека в общественно-политические отношения. Ценность личной частной жизни должна быть в основе всех отношений, человек должен быть защищен от манипулятивности, должен иметь защиту персональных данных, частное пространство.

Есть ли будущее для бесцифровой среды жизни для человека по-прежнему остаётся под большим сомнением. Поскольку общемировая тенденция настолько глубоко проникает во все слои жизни, дистанцироваться от данных изменений становится с каждым полугодием все сложнее и сложнее.

Список литературы:

1. Бронников И. А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций / И. А. Бронников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2, С. 269–285. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-14.

2. Володенков С. В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. С7 39–48. Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/79/Articles/Doc/893>, свободный. Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 06.12.2021 г.). DOI:10.17223/1998863X/44/20.

3. Кочетков А. П., Василенко И. А., Володенков С. В., Гаджиев К. А., Коваленко В. И., Соловьев А. И., Кирсанова Е. Г. Концепция цифрового правительства как политический

проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества. Экспертный круглый стол на факультете политологии МГУ / А. П. Кочетков, И. А. Василенко, С. В. Володенков, К. А. Гаджиев, В. И. Коваленко, А. И. Соловьев, Е. Г. Кирсанова // Власть. 2021. Т. 1. С. 317–331.

4. Малышева Г. А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества / Г. А. Малышева // Власть. 2018. Т. 1. 2018. С. 40–46.

5. Овчинников А.И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правой аспект. М.: Журнал российского права. 2020. № 6. С. 5–21. DOI: 10.12737/jrl.2020.064.

6. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании / Е. С. Переверзева, А. В. Комов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-1-172-178.

7. Соловей В. Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа / В. Д. Соловей // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 122–132.

Папкова Анастасия Сергеевна

бакалавр 2-го курса

Юридического факультета

(ФГБОУ ВО РАНХиГС);

научный руководитель:

Малиненко Эльвира Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

(ФГБОУ ВО РАНХиГС)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются проблемы и перспективы интеграции информационных технологий в правотворческий процесс.

Ключевые слова: информационные технологии, правотворческий процесс, система законодательства, автоматизация, информационные системы

Abstract: this article discusses the problems and prospects of integrating information technologies into the law-making process.

Keywords: information technologies, law-making process, system of legislation, automation, information systems

Сегодня человечество по мнению многих ученых стоит на пороге четвертой научно-технической революции, в рамках которой цифровые техноло-

гии заполняют все сферы жизни общества. Не останется в стороне и юридическая сфера. При этом стоит отметить, что в современных реалиях действующее законодательство не успевает за постоянно развивающейся цифровой средой. Все очевиднее становится необходимость корректировки правовой базы, как на уровне отдельных государств, так и на международном уровне. На соответствующие вопросы обращала внимание Генеральный Директор Microsoft Статья Наделла, которая отмечала, что активная интеграция передовых технологий в обычную жизнь граждан не может быть реализована без соответствующих изменений в правовом поле.

Стоит отметить, что в ряде государств, законодатель пытается адаптироваться под происходящие изменения, распространяя правовое поле на отношения, ранее им не охватываемые. В этом направлении работает и Россия. [1] Так, недавно была окончена федеральная программа «Информационное общество 2020», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года. По сей день продолжают функционировать множество других федеральных программ, в частности «Цифровая экономика России», «Цифровое регулирование информационной среды» и другие. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что Россия предпринимает попытки законодательного регулирования цифровой среды.

Ряд отечественных и зарубежных авторов обращают особое внимание на то, что проблема информатизации жизни общества неизбежно связана с проблемой использования цифровых технологий в правотворческой деятельности [2], другими словами проблема развития цифровых технологий в сфере правотворчества имеет два основных аспекта: создание законов, регулирующих сферу цифровых технологий и влияние цифровых технологий на правотворческую деятельность. На последнем аспекте хочется остановиться подробнее. Так некоторыми западными учеными развитие информационных технологий видится в контексте способов формирования электронной демократии, развитии гражданского общества и др.

Так MarkD. Ryan и GurchetanS. Greva видят следующие возможности применения цифровых технологий в законодательной сфере:

- сбор общественного мнения, относительно тех или иных законов или законодательных инициатив посредством онлайн форумов;
- разработка законопроектов при помощи онлайн механизмов;
- хранение законодательной базы в облачных хранилищах;
- координация и онлайн консультация по законопроектам и др.

Авторы помимо прочего приводят некоторые примеры использования информационных технологий в законотворческом процессе. Так на сегодняшний день в Великобритании стабильно функционирует веб сайт petitions.gov.uk с помощью которого все желающие, которые прошли предварительную регистрацию на сайте и подтвердили свои персональные данные, могут беспрепятственно и в онлайн формате создавать петиции по любому интересующему их вопросу, собирать необходимое количество подписей и продвигать свой законопроект. Для того что их проект дошел до Парламента и начал обсуждаться в первом чтении необходимо, чтобы под ним поставило подпись более 100 тыс. чел.

Почти такая же система функционирует и в Финляндии, где до парламентского обсуждения гражданских законопроектов необходимо, что последние набрали 50 тыс. подписей в течение полугода.

Прецедентом является формат создания Конституции в Исландии, которая в 2012 г. использовала краудсорсинг для решения данного вопроса. Проект был размещен на сайте Ассамблеи. При этом стоит отметить, что несмотря на то, что участие в этом проекте приняло более 160 тыс. чел. Созданная подобным образом Конституция по политическим причинам так и не была принята в Исландии.

Эти и другие существующие примеры говорят о том, что цифровые технологии находят применение в создании и функционировании ряда демократических механизмов. Однако вопрос об эффективности их работы еще остается открытым.

Что касается Российской Федерации, то внедрение информационных технологий в правотворческий процесс имело место и в российской правовой действительности. Так с 2013 г. реализуется проект «Российская общественная инициатива», который по механизму работы во многом схож с вышеописанными примерами из зарубежных стран. Так каждый желающий может зарегистрироваться на сайте общественных инициатив и проголосовать за понравившийся законопроект, либо внести собственный. Также в дополнение к этому проекту была создана специальная система обеспечения законодательной деятельности (СОЗД), которая призвана систематизировать и аккумулировать имеющиеся законопроекты, с целью предоставления возможности удобного знакомства с ними населения. [3] Данная система помимо прочего позволяет отслеживать статус того или иного законопроекта, в период его рассмотрения в палатах парламента. Однако стоит отметить, что подобная си-

стема функционирует сегодня исключительно для законопроектов федерального уровня и не распространяется на подзаконные акты. Что во многом определяет одно из возможных направлений работы государства в этой сфере.

Таким образом, можно говорить о наличии реальных перспектив использования цифровых технологий в законотворческой деятельности. В этом направлении высказывались В.М. Белов, который предлагал развивать отдельное направление в юриспруденции – «юрисметрию» в основе которой лежит использование специального программного обеспечения. [4] По мнению автора на сегодняшний день в рамках юридической деятельности остро стоят проблемы необходимости формализации и автоматизации процедур, связанных с созданием нормативно-правовых актов, их проверки и систематизации. При этом стоит отметить, что подобная позиция легко поддается критике, поскольку на сегодняшний день не выработалось единого подхода к пониманию категории экспертизы нормативно-правовых актов, а также не сформировалась единая методика проведения экспертиз нормативно-правовых актов. Из этого можно сделать вывод, что автоматизация и цифровизация соответствующих процессов на сегодняшний день не может быть реализована в полной мере, поскольку данные категории не получили должной теоретической проработки. При этом стоит отметить, что посредством информационных технологий может быть существенно облегчен процесс текстового анализа законопроектов на предмет:

- используемой терминологии;
- действующей редакции, нормативно-правовых актов, на которых имеются ссылки в тексте законопроекта;
- употребления ссылок и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках правотворческой деятельности информационные технологии могут быть использованы не как полноправный субъект правотворческой деятельности, а как инструмент, способный эффективно аккумулировать результаты работы и осуществлять быстрый поиск необходимой информации, ее систематизацию.

Список литературы:

1. Белов В.М. Новая отрасль в юриспруденции – юрисметрия //Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения 2014. № 11. С. 99.
2. Булгакова Е.В. Применение искусственного интеллекта при проведении экспертизы законопроектов//Вестник Волгоградской Академии МВД России.
3. Исаев Н.Н. Гас «Законотворчество» как основа «электронного парламента» состояние и перспективы развития//Электронное законодательство: доступ к нормативно-

правовой информации в электронной среде: сборник статей международной научно-практической конференции. СПб., 2011. С. 59.

4. Малиненко Э.В. Конституции и уставы субъектов РФ как акты улучшения качества жизни и демографической ситуации // Демографическое развитие России: проблемы и пути решения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2021. С. 217–220.

5. Малиненко Э.В., Малиненко Л.К.К вопросу унификации конституций (уставов) субъектов РФ и конституций штатов США в части местного самоуправления // Образование и право. 2020. № 8. С. 410–415.

6. Малиненко Э.В., Новоселов В.А. Конституционная ответственность в современных реалиях // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 67–68.

7. Малиненко Э.В., Тягун Ю.П.К вопросу о конституционных основах системы здравоохранения в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 79–80.

8. Малиненко Э.В., Шогенова Э.Р. К вопросу о судебной власти и прокуратуре в современном государстве // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 89–91.

9. Малиненко Э.В. «Цифровая» форма Конституции и уставов субъектов Российской Федерации и способы корреляции и адаптации // Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения. Сборник статей международной конференц-сессии. Москва, 2020. С. 938–940.

10. Малиненко Э.В. К вопросу о тенденциях совершенствования конституций и уставов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии // Образование и право. 2020. № 7. С. 21–25.

11. Малиненко Э.В. Экономическая безопасность как условие реализации основ конституционного строя в субъектах РФ // Трансформация закупочной системы и современное публичное управление. сборник статей международной научно-практической конференции. 2015. С. 304–307.

12. Шваб, Клаус. Технологии Четвертой промышленной революции. М. Эксмо, 2018. С. 320.

Петренко Елизавета Владимировна

бакалавр 2-го курса
юридического факультета
(ФГБОУ ВО РАНХиГС)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ «ЦИФРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Нынешний век можно по праву считать периодом внедрения во все сферы жизнедеятельности компьютерных технологий, которые значительно

упрощают жизнь каждого человека. Органы государственной власти стараются предпринять меры для построения цифрового государства с целью повышения уровня качества жизни своих граждан. В последнее время мы зачастую стали встречаться с такими понятиями, как «компьютеризация», «информатизация», «цифровизация». Исходя из их концепции большинство считают, что эти слова являются равнозначными терминами. Но так ли это?

Компьютеризация и информатизация были задействованы в обеспечении правовой системы правительства и иных государственных органов еще в 2000-х годах. На основе материалов, полученных из докладов ООН по развитию качества предоставления электронных услуг, можно сделать вывод, что к 2021 году можно свидетельствовать об улучшении условий, необходимых для их применения. Рассматривая данный вопрос, на примере нашего государства можно заметить тенденцию прогресса в предоставлении онлайн-услуг и востребованности электронного правительства, к таким умозаключениям можно прийти при изучении доклада ООН 2018 года. Несколько этапов электронизации государственной деятельности завершились и в России в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 «О федеральной целевой программе „Электронная Россия (2002–2010 годы)». [1] В Российской Федерации аналог оказания онлайн-услуг в сфере образования, здравоохранения и иных социальных и политических областях реализуется на портале Госуслуг. Каждый зарегистрировавшись обладает правом, которое позволяет ему не выходя из дома в комфортной обстановке записаться к лечащему специалисту, встать на очередь для получения места в детском саду, оформить загранпаспорт, получить выписку с пенсионного счета. Также в текущем году граждане 7 субъектов, включенных в пилотный проект такого вида голосования, имели уникальную возможность реализовать своё избирательное право на дистанционном электронном голосовании. Масштабирование такого типа голосования прошло успешно, более 90 % всех участников приняло в нем участие. Предоставление услуг с применением компьютерных технологий значительно облегчило жизнь граждан России, в частности, в настоящее время в условиях эпидемиологической ситуации, когда не выходя из дома, человек может решить все вопросы в любой сфере жизнедеятельности.

Информатизация – это изменение социальной, экономической, политической жизни человека и гражданина, путем внедрения цифровых технологий и особенных компьютерных систем, облегчающих, улучшающих систему той или иной сферы деятельности. Но повестке дне все чаще поднимается про-

блема информатизации правительства. Власть и подчинение; властные полномочия; контроль тяжело регулировать и отслеживать законность и качество действий уполномоченных лиц. Именно поэтому в 2020 году концепция нового «Цифрового правительства» появилась на обсуждении в Государственной Думе.

Прежде, чем моделировать оцифровку на Правительство Российской Федерации, стоит обратиться к аналогичному примеру цифрового государственного органа Великобритании. Энтон Блэр стал автором идеи создания электронного Правительства в Великобритании. Именно после его выступления начался подготовительный этап проведения цифровых реформ. Следует отметить, именно результатами развития цифрового правительства и Государственных органов Великобритании на сегодняшний день являются:

1) Государственная электронная служба, отвечающая за контроль качества исполнения услуг;

2) Департаменты, ведомства и министерства создали личные сайты, в которых включены электронные сервисы;

3) Портал DirectGov является не только наиболее посещаемым пользователями, но и исключительно выгодным, так как позволяет экономить бюджетные средства, ранее затрачиваемые на оказание государственных услуг. [2]

И вместе с тем, в Великобритании при большом охвате пользователей, с оправданным вложением материальных средств, остается или, если быть точнее, сохраняется перечень нереализуемых услуг Правительства.

В Российской Федерации идут активные разработки проекта цифрового государства и права. Согласно стратегии трансформации правительства, до 2020 г. следующий этап цифровой трансформации «цифрового правительства» состоит из 3-х компонентов, которые в совокупности формируют рамки этой стратегии:

1) трансформация цифровых услуг в государственном секторе, ориентированных на всех пользователей и везде, где это возможно;

2) полная трансформация департамента, путем преобразования способов предоставления своих услуг, с помощью цифровых технологий, что приведет к более гибкому управлению, улучшит обслуживание граждан по всем каналам и повысит эффективность;

3) внутренняя трансформация правительства, которая не обязательно внешне повлияет на публичные сервисы, но имеет значение для повышения уровня межведомственного взаимодействия, путем преобразования внутрен-

него управления. Президент России – Владимир Владимирович Путин – поставил задачу перед Государственной Думой оцифровать все возможные услуги Правительства и иных исполнительных органов власти к 2030 году, чтобы завершить третий этап цифровизации. Стоит отметить, что для достижения поставленной цели был образован проект «Руководитель цифровой трансформации», где с каждым годом выпускаются новые специалисты в области цифровых прав человека. «Цифровая трансформация – национальная цель страны» [3] – заявил вице-министр Дмитрий Чернышенко.

На данный момент реализуются следующие мероприятия по оцифровке:

1) Проект «Пенсия в режиме реального времени», представляющий собой своевременную, скорую, удобную выплату, а также возможность расчета, с условием инфляции пенсии каждого гражданина Российской Федерации;

2) Проект «Все возможно», олицетворяющий адаптацию, интеграцию и социализацию людей с ОВЗ в поиске работы или дополнительных возможностей через быструю систему «поиск».

3) Проект платформы по закупке лекарственных средств. Сервис поможет определять потребности в лекарственных препаратах в разрезе медицинских организаций, регионов и страны в целом для бесперебойного обеспечения пациентов лекарственными препаратами и точности планирования объемов производства.

Кроме того, программа начинает свое действие не только на федеральном уровне, но и на региональном. Дмитрий Чернышенко заявил о готовности регионов к переходу на платформу «ГосТех», где будут скооперированы все инфраструктуры и методики. На этой же платформе возможно будет решать вопросы правоприменения, законотворчества, создания и развития малого и среднего бизнеса и т. д. Эксперимент по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе ГосТех был запущен Постановлением Правительства Российской Федерации №1674 в октябре 2020 года. [4] Данный цифровой эксперимент продлится с 1 ноября 2020 года по 31 мая 2022 года, а первыми пилотными ведомствами стали Фонд обязательного медицинского страхования, Росимущество и Минспорт России.

Цифровизация Правительства Российской Федерации призвана к совершенствованию демократического строя и становлению правового государства. Возможно ли это? Единый портал всех услуг обеспечивает гласность, законность и свободу слова, мысли. Цифровое Правительство позволит контролировать всю деятельность государственных чиновников, что повлияет на

«прозрачность процесса», устраняя такое понятие, как «коррупция»; цифровизация позволит создать новые регулирующие правила, в которых нуждается современное общество; единая система деятельности государственных органов позволит предотвратить возможные превышения обязанностей, а также расширить возможности граждан для получения надежной информации.

Исходя из вышеописанных перспектив, можно смело заявлять о необходимости проведения дальнейшей цифровой реформы. Однако с сохранением оказания публичных государственных услуг привычным способом. Проблема, с которой столкнулась Великобритания в 2015 году – неготовность граждан старше 55 лет к использованию цифрового механизма заявлений. Учитывая уровень жизни жителей Великобритании и России не стоит пренебрегать и тем фактом, что не у каждого гражданина нашей страны есть доступ к интернет-ресурсам. Именно поэтому альтернатива имеет место быть. Автор статьи предлагает реализовать проект поддержки всем нуждающимся в освоении компьютерной среды. Например, в Сингапуре также организована помощь нуждающимся в подключении к цифровым сервисам, для этих целей созданы центры подключения граждан, в которых сотрудники помогают населению получить доступ к государственным услугам. [5]

Подобная практика уже была предложена некоторыми депутатами. Так, мэр Москвы С. Собянин рассказал о реализации оцифровке в Москве, подчеркнув, что готов делиться программой с другими городами. В период цифровизации стоит помнить о детерминантах и последствиях. Автор видит исключительно положительные аспекты компьютеризации. Цифровизация также повысила безопасность жителей и гостей столицы: "благодаря внедрению видеонаблюдения за последние 10 лет число краж, хулиганства и прочих преступлений против личности снизилось в несколько раз".

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 «О федеральной целевой программе „Электронная Россия (2002–2010 годы)“» // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/184120/#friends> (дата обращения: 01.12.2021).

2. Голотьбо М. П. Британия: цифровая по умолчанию // e-Gov.by: Идеи электронного правительства для России [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://e-gov.by/themes/best-practices/britaniya-cifrovaya-po-umolchaniyu> (дата обращения: 01.12.2021).

3. Проекты выпускников курса «Руководитель цифровой трансформации» становятся реальной частью цифрового госуправления [электронный ресурс]: 2021 <http://government.ru/news/43799/> (Дата обращения: 29.11.2021).
4. Единая цифровая платформа [электронный ресурс]: 2021 <https://platform.digital.gov.ru/> (Дата обращений 01.12.21).
5. Москва будет использовать опыт Сингапура в цифровизации госуслуг URL: <https://tass.ru/ekonomika/5382233> (Дата обращения: 01.12.2021).
6. Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность / под науч. ред. и с предисл. В.А. Конявского. М., 2019. 724 с.
7. Новек Б. Умные граждане – умное государство: экспертные технологии и будущее государственного управления / пер. с англ. под ред. А.В. Клименко. М., 2016. 503–515.
8. вопросу унификации конституций (уставов) субъектов РФ и конституций штатов США в части местного самоуправления Малиненко Э.В., Малиненко Л.К. Образование и право. 2020. № 8. С. 410–415.
9. К вопросу о тенденциях совершенствования конституций и уставов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии Малиненко Э.В. Образование и право. 2020. № 7. С. 21–25.
10. Экономическая безопасность как условие реализации основ конституционного строя в субъектах РФ. Малиненко Э.В. В книге: Трансформация закупочной системы и современное публичное управление. сборник статей международной научно-практической конференции. 2015. С. 304–307.
11. К вопросу о конституционных основах системы здравоохранения в Российской Федерации Малиненко Э.В., Тягун Ю.П. Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 79–80.
12. Конституционная ответственность в современных реалиях Малиненко Э.В., Новоселов В.А. Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 67–68.
13. Конституции и уставы субъектов РФ как акты улучшения качества жизни и демографической ситуации Малиненко Э.В. В сборнике: демографическое развитие России: проблемы и пути решения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2021. С. 217–220.
14. «Цифровая» форма конституций и уставов субъектов Российской Федерации и способы корреляции и адаптации Малиненко Э.В. В сборнике: Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения. Сборник статей международной конференц-сессии. Москва, 2020. С. 938–940.

Саликов Александр Александрович
магистрант 2 курса
кафедры «Государственно-конфессиональные отношения»
(Донская духовная семинария)

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ПРОПАГАНДЕ ДЕСТРУКТИВНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ, ЗАПРЕЩЕННОЙ НА ТЕРРИТОРИИ РФ ОРГАНИЗАЦИИ "КОЛУМБАЙН"

Рассмотрены отрицательные социальные аспекты влияния цифровизации на пропаганду деструктивной субкультуры «Колумбайн». Указано на неправильные виды профилактики данного явления. Приведены высказывания известных специалистов, специализирующихся на данной проблеме.

Ключевые слова: колумбайн, цифровизация, скулшутинг, массовое убийство, деструктивная субкультура.

The negative social aspects of the influence of digitalization on the propaganda of the destructive subculture "Columbine" are considered. The wrong types of prevention of this phenomenon are indicated. The statements of well-known experts specializing in this problem are given.

Keywords: Columbine, digitalization, schoolshooting, mass murder, destructive subculture.

Благодаря интернету в современном социуме сформировалась ситуация, которую раньше было невозможно даже представить – границы между странами пропали, культурные отличия постепенно нивелируются, люди мало-помалу превращаются в единую нацию – продукт цифровой эпохи.

Специфическая особенность этого явления – повсеместное искреннее доверие тому, что опубликовано на просторах всемирной паутины.

Издательство МедиаТренды выяснило, что порядка 72 % населения России считают, что именно интернет – основной источник новостей в частности, сведений по любым вопросам в целом. [1]

Цифровизация СМИ сопровождается как положительными, так и отрицательными аспектами социального воздействия. Позитивные стороны следующие:

- публиковать материалы стало намного проще;
- скорость, качество процесса публикации повысились;
- разные СМИ шире проникают в общественные массы.

Рассматривая позитивные стороны, нельзя забывать и о негативных, пугающих, разрушительных. Это особенно ярко демонстрируют последние события. 20.09.2021 в пределах Пермского ГНИУ совершено жестокое преступление – массовое убийство учащихся и работников учреждения. Действия стрелка привели к шести смертям и 47 раненым. [2]

Исторические предпосылки для данного происшествия (официальное наименование – скулшутинг, то есть стрельба в школе, либо колумбайн) – обстоятельства, развернувшиеся в школе Колумбайн (штат Колорадо, США) в 1999 году. Два несовершеннолетних – Эрик Харрис и Дилан Клиболд – застрелили 13 жертв, ранили 23-х. После этого последовала кратковременная перестрелка со службой правопорядка, закончившаяся самоубийством нападавших. С этого момента установилась традиция именовать скулшутеров «колумбайнерами». [3]

Первый официально зарегистрированный случай российского скулшутинга, спровоцировавшего человеческие жертвы, зафиксирован в феврале 2014-го. Трагическая ситуация развернулась в школе № 263 города Москва. [4] Спустя четыре года в январе зафиксированы нападения без применения огнестрельного оружия в Челябинской области [5], в школах Улан-Удэ [6], Перми [7]. Паузы между событиями – несколько суток. В октябре того же года случилось массовое преступление в Керчи [8]. Действия стрелка привели к 21 жертве, 67 раненым. Прошло чуть больше года и в ноябре 2019 стрелок атаковал учащихся и преподавателей Благовещенского строительного колледжа [9].

В мае 2021 года новыми жертвами стали жители Казани. Убийство совершено в стенах 175-й гимназии. Преступление спровоцировало девять смертей [10].

Такое развитие ситуации стало настоящим вызовом для ученых. Специалисты изучают явление массового нападения, выискивают способы, методологии, посредством которых можно предупредить, прогнозировать, сопротивляться угрозам массовой атаки. Научно-исследовательские подразделения сформированы и активно функционируют в рамках силовых и правоохранительных российских систем. К работе над проблемой привлечены НИИ, высшие учебные заведения.

Создана новая прикладная наука – деструктология. Ее название сформировано из двух латинских слов: destructio, deconstructio – разложение, разрушение; logos – слово. [11]

Задача нового научного направления – соединить наработки религиоведов (в первую очередь ученых, специализирующихся на исламе, действиях

сект), преподавателей, имеющих большой опыт взаимодействия с трудными детьми, лингвистов, профессионалов, специализирующихся на информационной безопасности.

Автор нового научного направления – российский религиовед, историк религии и исламовед, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой культуры, кафедры теологии и заведующий лабораторией деструктологии Московского государственного лингвистического университета Роман Анатольевич Силантьев [12]. Ученый отмечает, что новое направление ориентировано на изучение деструктивных формирований, программ и шаблонов, по которым они появляются, существуют, эволюционируют. Деструктология занимается социальными взаимоотношениями, взаимосвязями, обусловленными деструктивными формированиями, а также особенностями человеческого поведения в ситуации воздействия подобных формирований.

Организацию, субкультуру или идеологию можно охарактеризовать деструктивной, если ее активность нацелена на вредительство человеческому, гражданскому благополучию, здоровью, если в силу этой идеологии или организации нарушаются имеющиеся у гражданина связи в контексте культуры, религии, общества.

События, соответствующие рассмотренным выше реальным жизненным обстоятельствам, не раз отражались в произведениях массовой культуры. Один из наиболее типичных современных примеров – кинолента «Нападение на Уолл-стрит» (2013) [13]. Изучение реакции публики продемонстрировало симпатии в первую очередь в адрес колумбайнера – преимущественно зрители поддержали его позицию.

В 2011 году свет увидела лента «Боже, благослови Америку» [14].

Отмечено, что публика осознает, что в реальной ситуации массовой стрельбы каждый может стать жертвой колумбайнера. В то же время зрители воспринимают мотивацию стреляющего, понимают и сопереживают ему, поскольку лишь в незначительной степени способны контролировать личную неприязнь к тем шаблонам, которые провоцируют стрелка на крайние действия.

В сложившихся обстоятельствах на первый план выходит важность корректной, своевременной профилактики рассматриваемой ситуации. Основная целевая аудитория для профилактики – ученики школ, колледжей, вузов. В реальных обстоятельствах нередко профилактика реализована неэффективно,

странно, а в некоторых случаях откровенно уродливо. Фактически она не предупреждает ситуацию массового убийства, а лишь доносит до учеников информацию о том, что такое явление существует и распространяется все шире.

В московских общеобразовательных, средне-специальных, высших учебных заведениях организованы беседы с привлечением учеников разных возрастных групп. Основные темы мероприятий – буллинг, колумбайн. О результатах проделанной работы ответственные инстанции сообщили через социальные сети. Картина, продемонстрированная официальными публикациями, неоднозначна. Фактически учеников проинформировали о том, что представляет собой колумбайн, скулшутинг. Вероятно, многие из присутствующих в рамках проведенных бесед впервые услышали о таких событиях, встретились с характеризующими их терминами.

По итогам такой профилактической работы вместо предупреждения имеет место пропаганда явления, с которым необходимо всесторонне бороться. Результат работы, которую проделывают системы правоохраны, психологи и общеобразовательные учреждения, был поставлен под большой вопрос. [15]

Р.А. Силантьев считает, что колумбайн – деструктивное формирование, присущее подростковому, молодежному возрасту, ориентированное на неадекватных, сложных юношей и девушек, испытывающих сильную обиду (обоснованную, необоснованную). Оно учит их мстить за эту обиду. Колумбайн – это не только конкретные инструкции к действию и шаблоны, образцы, которым можно следовать, но также романтизация действия, превращение участников уже случившихся массовых убийств в героев. Социальные сети переполнены беседами, инфохранилищами, сообществами, в которых обсуждают стрелков, всячески превознося их поведение. Эти люди становятся героями книг и фильмов, издаются автобиографии. Нередко они – адресаты романтических писем влюбленных девушек. Силантьев отмечает, что есть множество путей выражения агрессии, но массовая стрельба в образовательных учреждениях – специфика колумбайна [16].

Все интернет-порталы, новостные телевизионные каналы с большим удовольствием публикуют детали произошедшего, тем самым повышая градус накала обстановки. Негатив становится только сильнее. Когда случилась массовая стрельба в Колумбайне, все порталы новостей, ТВ-каналы говорили только о произошедшем. Общество охватила паника, родители опасались отпускать детей учиться. Каждое новое упоминание случившегося, стрелка и

содеянного им – это еще одна искра в пламени социального внимания и восхищения героем, личность которого становится культом. СМИ сыграли в этом процессе зловещую роль. Резонанс вокруг случившегося обусловлен не только шоком людей, многочисленностью жертв, но и сенсационностью, которую активно поддерживали все СМИ, поскольку именно таким образом происходит влияние на массовое сознание, привлечение внимания к своему ресурсу. Благодаря такой продолжительной широчайшей огласке в настоящее время всякий скулшутинг сразу рождает воспоминания о Колумбайне, в социуме есть немало личностей, искренне восхищающихся массовыми стрелками. Все чаще люди признаются в любви стрелкам, романтизируя их, превращая в героев, проникаясь их болью и печалью. Как считает аудитория, душа стрелка наполнена несчастьем, этот человек не способен существовать в социуме, насквозь пропитанном злом и негативом. «Пермский Колумбайн», «Колумбайн в Ивантеевке», «Колумбайн в Бурятии» – с такими заголовками увидели свет многочисленные российские журналистские материалы. Информация, которую с таким удовольствием публикуют СМИ, широко расходуется благодаря неограниченным возможностям интернета. Главный потребитель материалов – нестабильные лица подросткового возраста.

Если изучить социальные сети, СМИ, можно заметить, что большинство каналов с удовольствием публикует фото известных стрелков. Ресурсы часто презентуют публике короткие рассказы, написанные фанатами, посвященные душевному состоянию, мировоззрению стрелка. Если убийца вел собственные записи, они также активно тиражируются через многочисленные платформы.

Благодаря этому каждый может узнать, какова была позиция стрелка, во что и как он верил, кем себя считал, какие откровения познал и увидел. Каждый может ощутить стремление стать столь же невероятным, неповторимым, сильным, властвующим чужой жизнью и смертью. Читая эти материалы, всякий ощущает, что у него есть право на столь же громкую славу.

Стрелок из Казани в личном канале в «Телеграме» сообщил, что люди должны стать его рабами, иначе их постигнет смерть, запечатлел себя на фото в маске, украшенной словом «Бог», затем взял оружие и отправился реализовывать задуманное. Знакомые Тимура Бекмансурова продемонстрировали скриншоты его записей, сделанных в социальной сети TikTok. 19.09.2021 автор написал о том, что на следующий день о нем услышит вся планета, и призвал аудиторию бояться [17].

Чтобы уменьшить заинтересованность аудитории в колумбайне как идее, следует активнее использовать инструменты уголовно-правового характера. Это уже доказано на примере деструктивной идеологии АУЕ, чья активность Верховным судом РФ определена как проявление экстремизма [18].

В качестве заключения упомяну слова Яны Александровны Амелиной, российского политолога, специалиста по изучению деструктивного влияния социальных сетей на поведение молодежи, автора многих книг, посвященных деструктологической субкультуре Колумбайн. Я.А. Амелина указывает на важность приложения усилий с целью корректного введения профилактических мер, поскольку основная социальная задача – не наказание совершившего преступление, а предотвращение такой ситуации. Уже сейчас социум должен проанализировать, каков сложившийся общественный путь, и донести до подрастающего поколения, в каком направлении следует двигаться, какие средства для этого можно применять [19].

Список литературы:

1. Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова на события в СМИ. URL: http://www.journ.msu.ru/downloads/2019/MediaTrendi_71.pdf (дата обращения 6.12.21).
2. Стрельба в пермском университете: шесть погибших и десятки раненых. Вся информация о ЧП. URL: <https://59.ru/text/incidents/2021/09/20/70145906/> (дата обращения 6.12.21).
3. Массовое убийство в школе «Колумбайн». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B2_%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5_%C2%AB%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%BC%D0%B1%D0%B0%D0%B9%D0%BD%C2%BB (дата обращения 5.12.21).
4. Стрельба в школе № 263. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D0%B0_%D0%B2_%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5_%E2%84%96_263 (дата обращения 7.12.21).
5. В Челябинске расстреляли школу. URL: <https://news.rambler.ru/incidents/40055778-v-chelyabinske-rasstrelyali-shkolu/> (дата обращения 7.12.21).
6. Девятиклассник в Улан-Удэ напал с топором на учеников и учительницу. Реконструкция событий. URL: <https://meduza.io/feature/2018/01/19/devyatiklassnik-v-ulan-ude-na-pal-s-toporom-na-uchenikov-i-uchitelnitsu-rekonstruktsiya-sobytiy> (дата обращения 5.12.21).
7. Нападение на учеников в пермской школе № 127. Что произошло? URL: <https://meduza.io/feature/2018/01/15/napadenie-na-uchenikov-v-permskoy-shkole-127-chto-proizoshlo> (дата обращения 7.12.21).
8. Массовое убийство в Керченском политехническом колледже. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%>

[B2%D0%BE%D0%B5_%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B2_%D0%9A%D0%B5%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC_%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B6%D0%B5](#) (дата обращения 7.12.21).

9. Стрельба в строительном колледже Благовещенска. Главное. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/11/2019/5dcce3db9a79471b424f38a5> (дата обращения 7.12.21).

10. Массовое убийство в гимназии № 175. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B2_%D0%B3%D0%B8%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B8_%E2%84%96_175 (дата обращения 7.12.21).

11. В Москве презентовали новую науку "деструктологию". URL: <https://www.interfax.ru/russia/636321> (дата обращения 7.12.21).

12. Силантьев, Роман Анатольевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD_%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения 7.12.21).

13. Нападение на Уолл-стрит. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D0%A3%D0%BE%D0%BB%D0%BB-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%82 (дата обращения 7.12.21).

14. Боже, благослови Америку (фильм, 2011). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%B6%D0%B5_%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8_%D0%90%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D1%83_\(%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC,_2011\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%B6%D0%B5_%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8_%D0%90%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D1%83_(%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC,_2011)) (дата обращения 7.12.21).

15. Амелина Я.А. Профилактика «колумбайнов»: как не надо. URL: <https://kavkaz-geoclub.ru/content/profilaktika-kolumbaynov-kak-ne-nado> (дата обращения 7.12.21).

16. Роман Силантьев: «Нужно бороться с романтизацией «Колумбайна». URL: <https://fitzroy.com/mir/roman-silantev-nuzhno-borotsja-s-romantizaciej-kolumbajna/> (дата обращения 7.12.21).

17. Почему «эффект Колумбайн» проникает в российские школы и вузы? URL: https://a4.news/mneniya/pochemu_effekt_kolumbajn_pronikaet_v_rossijskie_shkoly_i_vuzy (дата обращения 7.12.21).

18. Верховный суд признал экстремистским движение "АУЕ". URL: <https://tass.ru/obschestvo/9217761> (дата обращения 6.12.21).

19. Амелина Я.А. «Колумбайн» должен быть признан террористической идеологией. URL: <https://tehnovar.ru/285450-Yana-Amelina-%C2%ABKolumbayn%C2%BB-dolghen-byty-priznan-terroristicheskoy-ideologией.html> (дата обращения 7.12.21).

Сафонова Александра Владимировна
магистрант 1-го курса магистерской программы
«Правозащитная деятельность и юридическое консультирование»
(Южный федеральный университет)

научный руководитель:
Казачанская Елена Александровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Мы живём в постиндустриальной эпохе, в которой уже трудно представить жизнь без современных компьютерных технологий. В 21 веке сложно увидеть человека, который бы не пользовался информационными технологиями. Невозможно представить себе современные области производства, науки, спорта, культуры, экономики, где не применялись бы компьютеры. В эпоху гаджетов и современных технологий, люди стремятся к появлению чего-то нового.

В нашем случае этим является искусственный интеллект, который представляет из себя машину или систему, которая способна так или иначе имитировать человеческое поведение для выполнения определенных задач, а также может со временем обучаться, постепенно используя полученные данные и информацию. [1] Его уже внедряют в различные виды деятельности, которые позволяют существовать и развиваться государству, а также помогают качественно жить гражданам в России, такие как: хозяйственная деятельность, социальная сфера, система государственных, общественных, социально-экономических и медицинских мероприятий, иными словами здравоохранение, отрасли науки, в том числе и в юриспруденцию. [2]

Что же собой представляет искусственный интеллект в юриспруденции? Так как данная статья является научно-исследовательской, я провела некий опрос, попросила окружающих меня практикующих юристов, поделиться своим мнением по данной теме.

«Применение искусственного интеллекта в юриспруденции – процесс, который уже успешно запущен. В некоторых крупных компаниях (например,

Мегафон) уже разработан и вполне успешно функционирует робот-юрист, который может, в частности, осуществлять конкретную юридическую задачу, обрабатывать первичную информацию и предоставлять развернутый ответ на юридический вопрос, практически, идентичный юридической консультации. Также робот-юрист может составлять иски, заявления, и прочие процессуальные документы».

«Есть области, которые крайне сложно цифровизировать (например, невозможно заменить социальных работников по работе с наркоманами и т.п., а также психологов, педагогов, хореографов). Есть некоторые сферы, в которых «человеческое» останавливало от непоправимых последствий. Какие-то человеческие барьеры у человека, даже самого подлого, иногда включаются. С искусственным интеллектом, с цифровыми технологиями сложнее, так как мы не можем полностью запрограммировать машину под человека. Что касается юриспруденции, то это та область, в которой искусственный интеллект должен проявляться, но с большой осторожностью».

«Искусственный интеллект в юриспруденции, означает некое создание ботов, специальных программ, которые несомненно помогут специалисту. Человек, являясь индивидом, часто сталкивается с юридическими факторами - событиями или действиями, которые влияют на мышление. Искусственный интеллект должен дополнять юриста, ибо когда они «будут работать вместе», результат будет качественный».

Юристу тяжело базироваться во всех отраслях права, поэтому искусственный интеллект должен быть помощником юриста, который предоставит нормативно правовую базу и правовую основу, в которой находятся все существующие в юриспруденции законы, документы, и иные источники права, а также сделает выборочный анализ, и предоставит возможные варианты решения.

С другой стороны, каждый человек может стать сам себе юристом. Один из основных правовых принципов, гласит: «Незнание закона, не освобождает от ответственности». Это правило было внесено ещё древними римлянами, так как многие преступники пытались уйти от наказания, ссылаясь на то, что просто не ведали, что совершают противозаконные действия. С точки зрения пользы для общества-государства, будет полезно, что каждый человек будет юридически подкован, и не будет по незнанию нарушать законы.

С точки зрения недобросовестного юриста, корыстного это плохо, так как он потеряет клиентов и заработок.

Как показывает законодательство и практика, представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности сейчас в суд можно обращаться, имея юридическое образование, [3] Поэтому профессия юриста будет по-прежнему востребована. И если юрист обладает высокой квалификацией и опытом, то он будет пользоваться преимуществом, и будет более востребованным гражданами, так как люди имея искусственный интеллект смогут проверить его работу.

К сожалению, в России много юридических фирм «однодневок», которые обещают оказать юридическую квалифицированную помощь, но так её и не оказывают, получают деньги и уходят в неизвестность. И, из-за этого к юристам предвзятое отношение со стороны общества, другими словами, много недоверия. Таким образом, опираясь на приведённые выше в статье аргументы, искусственный интеллект может стать хорошим помощником как юристам, так и гражданам.

В Федеральных органах исполнительной власти, Министерстве внутренних дел, в Адвокатских палатах, в системе органов судебной власти, как и во всех других организациях существуют архивы, на которые уходит большое количество времени. Если бы этим занимался искусственный интеллект, и самим деломпроизводством (учёт, хранение, переписка) в целом, то юристам было бы проще выполнять свою работу, поскольку, взяв на себя рутину, искусственный интеллект обеспечит людям условия для профессионального роста и развития.

Однако, юридическая профессия настолько сложная и тонкая материя, что без человека, с использованием лишь систем искусственного интеллекта, обойтись будет невозможно. В настоящий момент человеком всё проверяется. Так и должно продолжаться – человек должен контролировать искусственный интеллект.

Как заложено еще в Дигестах Юстиниана, «*Jus est ars boni et aequi*». Другими словами, повседневный труд юриста при подготовке и непосредственном изложении правовой позиции в суде, искусственный интеллект выполнить не сможет.

Деятельность судей при вынесении ими решений и приговоров, основывается, как на законе, так и на субъективном трактовании ситуации, которая привела к судебному спору. И, данное субъективное трактование, ни в коем

случае нельзя отдать на откуп искусственному интеллекту. В частности, в уголовном процессе, суд, помимо, квалификации деяния, определении степени тяжести совершенного преступления, анализирует также и смягчающие/отягчающие обстоятельства, побудившие лицо совершить преступление. При том, перечень смягчающих обстоятельств, содержащихся в Уголовном кодексе Российской Федерации, не является исчерпывающим, а это означает, что суд, в процессе рассмотрения дела, может выявить новые смягчающие обстоятельства, и тем самым существенно облегчить наказание для обвиняемого. Помимо вышесказанного, в науке уголовного права существует презумпция невиновности, то есть лицо считается невиновным, пока не доказано обратное. Данные и многие другие ситуации, еще остаются неподвластными искусственному интеллекту в юридической сфере, и можно с уверенностью сказать, что человек в юридической деятельности остается главным действующим лицом, которое способно мыслить по-человечески, и принимать решения, основанные не только на сухом применении закона, но и с использованием человеческого мышления.

Не стоит забывать и о том, что у искусственного интеллекта могут быть сбои, также им могут завладеть «хакеры», иными словами, они способны взломать искусственный интеллект, запустить вирусы или использовать в личных целях. По мнению ученых, искусственный интеллект в виде роботов способен эволюционировать по теории Дарвина, следовать принципу естественного отбора и создавать себе подобных. Об этом свидетельствует эксперимент британских исследователей из Эдинбургского университета. Побеждает сильнейший. [4]. Поэтому нужно контролировать его, и если такие минусы произойдут, то деактивировать его.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что искусственный интеллект помогает юристам быстро, а самое главное качественно выполнить работу, но при этом нужно тщательно контролировать искусственный интеллект, перепроверять его, основываясь на фразе: «Доверяй, но проверяй», чтобы в дальнейшем это не обернулось ошибкой в юридической практике, и не привело к свержению и замене реальных людей роботами.

Закончить данную статью хотелось бы фразой, моего знакомого, практикующего юриста. «Роботы-юристы, на мой взгляд, являются и еще сотни лет будут являться, исключительно, вспомогательным элементом для человека и не смогут занять главенствующую роль в профессии юриста».

Список литературы:

1. Е. В. Боровская, Н. А. Давыдова. Основы искусственного интеллекта // Учебное пособие, 4-е издание, 2020.
2. И. Л. Честнов. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века // Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 69–110.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 30.10.2002.
4. Sasapost (Египет): «выживание сильнейших». Как искусственный интеллект эволюционирует по принципам теории Дарвина? // <https://inosmi.ru> Автор: Нихад Заки (نهاد زكي). - URL: https://salik.biz/articles/83195-kak-iskusstvennyi-intellekt-evolyucioniruet-po-principam-teorii-darvina.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F. (дата обращения: 08.11.2021).

Стребков Никита Валерьевич

аспирант кафедры административного права и процесса
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современное общество подвергается всесторонней цифровизации. Данный процесс с каждым годом развивается все в большей степени. Цифровизация ведет как к облегчению определенных процессов, так и к возникновению новых рисков. Повсеместное распространение цифровых технологий особенно большую опасность представляет для результатов интеллектуальной деятельности.

Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности является одной из важнейших функций любого современного государства, направленного на успешное экономическое и социально-культурное развитие. Эффективная правовая регламентация данной сферы – необходимое условие для улучшения жизни населения и стабильного экономического развития. Все сказанное в полной мере относится и к Российской Федерации.

Нередко правообладателем результатов интеллектуальной деятельности выступает Российская Федерация как публично-правовое образование, обладающее гражданской правосубъектностью. Данное явление наблюдается

при выполнении результатов интеллектуальной деятельности за счет государственных средств в рамках гражданско-правовых или же трудовых отношений. И для правовой охраны таких результатов интеллектуальной деятельности существенным является контроль и надзор, осуществляемый государственными органами.

В юридической науке не выработан единый подход к разграничению контроля и надзора. Данный вопрос относится к числу дискуссионных, наиболее популярным подходом является рассмотрение контроля в качестве более широкого понятия ^[4], так Д.Н. Бахрах называет надзор «суженным контролем», поскольку в рамках контроля происходит проверка законности и целесообразности, в то время как надзор ограничивается лишь изучением законности ^[3].

Иная позиция заключается в совпадении рассматриваемых понятий. Такой подход обуславливается сложностью разграничения данных категорий [5]. Нередко в законодательстве и литературе контроль и надзор используются как синонимичные понятия, что в полной мере относится и к контролю и надзору в сфере защиты результатов интеллектуальной деятельности.

Так, в пункте 1 Положения об осуществлении контроля и надзора в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности гражданского назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также контроля и надзора в установленной сфере деятельности в отношении государственных заказчиков и организаций – исполнителей государственных контрактов, предусматривающих проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, утвержденном постановлением Правительства РФ от 24.11.2020 г. № 1914 [1], определяется использование термина «контроль» в тексте документа в качестве обозначающего как контроль, так и надзор.

Таким образом, отметим, что в применении к контролю и надзору в сфере охраны результатов интеллектуальной деятельности законодателем не осуществляется разграничение данных понятий.

Обязанность по контролю и надзору в рассматриваемой сфере возложена на Федеральную службу по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент). В рамках исполнения контрольно-надзорной функции Роспатент следит за соблюдением государственными заказчиками и исполнителями государственных контрактов, определяемых законом или же государственным контрактом, требований, касающихся:

- а) распределения и закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности;
- б) проведения патентных исследований;
- в) обеспечения правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности;
- г) осуществления государственного учета результатов интеллектуальной деятельности;
- д) распоряжения правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности;
- е) использования результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат Российской Федерации;
- ж) обеспечения защиты прав Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности.

Исходя из вышесказанного, отметим, что Роспатент, осуществляет контроль и надзор как на стадии создания результата интеллектуальной деятельности, в период его использования, так и при распоряжении им. Существует много объектов интеллектуальной собственности, каждый из которых обладает определенной спецификой, чем обуславливается существование определенных проблем.

Согласно Приказу Минэкономразвития России от 30.09.2015 г. № 699 [2] государственная регистрация топологий интегральных микросхем является добровольной. Кроме того, сама регистрация носит формальный характер, при котором не происходит проверка оригинальности топологии интегральной микросхемы, а лишь рассматривается наличие необходимых документов и их соответствие установленным требованиям. Предоставляемые депонируемые материалы, позволяющие идентифицировать топологию, не подвергаются проверке. Провозглашается презумпция достоверности внесенных в Роспатент сведений, и ответственность за их достоверность возлагается на заявителя.

Вышеуказанный порядок усложняет контроль и надзор за топологиями интегральных микросхем, правообладателем которых является государство. Так, существование незарегистрированных, а также отсутствие проверки зарегистрированных топологий создает возможность для того, что выполняемые по государственному заказу топологии не будут в действительности оригинальными. В то же время при хищении чужой интеллектуальной собственности существующий порядок регистрации не является эффективным механизмом для разрешения спора.

Благоприятным исходом разрешения данной проблемы представляется введение обязательной государственной регистрации топологий интегральных микросхем с введением проверки регистрируемого объекта на предмет оригинальности.

Такое решение обладает некоторыми недостатками, будет увеличена длительность регистрации и сложность регистрации для заявителя. В то же время Роспатент будет вынужден нести дополнительные материальные затраты. Однако такое решение, поможет с большей эффективностью осуществлять контроль и надзор за использованием топологий интегральных микросхем на любом этапе их использования. При этом увеличится защищенность правообладателей такого результата интеллектуальной деятельности.

Ожидаются также и улучшения в развитии данной сферы, поскольку создатели топологий интегральных микросхем будут вынуждены создавать более оригинальные объекты. И в то же время смогут использовать уже существующие топологии, после истечения срока действия исключительного права и перехода в режим общественного достояния.

Список литературы:

1. Об утверждении Положения об осуществлении контроля и надзора в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности гражданского назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также контроля и надзора в установленной сфере деятельности в отношении государственных заказчиков и организаций - исполнителей государственных контрактов, предусматривающих проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ: Постановление Правительства РФ от 24 нояб. 2020 г. № 1914 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. ст. 7761.

2. Об утверждении Правил оформления заявки на государственную регистрацию топологии интегральной микросхемы, Правил составления документов, являющихся основанием для осуществления юридически значимых действий по государственной регистрации топологии интегральной микросхемы, и их форм, Порядка государственной регистрации топологии интегральной микросхемы, Перечня сведений о за-регистрированной топологии интегральной микросхемы, публикуемых в официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Перечня сведений, указываемых в свидетельстве о государственной регистрации топологии интегральной микросхемы, формы свидетельства о государственной регистрации топологии интегральной микросхемы: Приказ Минэкономразвития России от 30 сен. 2015 г. № 699 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.11.2021).

3. Административное право : учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. Москва : Норма, 2006. 800 с.

4. Кулаков Н.А. Контрольно-надзорные и юрисдикционные функции Роспатента как направления административно-правовой охраны интеллектуальной собственности российской федерации / Н.А. Кулаков // Вестник Воронежского государственного университета. серия: право. 2018. № 4 (35). С. 179–185.

5. Маслов К.В. О соотношении понятий контроля и надзора / К.В. Маслов // Право-применение. 2018. № 1. С. 85–90.

Фальшина Нелли Александровна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры теории и истории государства и права

(Южный федеральный университет)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Развитие цифровых технологий в Российской Федерации началось еще в прошлом веке, в девяностых годах, однако их активное внедрение в систему общественных отношений произошло на пороге нулевых уже нынешнего столетия. Очевидно, что цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни и позволили упростить взаимоотношения с государственными органами. Именно цифровые технологии сегодня обеспечили полноценную возможность социально взаимодействовать в период пандемии коронавируса, теперь на расстоянии можно оплатить услуги разного рода, получить консультацию того или иного специалиста, сходить на экскурсию, принять участие в научной конференции, форуме, а взаимоотношения современного налогоплательщика с государственными органами власти, сегодня, базируется на принципиально иных сущностных характеристиках, на службе у налоговых органов сегодня состоит целый арсенал цифровых ресурсов, которые сопровождают администрирование и контрольные процедуры. Так, цифровым технологиям постепенно удалось пронизать все сферы общественных отношений, одновременно трансформировав и изменив наше сознание, и, часто, понимание границ дозволенности своего поведения.

Таким образом, указанные факторы породили, не много не мало, так называемую, цифровую революцию, следствием которой стала не просто трансформация сознания, а трансформация системы национального права, где активно формируется сегодня межотраслевой институт под названием цифровое право. Указанный институт уверенно шагнул в систему современных

национальных правоотношений, а реальная перспектива, этого института безусловно отраслевой характер. Через несколько лет цифровое право станет полноценной отраслью национальной системы российского права.

Необходимо отметить, что особенностью современного периода, периода активного внедрения цифровых технологий в социальные отношения, в первую очередь, является низкая регуляторная способность национальной системы права, также, одной из особенностей, является формирование правовых отношений, отличающихся принципиально новой конфигурацией, при одновременном падении уровня правового воспитания, и еще одной особенностью современного периода является развитие и углубление процессов, обуславливающих активное проявление правового нигилизма.

Проблема низкой правовой культуры являлась актуальной проблемой во все времена, поскольку это всегда – высокий уровень развитого правосознания, активного функционирования правовой национальной системы, которая строится на основополагающих ценностях, заложенные в потенциале права, как основного и самого эффективного регулятора общественных отношений, При этом, важно отметить, что правовая культура общества часто имеет возможность отражать социально значимые юридические аспекты жизни современного общества, а также и общее положение национальной культуры. Одновременно правовая культура обладает уникальными механизмами, которые позволяют вносить в поведение индивида элементы гармонии, влияя на его мышление, поведение, сознание и восприятие действительности, включая юридические факты. По этой причине, в сочетании с национальной, политической, конституционной и традиционной культурой общества, правовая культура выступает в роли надежного гаранта духовности, порядка и стабильности в современном обществе, где урегулированы все виды и формы социальных отношений.

С появлением цифровых технологий, которые предоставили современному человеку массу коммуникативных возможностей, проблема низкой правовой культуры, низкой правовой дисциплины, развития такого явления как правовой нигилизм, обрела совершенно иные, новые и ранее научно не исследованные модификации, имеющие свои особенные характеристики.

Правовая культура цифрового общества, как явление, представляет собой современный феномен, который только предстоит исследовать ученым, научные интересы которых лежат в плоскости теории государства и права. Указанная наука, будучи базовой юридической наукой, обладает комплексом

инструментариев, характерных только для нее, которые позволяют полноценно исследовать, изучать, классифицировать подобного рода явления, в последующем адаптировать к юридической науке в общем и целом, а затем и к отраслевому законодательству.

Что же собой представляет правовая культура в современном обществе, где цифровые технологии стали частью общественных отношений, которые в той или иной части не всегда урегулированы национальным правом?

Во-первых, для цифрового общества характерна правовая незрелость, которая выражается в отсутствии элементарной правовой дисциплины, в правовой безграмотности, сформированной под влиянием социальных сетей, во-вторых, это негативное, отрицательное отношение к праву, основанное на правовом невежестве и отсутствии правового воспитания, мотивацией чего служит цифровой контент, оправдывающий массовое нарушение национальных законов, организованной преступности, неисполнения законов представителями органов государственной власти, появление в сети Интернет литературы криминального характера, кинофильмов и игр, которые воспевают преступность, в-третьих, это так называемое правовое безразличие, которое выражается в безразличии к современным правовым явлениям, в-четвертых, это искажение информационного правового поля, которое выражается в том, что индивид перестает воспринимать информацию, которую транслируют официальные государственные органы, поскольку наряду с ней в социальных сетях множество информации, которая не соответствует действительности, не подтверждена реальными фактами, а также исходит от неофициальных источников.

Дело в том, что цифровое пространство, куда попадает современный человек с детства, представляет собой некую альтернативную реальность, безусловно виртуальную, которая делает из всех нас не только аудиторию, то есть зрителей, но и тех, кто в любой момент может высказать свое мнение, поскольку доступность и возможность транслировать искаженную информацию, касающуюся в том числе и правовых явлений всегда сопровождает пользователя в сети, при этом демонстрируя абсолютно любые личностные реакции, так как писать всегда проще, продумывая каждое слово и выражение. Все это является свидетельством того, что на наших глазах формируется новая социо-культурная реальность или проще говоря среда, с уже сформированными саморегулируемыми внутренними процессами, где поведение индивида не всегда урегулировано правовыми нормами, при этом основным признаком указанной социо-культурной среды, является то, что ее природа имеет имитационный характер, то есть не представляет собой объективную реальность.

Таким образом, именно теория государства и права сегодня имеет все научные инструментари, методы и формы для изучения, указанного явления, которое пока не описанного и не изучено юридической наукой должным образом. Изучать указанное явление необходимо безусловно юридической наукой, поскольку Интернет имеет все возможности сегодня создавать свое, уникальное, не похожее на реальное, искусственное пространство, которое имеет все социокоммуникативные характеристики. Важно отметить, что, если указанное пространство способно влиять на ситуацию в обществе в целом, значит оно имеет возможность влиять и на правосознание индивида, а также на его правопонимание.

Цифровое пространство имеет свои закономерности развития и функционирования, по этой причине информация, которую транслируют социальные сети, касающаяся любой сферы жизни общества, в своей основе часто содержит так называемый шок-контент, поскольку в противном случае указанная информация окажется не востребованной, что в итоге приводит к формированию единого штампа реакции общества на национальную государственную политику, на действия и деятельность органов власти и на попытки государства воспитать в нас граждан, с высоким уровнем правовой дисциплины, правовой культуры и правосознания. Именно в этом, как нам кажется, состоит миссия теории государства и права как юридической науки, в ближайшей перспективе.

Хабиева Заира Докуевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
(Чеченский государственный университет)

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Правоприменительный процесс занимает главное (по В.М. Горшеневу – доминирующее) место в системе юридического процесса, и, следовательно, является его видом.

Однако исторически (и фактически) сложилась такая практика, при которой в подавляющем большинстве случаев в названии (употреблении, исполь-

зовании и т.д.) такой правовой категории, как правоприменительный юридический (подчеркнуто нами – авт.) процесс слово «юридический» как бы опускается (опускается), не называется; возможно и потому, что конструкция «правоприменительный процесс» более удобна в употреблении (произношении), хотя, полагаем, имеется заметная разница в сущности и содержании правоприменительного и правоприменительного юридических процессов.

Так, еще у истоков научной разработки теории юридического процесса он классифицировался на учредительный, правотворческий и правоприменительный процессы [1].

В дальнейшем, как теоретики, так и представители отраслевых наук в своих работах в основном употребляли понятие «правоприменительный процесс», исключая его юридический характер.

Аналогичная картина наблюдается и в современной науке – преобладающим остается использование словосочетания «правоприменительный процесс» [2].

И только в отдельных трудах можно встретить такое название, как правоприменительный юридический процесс.

К примеру, в статье о роли юридического процесса в правоприменительной деятельности И.С. Куksин пишет: «Существует общетеоретическое понятие юридического процесса, одним из видов которого является правоприменительный юридический процесс. Полагаем, что правоприменение и правоприменительный юридический процесс – это синонимичные понятия, поскольку правоприменение, как и правоприменительный юридический процесс, проходит ряд строго очерченных этапов, стадий. Правоприменение достигает цели исключительно в рамках правоприменительного юридического процесса. Правоприменительный юридический процесс – есть легальная форма правоприменения. Следовательно, правоприменительный юридический процесс – это регламентируемая нормами права целенаправленная, динамическая деятельность органов государственной власти, носящая комплексный характер и представляющая собой совокупность последовательных взаимосвязанных правовых процедур, действий, возникающих по поводу принудительного восстановления правопорядка» [3].

Как следует из такого подхода, автор ставит знак равенства между понятиями правоприменительного процесса и правоприменительного юридического процесса (правоприменения), считает их идентичными, хотя, повторимся, это не так.

Прежде, чем высказать свою позицию по данному вопросу, назовем еще одну статью, в которой также речь идет о правоприменительном юридическом процессе; причем, в прямой постановке вопроса, что следует из самого названия статьи. Ее авторы, Л.Д. Чулюкин и В.В. Гурьянова подчеркивают, что «проблема понимания сущности правоприменительного юридического процесса представляет значительный интерес для юридической науки и практики, ее исследование раскрывает малоизученные стороны правоприменительной деятельности. В настоящее время проблема правоприменительного процесса приобрела особую актуальность в связи с реформированием процессуального законодательства, принятием Кодекса административного судопроизводства РФ. Исследование данной проблемы необходимо в целях выявления пробелов законодательного регулирования правоприменительного юридического процесса, совершенствования механизма преодоления правоприменительных ошибок и повышения эффективности и качества современной практики применения права» [4].

По существу, этого мнения возражений нет, но обратим внимание, что эти авторы, кроме упоминания (в этой цитате и названии статьи), фактически исследуют не правоприменительный юридический процесс (как заявлено), а – правоприменительный процесс (именно); ими не показано различие указанных понятий.

Вместе с тем, в контексте нашего исследования важно обратить внимание на такую мысль данных авторов: «В зависимости от компетенций участников правоприменительного процесса следует выделять юрисдикционный и неюрисдикционный процесс. В рамках юрисдикционного правоприменительного процесса соответствующие субъекты разрешают юридические споры и дела о правонарушениях» [5].

С нашей точки зрения, именно юрисдикционный и неюрисдикционный характер деятельности субъектов правоприменительного процесса [6] выступает основанием для различения правоприменительного процесса вообще и его разновидности – правоприменительного юридического процесса. Считаем, что в том случае, когда осуществляется юрисдикционная деятельность, необходимо вести речь о правоприменительном юридическом процессе. В иных случаях правоприменения правомерно говорить только о правоприменительном процессе (процессах) позитивного характера (лицензионный, избирательный, бюджетный и т.д.).

Таким образом, мы фактически обращаемся к так называемому узкому пониманию юридического процесса, и ставим знак равенства между судопроизводством в его конституционных формах (конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное) и правоприменительным юридическим процессом.

В результате, гражданский, арбитражный, уголовный, административный и конституционный процессы – это правоприменительные юридические процессы, сущность которых составляет юридическая деятельность по рассмотрению и разрешению юридических дел и правовых споров в соответствующей процессуальной форме [7].

Такова наша позиция в вопросе (и в порядке постановки научной проблемы) о природе и сущности правоприменительного юридического процесса.

Список литературы:

1. Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1979. С. 3–10.
2. Алексеев С.С. Теория права. Харьков, 1994.
3. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Гл. 7; Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2005.с. 685 и другие.
4. Аверин А.В., Гроза Ю.А. Указ. соч. С. 68; Золотарева Л.С. Цикличность правоприменительного процесса в исторической ретроспективе // Законность и правопорядок. 2018. № 1–2. С. 40–42.
5. Савин А.А., Кузнецова Н.В. Правоприменительный процесс как фундамент правоприменительной деятельности // Синергия науки. 2018. № 29. С. 1336–1342.
6. Куксин И.С. Роль юридического процесса в правоприменительной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 4 (17). С. 104–109.
7. Чулюкин Л.Д., Гурьянова В.В. Сущность и виды правоприменительного юридического процесса // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 3. С. 125.
8. Борискова И.В. Понятие и назначение юрисдикции по российскому праву // Вестник Воронеж. Ин-та МВД России. 2008. № 2. С. 9–14.
9. Малышкин А.В. Интегрированная юрисдикция (доктрина, практика, техника): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 46 с.
10. Макогон Б.В. Концепция процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений: монография. М.: Юр-Вак, 2020.

Чабаненко Лариса Владимировна
аспирант кафедры теории и истории государства и права
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Не подлежит сомнению тот факт, что развитие новых технологий оказывает все более значительное влияние на людей и общество в целом. Между населением государств и их органами публичной власти возникают новые типы отношений. Невозможно отрицать, что человечество прогрессирует, не стоит на месте, и этот процесс настолько естественен, как, например, переход от детства к юности, от юности к взрослой жизни. На наш взгляд, это этап восхождения на новый уровень, который, однако, закономерно связан с возникновением новых трудностей и, как следствие, появлением у всех сторон отношений дополнительной ответственности. Этот тезис справедливо применим и к цифровизации, которая стремительно проникает во все сферы жизни граждан Российской Федерации.

Известно, что социальные взаимодействия между органами государственной власти и отдельными лицами в исторической ретроспективе привели к возникновению и развитию различных социальных явлений и процессов, о чём говорит Бакушев В.В. [1, с. 65]. В частности, одним из результатов такого взаимодействия стало появление отдельной правовой отрасли, которая была наполнена ориентированными на человека положениями, основанными на стандартах прав и свобод человека и гражданина в сфере оказания государственных и муниципальных услуг. Однако мир не стоит на месте, обстоятельства реальности заставляют по-новому взглянуть на надлежащее обеспечение прав и свобод во времена стремительных процессов глобализации и цифровой трансформации.

Конечно, повсеместная цифровизация открывает новые двери для граждан и государства. В этой связи её следует рассматривать как инструмент, а не как самоцель. При этом, на наш взгляд, при системном государственном подходе цифровые технологии будут значительно стимулировать развитие открытого информационного общества как одного из важнейших факторов развития демократии.

Для анализа концепции цифровой трансформации в государственном управлении полезно выделить общепринятые основные этапы цифровизации.

Во-первых, речь идет о видоизменении процессов, в рамках которых осуществляется внедрение традиционных цифровых технологий для повышения эффективности деятельности органов власти, управления данными.

Во-вторых, это этап, который предполагает переход к электронному правительству.

В-третьих, непосредственно электронное правительство, способное оказывать услуги населению без личного присутствия лица, обратившегося за оказанием государственной и муниципальной услуги.

Заметим, что, анализируя современную систему предоставления государственных и муниципальных услуг, можно прийти к выводу, что она находится лишь на пути своего становления. Это объясняется тем, что в настоящее время процедурные аспекты предоставления данных услуг проходят этап реформирования, по промежуточным итогам которого заметно, что многие государственные и муниципальные услуги возможно получить онлайн, применив определенные информационные системы.

Вместе с тем, информационное обеспечение предоставления административных услуг является таковым, что имеет некоторые практические недостатки: например, отсутствие у ряда граждан технической возможности получения услуги через сеть Интернет.

Говоря о зарубежном опыте, заметим, что в некоторых странах (например, Республика Корея) цифровое правительство построено по принципу ориентированных на клиента услуг. Этот принцип радикально отличается от традиционных процедур. Это требует от государственных должностных лиц устранения бюрократических препятствий для выполнения своих обязанностей и способствует горизонтальному сотрудничеству и координации между государственными учреждениями на национальном и местном уровнях. Так, Павлютенкова М.Ю. отмечает, что «цифровое правительство, будучи всеобъемлющей концепцией и обладая рядом специфических аспектов, которые должны стать ключевыми стратегическими элементами политики государства, осуществляющего цифровую трансформацию» [2, с. 120]. В целом, цифровая трансформация в государственном управлении включает в себя несколько этапов развития процесса предоставления государственных и муниципальных услуг, стремясь сочетать в себе полную электрификацию, автоматизацию и оцифровку сведений, поступающих от физических и юридических лиц, обратившихся за оказанием таких услуг.

На наш взгляд, если на первых этапах любое государство стремится максимально увеличить долю административных услуг, доступных в электронном виде, то по мере цифровой трансформации изменится именно состав административных услуг и, как следствие, количество видов предоставляемых услуг.

А именно, например, в настоящее время в Венгрии организации самостоятельно предоставляют различные виды отчетности государственным органам (налоговым органам, различным фондам, статистическим органам и т.д.) в основном в электронном виде по каналам связи. Государственные учреждения, в свою очередь, занимаются приемом и обобщением, администрированием этих отчетов, формированием на их основе планов проверок и т.д.

Заметим, что современные технологии предоставляют возможность цифровой трансформации этого процесса, при котором необходимые данные могут автоматически направляться в государственные органы на основе взаимодействия информационных систем подотчетных субъектов и государственных органов без участия граждан. Таким образом, функции администрирования отчетности (как таковые), на наш взгляд, со временем постепенно исчезают, потому что исчезает сама отчетность, а внутренние проверки могут проводиться в автоматизированном режиме, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта.

В России созданный Единый портал государственных услуг призван отвечать на самые разнообразные запросы физических и юридических лиц, адресованных различным министерствам и ведомствам: например, получение удостоверения допуска российского перевозчика к международным автомобильным перевозкам, исполнение обязанности по предоставлению сведений о результатах теста на новую коронавирусную инфекцию для прибывающих на территорию Российской Федерации, составление декларации пожарной безопасности и прочее.

Эти услуги предоставляются по категориям в конкретных областях, включая жизнь, здоровье, безопасность и правосудие, финансы и налогообложение, транспорт, гражданство и миграцию, а также социальную защиту.

Портал обеспечивает доступ субъектов к информации об административных услугах, субъектах их предоставления и центрах таких услуг, доступность для загрузки и заполнения электронных заявлений и других документов, необходимых для получения государственных и муниципальных услуг, возможность подачи заявлений посредством телекоммуникаций, возмож-

ность получения информации о ходе рассмотрения их заявлений. Также физические и юридические лица могут оплачивать государственные пошлины за предоставление административных услуг дистанционно, в электронном виде. Кроме того, с целью поощрения такого способа оплаты предоставлен бонус в виде скидки при соблюдении определённых условий (как, например, оплата посредством банковской карты отечественной платёжной системы «МИР»).

Безусловно, что развитие информационных технологий является процессом, спрашивающим большого административного потенциала. Это требует тренингов и информационных кампаний для поощрения и объяснения сущности, принципов и задач цифровизации государственных и муниципальных услуг.

Кроме того, хотелось бы отметить, что в связи с ситуацией, вызванной COVID-19 и введением значительных ограничений в разных сферах жизни, а также возможностью подобных вспышек вирусов и тому подобного в будущем, цифровизация выступает инструментом, способным обслуживать запросы граждан и их потребности намного быстрее и лучше.

Фактически, случившаяся в мире пандемия помогла продвинуться в сторону развития. Данный тезис можно подтвердить, например, ситуацией, когда был остановлен срок подачи заявок на административные и другие услуги и сроки предоставления этих услуг. Государство, вынужденное решать запросы физических и юридических лиц «здесь и сейчас», было поставлено перед проблемой цифровизации механизма предоставления государственных и муниципальных услуг. Однако с течением времени и стабилизацией эпидемиологической ситуации внедрённые механизмы остались в силе, и в настоящее время при обращении за рядом услуг через Единый портал есть вариативность выбора – получить результат услуги в электронном виде (подписанный усиленной электронно-цифровой подписью и направленный на указанный лицом адрес электронной почты) или же явиться непосредственно в ведомство или министерство (или МФЦ) за получением копии решения на бумажном носителе.

Вместе с тем, обнаруживающиеся недостатки национальной стратегии и стандартов в области разработки автоматизированных информационных систем могут привести к использованию разнообразных и несообщённых друг с другом технологий, а также к нерациональному использованию ресурсов, дублированию данных, повторному вводу идентичной информации и прочее.

Список литературы:

1. Бакушев В.В. На пути к информационному обществу в России: организация госуслуг в электронной форме // Государственная служба. 2011. № 3. С. 65–68.
2. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг. –2019. № 5 (153). С. 120–135.

Шарипов Михаил Спиридонович

штатный священник прихода храма в честь святого Николая Чудотворца
(ст. Марьянской Краснодарского края)

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА БЕСЦИФРОВУЮ СРЕДУ

С самого начала в высшем законе нашей страны – Конституции Российской Федерации – установлено следующее: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ» [1].

Отсюда следует и соблюдение прав человека на отказ от цифровых технологий. Теоретически это должно соблюдаться без каких-либо проблем как со стороны человека, так и со стороны государства. Однако на практике возникает очень много затруднений. В частности, в современном мире права человека на приватность, уважение к частной жизни, свободы слова, защиту уязвимых групп населения, отсутствие дискриминации по религиозному, национальному, экономическому, социальному или какому-либо другому признаку, а также новая группа прав перед корпорациями и социальными сетями пока не могут быть адекватно защищены, поскольку они законодательно полностью пока не определены.

Как и право человека на бесцифровое пространство, о чём говорит один из источников: «В условиях цифровизации сфера права реорганизуется (формируется) под влиянием возможностей современных цифровых технологий... Цифровая революция формирует новые права в цифровом пространстве Интернета, иных информационно-коммуникационных технологиях, придаёт новые, порой неожиданные, аспекты реализации основных прав и свобод гражданина» [2].

Сейчас всё большее значение приобретают «цифровые права», которые обычно понимаются как «права граждан на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, право на свободный доступ к сети Интернет (иных коммуникационных сетей) с использованием компьютеров и иных электронных устройств» [3].

Но начать следует с одного простого факта: сегодняшний мир – цифровой, информационный. У многих авторов встречается мысль, что «в условиях складывающейся новой цифровой реальности меняется и сам современный человек, образ его мышления, мировоззрения и мировосприятия. Такие стремительные перемены вызывают необходимость оперативно, профессионально и более гибко адаптироваться к новым реалиям» [4].

От этого можно уйти, вернувшись в феодальное общество – движение «Талибан» пытается построить подобное на одной отдельно взятой территории – однако это значит отказаться не только от культуры, но и от науки, и от этических норм, и от законодательства, и, в конце концов, человека как личности.

Но цифровое общество основано на информации. Конституция нашей страны говорит так: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом» [5].

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» вводит следующие основные понятия: «информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [6]. И немного далее, закон выводит определение «конфиденциальность информации»: «обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия её обладателя» [7]. Что в информационном обществе может быть трудно выполнить, поскольку с развитием новых технологий появляются и новые виды преступлений. И это является одним из аспектов страха, о котором будет сказано ниже.

Для того, чтобы глубже понять вопрос о правах человека на отказ от цифрового общества, следует кратко указать некоторые особенности данного общества.

1. Увеличение роли информации и информационных технологий.
2. Возрастание числа людей, занятых сбором, хранением, анализом информации, а также информационными технологиями и производством информационных продуктов и услуг.

3. Тотальная цифровизация общества путём создания глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к информационным ресурсам и удовлетворение человеческих потребностей в цифровых продуктах.

4. Развитие электронных демократии, экономики, правительства, рынков, социальных сетей и тому подобное.

Естественно, эти «4 кита» несут с собой большое количество рисков. О некоторых говорит один из источников: «Как глобализация и цифровое общество сопрягаются с сохранением приватности жизни? Тотальная чипизация способна убить это достояние человеческой культуры. На человека активно наступает тотальная электронная идентификация личности. Где пределы этих процессов? Кто и как их должен регулировать? Какова здесь роль государственных институтов и гражданского общества?.. радикальное изменение социальной структуры. Появление новых слоёв и прослоек» [8].

В общем, если рассмотреть совокупность страхов людей по поводу информационного общества, то можно выделить три основные группы:

1) страхи за безопасность. Сюда можно включить страх неизвестности, страх за нарушение прав в области конфиденциальности информации (это очень объёмное поле), страх «не научиться» (оказаться неспособным) пользоваться технологиями хотя бы на минимальном уровне, страх стать полностью зависимым от государства или от тех корпораций/организаций/личностей, которые получают всю возможную информацию о человеке, боязнь полного контроля над жизнью.

Судя по всему, настолько полный контроль – это естественное следствие развития техники (о последнем говорит и Русская Православная Церковь, признавая «неизбежность и естественность процессов глобализации» [9]). Поэтому происходящие сейчас события, по мнению некоторых авторов – это «переход от логоцентрической к цифроцентрической организации жизни с её тотальной компьютеризацией и сетевизацией. По сути, это фундаментальный, экзистенциальный процесс в эволюции человеческой культуры» [10].

«Общепризнано, что в мире пройдено пять технологических укладов. Шестой технологический уклад, который одновременно будет являться первым постиндустриальным укладом, к которому переходят сейчас развитые государства, обусловлен развитием нанотехнологий, резким снижением энергоёмкости и материалоёмкости производства, конструированием материалов и организмов с заранее заданными свойствами» [11].

В этих шести поколениях развития явно прослеживается параллель с поколениями войн, выделенных генерал-майором В. И. Слипченко, в частности, в его труде «Война будущего (прогностический анализ)» [12].

Следует заметить, что боязнь подобного контроля адекватно рассматривалась самыми разными писателями уже в прошлом, частично и в позапрошлом веках. Отдельно можно выделить знаменитые «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Соловьёва (опубликованное в 1899 г.), в которых ясно описывается время пришествия антихриста перед самым Вторым пришествием Спасителя. Отдельно – потому, что Владимир Соловьёв является именно христианским философом.

Впрочем, он был не одинок: через несколько десятков лет Игорь Иванович Сикорский, эмигрировавший от неминуемой смерти в США, напишет свою «Невидимую борьбу»: гениальный инженер оказался ещё и гениальным богословом. В частности, вот что он говорит о самом негативном варианте будущего: «Под предлогом улучшения и перевоспитания человека начнется беспрецедентное вмешательство власти в домашние дела, семью, во все сферы людской жизни, в особенности по отношению к тем людям, кто умственно и духовно находятся на более высоком уровне» [13].

Показательно, что многие писатели – философы и даже фантасты – говорили о таком же контроле, только без прямого упоминания христианства. Это и Хаксли, и Оруэлл, и Брэдбери... Но даже они не могли предвидеть подобного развития информационной среды.

2) страхи утраты идентичности – автор выделяет отдельно, поскольку это особый подвид. Каждый человек идентифицирует себя по самым различным основаниям – религиозному, национальному, социальному, экономическому... Здесь же человек как бы теряет индивидуальность, становясь «цифрой во всемирной паутине», что делает его максимально открытым для внешнего влияния.

Следует отметить, что любое национальное государство в большой мере базируется на определенной национально-культурной и религиозной идентичности, ценностях традиционной культуры. Таким образом, информационная глобализация угрожает потере традиционных ценностей, в том числе религиозных и нравственных, «так как формальный рационализм в условиях цифрового общества становится основным инструментом и критерием правильности принимаемых решений, в то время как традиционные ценности но-

сят иррациональный характер, базируются на вере в Бога, жертвенности человека личными интересами во имя интересов общества (семьи, Отечества, Родины, блага государства, Церкви, общины, рода, племени и т. п.)» [14].

3) религиозные страхи – этот тип характерен не для всех, поэтому выделяется отдельно. Эта группа страхов касается эсхатологии, в особенности – христианской. К сожалению, не все православные читали толкования отцов на книгу Откровения – в частности, свв. Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Андрея Кесарийского, Ипполита Римского и других. В силу своего незнания подобные люди становятся крайне нетерпимыми к любым попыткам приведения цитат из православной традиции толкования Откровения, предпочитая верить любым непроверенным и даже противоречащим христианскому вероучению утверждениям.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Очень многие авторы говорят о смене эпох как о естественном процессе, при этом их отличия куда глубже, чем это часто представляют; по словам одного из источников, это напрямую связано с появлением «особой культуры – культуры тех, кто овладел новыми способами работы с информацией. Очень быстро эта культура становится необходимой, потому что новые методы работы с информацией слишком многое дают» [15].

Об отрицательных аспектах информационной глобальной структуры было кратко сказано выше, теперь же следует рассмотреть, что положительного даёт тотальная цифровизация.

Возможность много работать умственно (а не физически на износ, как это было ещё недавно); возможность получать знания из самых различных областей; возможность дистанционно приобщаться к культурным ценностям; возможность общения; возможность получения самой различной информации; равенство мужчин и женщин в работе – причём это всё является очень актуальным для тяжело болеющих людей, а также для тех, кто живёт вдали от «цивилизации».

2. Соблюдение прав и свобод человека, несомненно, продолжает быть приоритетным направлением в Российской Федерации. В силу этого право человека на бесцифровую среду точно так же является неотъемлемым и обязательным для соблюдения. Но соблюдение этого права наталкивается на определённые трудности, в числе которых:

а) выделение отказавшегося от цифровых аспектов общественной жизни человека из социума;

б) затруднения медицинского и социального обслуживания, в профессиональной деятельности (например, дистанционное обучения для преподавателя или связь с руководством/поставщиком/научным руководителем/проведение конференций и т. д.), в доступе к информации, в обращениях к культурному наследию;

в) неполное участие человека в общественной и государственной жизни. Напомним, что термин «идиот» в своём эллинском основании – это человек, который живёт в городе, но никак не участвует в его политической жизни;

г) трудности в семейной жизни – в частности, воспитание социально неполноценных детей, которые будут находиться вне общества.

3. Эсхатологические ожидания очень отдалённо связаны с введением глобальной «антихристианизации». Да, смысл Откровения полностью неизвестен ни одному человеку, однако в книге есть недвусмысленные указания, что ожидаемая столь многими печать появляется только в 13-й главе (16–18). А до этого должно произойти очень много событий: землетрясения (Откр. 6:12), запечатлеют 144000 людей (Откр. 7:4–8), «поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звёзд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была – так, как и ночи» (Откр. 8:12), погибнет третья часть людей (Откр. 9:18)... А самое показательное – два свидетеля, которые будут проповедовать, затем будут убиты, но через 3 дня воскреснут (Откр. 11:3–12). Пока этого не произошло.

Из этого вытекает, что человек по личным мотивам сознательно лишает себя одного из оснований современной жизни. Вряд ли это можно назвать рациональным, однако, если «осуществление прав и свобод человека» не нарушает «права и свободы других лиц» [16], то он имеет на это полное право, гарантированное Конституцией Российской Федерации и другими нашими законами. Лишь бы этим он вредил только себе, но не родным и близким.

Список литературы:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 2012. 1376 с.
2. Буровский А. М. Человек будущего. – [электронный ресурс]. Систем. требования: FB2. 606 с.
3. Балашова Т. Н. Законодательное обеспечение цифровых прав ребёнка в Российской Федерации. – [электронный ресурс]. Систем. требования: PDF – 4 с.

4. Залоило М. В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели. [электронный ресурс]. Систем. требования: PDF 16 с.
5. Карцхия А. А. Цифровая трансформация и права человека. [электронный ресурс]. Систем. требования: PDF. 6 с.
6. Конституция Российской Федерации. [электронный ресурс]. Систем. требования: PDF. 54 с.
7. Лапшин А. О. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях. – [электронный ресурс]. Систем. требования: PDF. 6 с.
8. Овчинников А. И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект. – [электронный ресурс]. Систем. требования: PDF. 17 с.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_4_4 (дата обращения 07.12.2021).
10. Сикорский И. И. Невидимая борьба. [электронный ресурс]. Систем. требования: FB2. 252 с.
11. Слипченко В. Н. Война будущего (прогностический анализ). [электронный ресурс]. Систем. требования: FB2. 220 с.
12. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=389982&dst=100001#PZgm0rSHzPilaHaK> (дата обращения 07.12.2021).

Шатковская Татьяна Владимировна

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

ДИХОТОМИЯ «ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОСТИ» И «ЦИФРОВИЗАЦИИ» В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Более 70 лет современный мир меняется под влиянием информационных технологий. Изменения оказались настолько существенными, что получили название цифровой революции. В итоге объективная реальность дополнена виртуальной реальностью, складывающейся в социотехническую систему. Некоторые промежуточные итоги этой революции демонстрируют иллюзорность представлений о возможном решении большинства угроз, стоя-

щих перед человечеством, техническими способами. Как выяснилось дальнейшее развитие цифрового уровня техники поставило под вопрос само существование homo sapiens, то есть решая одни проблемы, создаем другие, причем качественно новые и рационально не познаваемые.

Речь идет о стабильности человека как вида, разрушении сложившихся коммуникативных социальных связей, делающих человека тем самым особым видом живого, обладающего сознанием и мышлением. Настало время подумать о главном, без чего любая человеческая, в том числе и юридическая деятельность лишаются смысла, а именно о пределах тотальной оцифровки. Создание цивилизации, в которой не только появляются «лишние люди», но и понятие «человека» как биологического вида, одушевленного наличием у него свободы выбора и уникальных когнитивных способностей, вызывает тревогу.

Разработчики новых технологий перешагнули черту, отделяющую понимание информационных технологий как технических помощников человека, от формирования генерации новых оцифрованных людей, волеизъявление которых ставится под контроль не «лучших», более «сведущих» индивидов, а технологий, обладающих более совершенной чем у человека рассудочной рациональностью и не обремененных грузом «человечности» в виде морально-нравственных и религиозных ценностей и представлений. В литературе о цифровой трансформации человека уже сегодня называют «ячейкой глобальной сети» [1, с. 11]. Бионический человек кто он – робот или человек? Если сегодня гидравлические протезы реагируют на сигналы мозга, то ближайшие десятилетия становятся временем киборгов. И с учетом темпов эволюции искусственного интеллекта, легко сказать, чего будет больше в этом существе человеческого и технического. Означает ли это, что роль юриста сводится к тому, чтобы курировать тысячи приложений?

«Опьянение» ролью «сверхчеловека» – создателя новой реальности лишает многих современников здравого смысла, понимания пределов человеческих возможностей прежде всего в плане осознания последствий информационной революции. Только «изливание» своей личной жизни в соцсетях оборачивается тысячами реальных убийств, похищений и краж, не говоря о сотнях тысяч мошеннических операций.

Последнее не означает требования ограничения научно-технического развития. Этими словами автор, не считающий себя ни футурологом, ни луддитом, присоединяется к тем представителям мирового научного сообщества

(нейробиологам, психологам, филологам, физикам, экономистам, социологам, юристам и др.), которые выступают против тотальной оцифровки человечества в условиях отсутствия выработанного на уровне общественного консенсуса понимания целей, способов осуществления, ожидаемых результатов и пределов данного процесса.

Выстраивание пределов в течение последнего тысячелетия истории человечества связано с правом, получившим свою институционализацию в юридических формах. Понятие пределы в праве в условиях цифровой трансформации получает и другое значение, а именно приобретает вероятностный характер. Соединение юридических суждений и технологий не даёт в сумме запрограммированный алгоритм. Напротив, появление подрывной технологии машинного обучения делает непредсказуемым поведение данных систем. Поведение и действия систем машинного обучения нельзя полностью предвидеть во всех ситуациях, даже если известен алгоритм, управляющий обучением. Поведение системы машинного обучения основано на закономерностях и корреляциях, которые она обнаруживает в наборах данных. Эти закономерности и корреляции по своей природе не известны заранее, иначе не потребовалось бы никакого обучения.

Тот факт, что такое поведение нельзя полностью предвидеть, ставит под сомнение режимы гражданской и уголовной ответственности, поскольку закон обычно предусматривает ответственность пользователей, производителей, программистов и только в том случае, если поведение было предсказуемым. Если поведение нельзя было предвидеть, винить некого за вред, причиненный системой машинного обучения. Это может привести к разрыву ответственности. Поэтому применение юридической ответственности становится возможным только за умышленные деяния, связанные с намеренным причинением вреда.

В этой связи оцифровка общественных отношений ставит перед юридическим сообществом ряд принципиальных вопросов, не разрешимых принятием некоторого количества новых нормативно-правовых актов, а требующих концептуального осмысления. Доказательством тому, служит тот факт, что на сегодняшний день российские законодатели приняли более 5 тысяч нормативно-правовых актов, касающихся цифровизации. Однако их действенность близка к нулю. Некоторые «промежуточные» итоги размышлений по вопросу поиска правовых пределов цифровой трансформации представлены в данном исследовании.

Во-первых, в условиях цифровизации правовое регулирование не меняет своего назначения. Оно состоит в приучении людей к самоограничению их инстинктивных порывов и произвольных посягательств, к осознанному соблюдению законной формы и законного предела в поступках путем сохранения, накопления, уяснения и упрощения дисциплинирующих правил поведения и способов их реализации, упорядочивающих и расширяющих бесспорную сферу общественных отношений.

Цифровая модель не меняет сущности правового регулирования, то есть того исходно юридического, что остается константой при любых жизненных изменениях, а значит в условиях цифровизации нельзя говорить о появлении другого права. Вместе с тем, урегулирование правом сетевых отношений имеет своеобразные цель и задачи, а также определенный набор правовых средств, способов, технологий и пр., обусловленных спецификой данных отношений. Для того, чтобы их выявить следует оценить возможности современного юридического инструментария на предмет его использования в цифровой сфере. Глубоких исследований по этому вопросу не проводилось, но мнения озвучены. Как выяснилось они диаметрально противоположны. Так, Т.Я. Хабриева высказывает позицию, поддерживаемую рядом юристов, о том, что новый объект регулирования настолько своеобразен, что «старые подходы и шаблоны здесь не работают» [2, с. 14, 15, 19]. Другие ученые полагают, что общеправовые принципы и подходы применимы и к цифровой сфере [3, с.43].

Научно-объективный подход к этому вопросу позволяет заключить следующее. Современная юриспруденция обусловлена общественными отношениями, складывающимися между людьми, и предназначена для упорядочения человеческой коммуникации. Юридический инструментарий, сформированный в эпоху индустриальной революции, ориентированный в основном на юридическое закрепление сложившихся в реальной действительности регуляторных практик и основанный на принципе механистического детерминизма, не может применяться в информационных сетях. Оцифрованные вещи приобретают не только новую форму, но и особые свойства (глобальность, взаимосвязанность, доступность и даже ум и способность к саморазвитию). По данным исследовательского института HIS Markit через пять лет будут постоянно обмениваться информацией 78 млрд умных вещей.

Поэтому считаем, что речь должна идти не о появлении нового права, а надстройки над имеющимся. При этом необходима разработка системы средств, способов правового регулирования глобально-децентрализованного

сетевого пространства и одновременно переосмысление и модернизация институтов позитивного права, которые сохраняют свою действенность, но утратят приоритетное значение. Необходимо сформировать систему правовых связей между миром объективно-материальных и сетевых коммуникаций.

В виртуальном мире нам предлагают взаимоотношения не только с людьми, но и с машинами. В девизе разработчиков «искусственного интеллекта» - компьютеры могут быть как люди, ключевым выступает слово «как». Разработка законов, определяющих поведение роботов во взаимоотношениях между ними, так и прежде всего с человеком из области научной фантастики переходит в сферу практической юриспруденции. И первый вопрос, встающий на этом пути, заключен в самой возможности урегулирования поведения искусственного интеллекта нормами «человеческого» права. Что значит для робота реализация закона, предполагается, что он будет его соблюдать, исполнять, использовать или станет правоприменителем? А если высоко интеллектуальная машина откажется осуществлять «несовершенные» человеческие законы и автоматически обновит их?

На данном этапе человечество развлекается играми с машиной, удивляется их сверхспособностям к обучению, коммерциализирует невероятные для человеческого ума компьютерные навыки обработки данных и пр. Однако с учетом темпов «интеллектуализации» машин реальностью может оказаться не только автоматизация жизни, но и автоматизация человеческой смерти как в узком, так и в широком смысле этого слова.

Во-вторых, необходима теория целеполагания в сфере юридической деятельности. Причем как в долгосрочном перспективном стратегическом планировании основных направлений юридического регулирования, так и на уровне оперативного принятия управленческих решений [4, с. 28–34].

Так, в Паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление, утвержденном президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28.05.2019 №9. Цель национального проекта «Цифровая экономика РФ» состоит «во внедрении цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения, субъектов малого и среднего предпринимательства», а также «разработка и внедрение национального механизма осуществления согласованной политики государств – членов Евразийского эко-

номического союза». Данные цели детализированы в 61 задаче, которые указывают на тотальную цифровую трансформацию государственной власти на всех ее уровнях.

Под цифровой трансформацией Правительство РФ понимает «совокупность действий осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению ими государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность» в следующих целях: повышения удовлетворенности гражданами госуслугами, снижения издержек в государственной управлении, экономике и социальной сфере, повышения собираемости доходов и сокращения теневой экономики, обеспечения национальной безопасности информационно-технологической инфраструктуры России, устранение избыточной административно-контрольной нагрузки на субъектов предпринимательской деятельности [1].

В решении Высшего Евразийского Экономического Совета «цифровая трансформация» определена как проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов.

Ни одно из этих направлений не предполагает исследование социально-значимого результата такой трансформации, то есть востребованность ее обществом и последующее влияние на его морально-нравственные и политические устои и состояние.

В этом смысле хочется надеяться на получение результатов, о которых пишет Т.Я. Хабриева, «не исключена возможность, что обществу удастся установить телеологические законы, т. е. законы, связывающие определенные цели с определенными действиями, «повелениями», другими целями и т. д. [2, с.64].

На данном этапе очевидно, что целеполагание в условиях цифровизации не должно вступать в противоречие с общеправовыми принципами, основами конституционного строя государства и в целом соответствовать стратегии национально-правового развития России.

В-третьих, требуется философско-правовое осмысление, основанное на междисциплинарном научном сотрудничестве, пределов цифровизации как в

сфере оцифровки человека, так и в области установления законодательной защиты от вытеснения человека искусственным интеллектом в общественных отношениях. Нет сомнений, что новейшие технологии (машинное обучение, искусственный интеллект и др.) становятся безграничными. Финансисты поют дифирамбы машинным трейдинговым системам, утверждают, что они могут обойтись даже без энергичных менеджеров. Только в финансовом секторе в 2018 г. более 81 % услуг стали электронными [1, с. 98]. Это и пугает.

В условиях сиюминутного возрастания угрозы потери контроля человека над дальнейшим ходом технологического прогрессизма он становится не только источником повышенной опасности, но и реальной угрозой жизни, здоровья и существования человечества. Как известно установление законодательных границ служит надежным инструментом человеческого выживания. Современные научные достижения позволяют не только менять человеческие органы, но и геном человека, манипулировать его ДНК. Однако есть и другой научный факт, состоящий в том, что ученые не могут не только просчитать, но даже и предсказать всех последствий такого вмешательства. Поэтому как на международном, так и на национальном уровне установлен запрет на коммерциализацию технологий, позволяющих «творить» человеческую природу.

В большинстве технологических развитых стран, включающих «золотой» миллиард человечества, в том числе и в Российской Федерации, если не запрещены, то законодательно ограничены эвтаназия и право на смерть в целом; получение патента на изобретения, связанные с модификацией клетки человека и др.

Вместе с тем, в России усиленными темпами внедряются информационно-технологические механизмы тотального контроля за населением [5], позволяющие получать карательным органам информацию не только о месторасположении граждан, но и об их уровне жизни и прочие персональные данные. Кроме того, активно продвигается внедрение системы биометрических данных в контексте общемировой тенденции, посягающей на конфиденциальность и в конечном счете свободу человека.

Подводя итоги, отмечу, что сегодня как никогда, следует помнить о человеческой природе права и его цивилизационном предназначении охранять людей, их социальные свойства, эмоциональное своеобразие, духовно-культурный потенциал, уникальные коммуникативные и когнитивные способности. Развитие юридической деятельности в направлении ее технологизации (после промышленного переворота) в условиях тотальной оцифровки заходит

в тупик. Юрист не сможет быть более эффективным чем машина в силу своей человечности. Однако джин из бутылки выпущен и поэтому теперь необходимо четкое понимание стратегии будущих действий.

В связи с вышесказанным полагаем, что современный юридический интеллектуальный научный поиск должен осуществляться в двух основных направлениях: первое и главное состоит в том, что в общем виде можно назвать философией права цифровой эпохи, а именно теоретическое переосмысление юридического образа мышления, категориально-понятийного аппарата юриспруденции в условиях формирования социотехнической нормативно-юридической системы, то есть исследования дающие целостную картину происходящего в виртуальной реальности и последствий ее влияния на моральные, нравственные и политические устои общества.

Действующие модели правового регулирования создавались для отношений с определенным кругом субъектов по поводу в большинстве своем конкретных материальных объектов и совершенно очевидно, что их «элементарной оцифровкой» дело не ограничится. Важно, чтобы в итоге цифровой революции объективный мир не раскололся на две части, а был дополнен виртуальной надстройкой. Помимо этого, необходимо, чтобы контроль за сущностью человека оставался под контролем самого человека. Неструктурированные области социальных отношений, требующих гибкого усмотрения и абстрактного мышления, не смогут быть упорядочены машинными технологиями.

Второе направление исследований связываем с разработкой новых видов юридических специальностей, востребованных на рынках юридических услуг, и требований к ним. Как следствие необходима переориентация образовательного процесса на подготовку таких кадров как юридический аналитик (разработка критериев оптимальности, устойчивости и управляемости социотехнической нормативно-юридической системы), специалист по правовому алгоритмированию и моделированию, то есть переход от рутинного юридического функционирования (решения типичных ситуаций) к интеллектуальной юриспруденции, ориентированной на выработку стратегемы социотехнической нормативно-юридической системы и принятие правовых решений в нестандартных ситуациях.

Список литературы:

1. Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 420 с.
2. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации. СПб., СПбГУП, 2019. 36с.

3. Минбалеев А.В. Формирование системы принципов института правового регулирования цифровых отношений (цифрового права) // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.

4. Шатковская Т.В. Цели и интересы в праве цифровой эпохи // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 28–34.

5. <https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/documentinfo.html?reestrNumber=2770203815018000094&backUrl=502233c8-d3a6-4018-b8e9eca1737704d9> (дата обращения 26.07.2020).

Шипетина Ангелина Владимировна

бакалавр 2-го курса
(ФГБОУ ВО РАНХиГС);

научный руководитель:

Малиненко Эльвира Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
(ФГБОУ ВО РАНХиГС)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в данной статье рассматриваются проблемы и перспективы цифровых технологий в судебной деятельности.

Ключевые слова: информационные технологии, судебная система, автоматизация, информационная система

Abstract: This article examines the problems and prospects of digital technologies in judicial activity

Keywords: information, technology, judicial system, automation, information system

В связи со сложившимися ограничительными мерами, обусловленными пандемией Covid-19, судебные заседания были переведены в онлайн-формат.

Стороны пользовались различными приложениями, обеспечивающими видеосвязь – WhatsApp, Skype, Zoom. Из-за отсутствия возможности присутствовать в суде большинство людей опробовали эти технологии на себе.

Введение информационных технологий в судебную систему, конечно, влечет за собой увеличение уровня доступности правосудия. Условия пандемии стали ситуацией, в которой было невозможно использовать какие-либо другие альтернативные варианты для проведения судебных заседаний в режиме онлайн, а так как судебный процесс не может быть приостановлен на столь длительное время, суды были вынуждены использовать то, что имелось. Говорить об успешном вынужденном переходе к дистанционным заседаниям, можно будет только при условии четкой и стабильной тенденции к переходу заседаний в онлайн режим после снятия всех ограничений, в связи с предотвращением распространения инфекции Covid-19. Но в сравнении с другими странами уровень информатизации например с Австрией и Германией Канадой выше и составляет –7,5 баллов из 11.

Важно упомянуть, что не все заседания, которые были запланированы на время пандемии, проходили в дистанционном формате. Причиной этому стало техническая не оснащённость для полноценного обеспечения дистанционного формата, а также отсутствие навыков и компетенций в обращении с техническими средствами у участников заседаний, судьи не исключение.

Для того чтобы принять участие в судебном онлайн-заседании нужно заполнить электронную форму на сайте «Мой Арбитр» и лицо которое участвует в деле или его представитель должен подать в арбитражный суд ходатайство об допуске его к онлайн-заседанию, лицо участвующее в деле в обязательном порядке должен прикладывать к ходатайству копию паспорта. А представитель лица, принимающего участие в деле, должен прикладывать к ходатайству копии: доверенности или иного документа, подтверждающего полномочия о представлении интересов участника, паспорта и диплома.

Дела, судебное разбирательство по которым проводится в закрытом порядке, в онлайн режиме не проводится.

При возникновении каких-либо технических неисправностей либо других препятствий осуществления заседания в онлайн режиме судья, ведущий дело, может отложить заседание в соответствии с частью 5 статьи 158 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Лица, нарушающие установленный порядок поведения в судебном заседании или участники, которые какими-либо своими действиями (бездействием) проявляют неуважение к закону и суду, в случае неподчинения законным распоряжениям председательствующего органа могут быть лишены возможности участия в онлайн-заседании, после предупреждения.

Программа «Электронный судья», – одна из самых многообещающих. Это направление может быть создано для рассмотрения несложных категорий судебных дел. Она будет рассматривать: дела об административных правонарушениях правил дорожного движения, дела, которые рассматриваются в упрощенном или особом порядке судопроизводства. Как необходимы цифровые нововведения в данном направлении подметил А. Кучерена, который уверен, что при помощи электронных судей "мы резко сократим процент ошибочных или заведомо неправосудных приговоров, преодолеем "обвинительный уклон" и в целом значительно повысим качество судопроизводства... Информационная революция развивается такими темпами, что самые дерзкие мечты из научной фантастики каждый день становятся реальностью". Но также и существует ряд негативных сторон и взглядов, среди которых самой значимой проблемой введения информационных технологий остается недоверие к информационным новшествам со стороны судейского сообщества и неприязнь к их возможностям. Весь огромный потенциал информационных технологий должен быть направлен главным образом на оптимизацию судебной деятельности и повышения справедливости и правильности решений суда.

В российской судопроизводственной практике уже есть опыт использования современных технологий в сфере информационных технологий, речь идет о том, что в России начали использовать искусственный интеллект при вынесении судебных решений, а именно связанных с делами о взыскании налогов.

В нынешних условиях внедрения цифровых технологий в сферы права и экономики прогнозируется набирающая обороты тенденция применения онлайн-арбитражей и активного использования информационных технологий в процессе отправления правосудия. С 2015 г. В России применяют онлайн-арбитраж при Арбитражной ассоциации. Так, информатизация российской судебной системы начиная с информационной системы "Мой Арбитр", использования видео-конференц-связи, аудиопотоколирования оказывает положительное воздействие на предоставление доступа к правосудию, так же влечет за собой значительное уменьшение нагрузки на аппарат суда и ускорение судопроизводства в целом. На сегодняшний день правоведы занимаются вопросами о возможном полном онлайн-разбирательстве, затрагивая точки зрения как права, так и существующих технологий.

Использование средств цифровой связи при ведении и разрешении различных споров в мировой практике уже достаточно давно имеет место быть,

и в первую очередь в третейских органах (судах и арбитражах). Давно очевидно, что с помощью информационных технологий возможно упростить процедуру разрешения споров и конфликтов, и одной из главных составляющих являлся экономический аспект для участников процесса, так как чтобы добраться к месту проведения заседания нужно было потратить немало денежных средств. В самом начале внедрения информационных технологий, а именно в виде конференц-связей устраивались допросы свидетелей и экспертов по делу, а в наше время и стороны часто принимают участие в судебных делах онлайн. Образовавшаяся во всем мире ситуация с ограничениями и введением карантинных мер, связанных с пандемией, вызванной вирусом COVID-19 принудила в больше пользоваться информационными технологиями.

Список литературы:

1. Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 179 с.
2. Дыркова, Т. А. Основные элементы электронного судопроизводства в арбитражном процессе // Молодой ученый. 2018. No 12 (198). С. 109–111.
3. Николаев А.И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2019. No 4. С. 44–48.
4. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. No 1. С. 35–49.
5. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. No 2. С. 5–13.
6. Пономаренко В.А. К вопросу о модернизации судебно-арбитражной процессуальной формы в свете изменений АПК РФ и концепции электронного правосудия // Российский юридический журнал. 2013. No 2. 152 с.
7. Малиненко Э.В. «Цифровая» форма Конституции и уставов субъектов Российской Федерации и способы корреляции и адаптации // Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения. Сборник статей международной конференц-сессии. Москва, 2020. С. 938–940.
8. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-novatsii-i-elementy-elektronnogo-pravosudiya-v-arbitrazhnom-sudoproizvodstve-v-period-rasprostraneniya-koronavirusnoy/viewer>.
9. <https://base.garant.ru/71578932/>.
10. <https://my.arbitr.ru/#index>.

Юрасов Юрий Игоревич

доктор технических наук,

магистрант 1 года обучения магистерской программы

«Правозащитная деятельность и юридическое консультирование»

ЦИФРОВОЕ ВИДЕО- ИЛИ ФОТОФИКСАЦИЯ: ПРИЗНАВАТЬ ИХ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЕЗ ЭКСПЕРТИЗЫ ИЛИ НЕТ?

Благодаря развитию цифровых мобильных устройств и систем позволяющих производить видео- или фотосъемку у многих граждан, и особенно у правоохранительных органов, появилась возможность фиксации правонарушений или их отсутствие для дальнейшего предоставления в качестве доказательства в судах. Для возможности упорядочения и применения такого рода материалов были разработаны поправки в КоАП РФ, а в 2016 г. подписан закон снявший неопределенность в вопросе об использовании видео- или фотосъемки, а также звуковой записи или сведений, размещенных на иных носителях информации, в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях (Федеральный закон № 114-ФЗ от 26 апреля 2016 г.). После принятия поправок, зафиксированные указанными в законе способами материалы и данные, признаются документами и выступают в качестве доказательств по административным делам (п. 2 ст. 26.7 КоАП РФ). По задумке авторов закона эти изменения должны были решить проблему, когда судьи определяли по своему усмотрению приобщать ли к делам записи с мобильных устройств и иных подобных средств или нет, но все же решающий голос об использовании таких материалов для вынесения решения по делу, остается за судом и правоохранительными органами (ст. 55 ГПК РФ, с. 64, ст. 89 АПК РФ, абз. 2 ч. 1, ч. 2 ст. 84 УПК РФ). Отмечается, что в Государственной думе обсуждаются аналогичные инициативы, согласно которым суды могут обязать рассматривать материалы фотосъемки, видео-, аудиозаписи в качестве доказательств в судебном процессе. Конечно, может такие уточнения в законе на первый взгляд, упрощают применение в судах, в качестве доказательств сделанных с мобильных устройств, но на самом деле остается множество нюансов, которые необходимо учесть при применении таких материалов участниками судебного процесса. Допустимость использования в качестве доказательства является решающим фактором применения, так как полученные с

нарушением действующего законодательства материалы не имеют юридической силы (ст. 60 ГПК РФ) и не могут использоваться при решении суда (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, ч. 2 ст. 55 ГПК РФ).

Существуют несколько форм определения допустимости использования фото-, видеосъемки, таких как: использование специальных записывающих устройств применяемых правоохранительными органами; использование специального программного обеспечения (приложение Госуслуги для выявления нарушений ПДД гражданами РФ планируемое применяться с 2022 г.); проведение экспертизы. Все приведенные примеры применяются для исключения возможности фальсификации предоставляемых материалов (фото-, видеофиксации) в качестве доказательства, так как всплеск развития технологических инноваций, искусственного интеллекта (ИИ), интернета позволяют автоматически производить редактирование, улучшение, исправление и (или) внесение изменений в цифровые фотографии и видеоизображение без каких то специальных навыков у конечных пользователей. При этом если эксперты отмечали, что для корректировки видеосъемки требовалось несколько дней или месяцев (<https://www.garant.ru/article/733154>), то различные приложения на мобильные устройства и онлайн сервисы с использованием ИИ, которые позволяют редактировать фото- и видеосъемку за считанные секунды.

На данный момент существуют множество приложений на мобильные устройства и онлайн сервисы, которые позволяют редактировать фото, вставлять в фото- и видеозаписи несуществующие объекты, оживлять фотографии и изменять лица людей при этом достаточно порой сделать порой только два действия. Как отмечалось ранее допустимость использования фотосъемка, видео-, аудиозаписи в качестве доказательств остается за судами, назревает множество вопросов о применении в качестве доказательства таких материалов без обязательной экспертизы, ведь потенциально любая цифровая запись может быть подвергнуто редактированию за считанные секунды после съемки при применении ИИ, поэтому одной из форм защиты от несанкционированного редактирования при выявлении нарушений ПДД гражданами РФ, планируется с 2022 г. обязательное использование приложения Госуслуги для мобильных устройств.

Как пример решения применимости в качестве доказательств остается судами фото-, видеосъемка является Решение Верховного Суда Российской Федерации (№ 5-АД21-88-К2 от 01.11.2021 г.), оставившего жалобу защитника без удовлетворения, в которой было указано, что судами при рассмотрении дела отклонено ходатайство о проведении экспертизы фотоматериалов

приложенных к делу, что является существенным нарушением. При этом Верховный Суд Российской Федерации согласился с выводами судьи районного суда и вышестоящих судебных инстанций о том, что для установления виновности общества в нарушении приведенных выше норм и совершении вмененного административного правонарушения не имеется необходимости в использовании специальных познаний в науке и технике. Такой вывод, в отказе от проведения экспертизы при использовании современных цифровых технологий, может быть неправильно трактован, так как любая цифровая фото-, видеосъемка потенциально может быть откорректирована и, соответственно, без специальных познаний в науке и технике невозможно установить допустимость использования в качестве доказательства таких материалов. Ведь если съемка была на мобильное устройство, в котором были специализированное программное обеспечение или доступ на ресурсы с использованием ИИ, как было сказано, потенциально может сфальсифицировано и учитывать без проведения экспертизы таких материалов нельзя и они не были сняты с использованием специальных устройств или программного обеспечения обеспечивающих получение фото-, видеозаписи без их вмешательства для их дальнейшей передачи в суды в качестве доказательства в установленном законодательством порядке.

В другом случае остается вопрос, каким же образом доказывать в судах свою правоту рядовым гражданам, которые ходатайствуют приобщать к делу личное фото и видеофиксацию при соблюдении всех требований законодательства и как быть судам при приобщении к делу цифровых записей. Ведь уровень цифровизации достиг таких высот, что даже экспертиза, может быть, не способна дать однозначный ответ, было ли вмешательство в записи с помощью ИИ или нет. Все же анализ законодательства и судебной практики позволяют сказать, что фото- и видеофиксация, является достаточно эффективными способами защиты прав и при правильном их закреплении, признаются допустимыми судами, достоверными и относимыми.

Применение цифровой фото- и видеофиксации качестве доказательства в судах является актуальными вопросами не только в РФ, но и на международном уровне, так как темпы развития ИИ идут в геометрической прогрессии и для исключения представления отредактированных материалов или их однозначной идентификации при проведении экспертизы обязать производителей программного обеспечения и владельцев искусственного интеллекта при обработке фото- и видеоконтентов делать вставки специальных кодов дефек-

тов или других опознавательных знаков для однозначной идентификации обработанного видеоизображения экспертами. Так же на законодательном уровне ввести нормы обязывающие проведения экспертизы при предоставлении в качестве доказательств цифровых фото- и видеосъемок, аудио- и других видов цифровой записи, без применения специальных устройств и программного обеспечения.

Научное издание

Всероссийская научно-теоретическая конференция

**«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА»**

Сборник статей

Подписано в печать 30.12.2021 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 100 экз.
Усл. печ. лист. 9,07. Уч.-изд. л. 8,67. Заказ № 8384.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.